

уральский

следопыт

№11 ** 1979

СОЛИКАМСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ

Деревянные часы... Изготовления знаменитого вятского умельца Николая Михайловича Бронникова. Корпус их вырезан из капа — березового нароста. Пружина сделана из закаленного бамбука, механизм и цепочка — из пальмы, стрелки, часовая и секундная, — из жимолости... Места для цифр в циферблате отделаны перламутром.

Бронников и его сыновья смастерили в прошлом веке 10 таких часов. Одни из них находятся в Кировском музее, вторые — в Тамбовском, третьи — в Оружейной палате в Москве, четвертые — в Женеве, пятые — в домашнем музее ангарского умельца П. В. Курдюкова.

И есть такие часы в Соликамском музее, о котором пойдет речь. Судьба остальных из этого десятка пока не известна. Часы Бронникова — уникальный экспонат. Но не они составляют главную гордость краеведческого музея в Соликамске — городе, который готовится отметить свое 550-летие. Музей в Соликамске еще в тридцатых годах, первый на Урале, стал отраслевым. История Соли Камской, развитие советской калийной промышленности определили профиль музея, о котором рассказывает очерк «Соликамские коллекции».

На снимке: деревянные часы Бронникова.

Читайте стр. 15-ю.

в номере:

В. Ледяшов ВЕЛИКАЯ ТРАНССИБИРСКАЯ, ИЛИ О ТОМ, КАК ВА- ЛЕРА ПЕРВУШИН ПОНЯЛ, В ЧЕМ ИСТИННАЯ СИЛА ЧЕЛОВЕКА	2
М. Найдич, О. Поскребышев А НАМ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ВСЕГО-ТО! Стихи	6
М. Азерный ТРАМПЛИН	8
В. Скачилов, В. Чемляков ВРАЧ, ПИСАТЕЛЬ, РЕВОЛЮЦИОНЕР	10
Е. Белодубровский «ТРУД МОЙ — БЛАГОРОДНЕЙШИЙ В МИРЕ»	11
Д. Соколкова, О. Чумарова СОЛИКАМСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ	15
Е. Пинаев НАД НАМИ ПАРУСА	17
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	34
И. Алебастров ЗАГАДКА ЭМТЕ	33
З. Ясман ИДУ НА ТАЙМЫР	39
С. Абрамов РЫЖИЙ, КРАСНЫЙ, ЧЕЛОВЕК ОПАСНЫЙ. Повесть- сказка	42
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП	61
А. Григорьев АБОРДАЖ С НЕБА	62
Л. Добринская «ЗВЕЗДОЧКА»	65
Е. Шерстобитов ТЕПЛЫЙ КИРПИЧ	68
Н. Попов ПЕРЕД МОГУЧИМ ЛЕСОМ КЛЯНУСЬ!..	70
К. Новосельский КОРИЧНЕВОЕ ЗОЛОТО	72
А. Омельчук ПАМЯТЬ ДЕРЕВА	73
И. Заянчковский ДАЙ ПТИЦЕ РЕЧЬ	74
ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ ЖУРНАЛА	76
К. Мелихан ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
Сдано в набор 31/VII 1979 г.
ПС 11217
Подписано к печати 14/IX 1979 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,3
Тираж 247 000.
Заказ 580.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1979 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№11 * 1979

**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ**

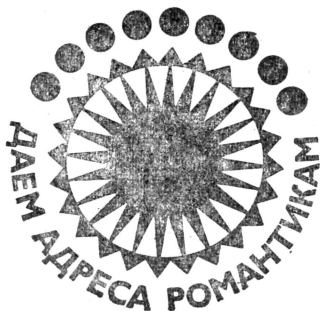
ВЕЛИКАЯ ТРАНССИБИРСКАЯ,

или о том,
как
Валера Первушин
понял,
в чем
истинная
сила
человека

**Владислав
ЛЕДЯШОВ**

Рисунок
С. Сухова

I

— В человеке, Жора, должно жить чувство осознания собственной необходимости людям, — сказал Николай Иванович, — без него нет настоящего человека.

— Высокие слова, Николай Иванович.

— Могу и по-простому, — нахмурился Николай Иванович, — вы, Жора, на мир через рубль смотрите!

...Жора появился в вагоне после остановки в Тюмени — такой огромный, развеселый, что не улыбаться, слушая его, было просто невозможно.

— В Эстонии все звали меня Айваром, — стал он знакомиться с нами. — В Татарии я был Шакиром, а в Тюмени повариха тетя Наташа прозвала меня Гогой. «Гоголь-моголь, — говорила тетя На-

таша,— за что тебе мама такое вкусное имя подарила?»

Мы рассмеялись шутке, а Валера, восхищенный глядя на значок мастера спорта, еле приметный на широченной груди великана, спросил нехвата:

— Вы геолог?

— Зачем — геолог? Я Жора просто!

Шутить он умел. Появлялся на минуту и сейчас же взрывался хохот, становилось весело, словно в цирке. Про цирк я не случайно сказал. Дело в том, что новый пассажир, мастер спорта по тяжелой атлетике, умел шутить и силой: посадит на ладонь Валерку, р-р-раз! — и на другую ладонь перебросит. Это шестиклассника-то Валерку, в котором явно не менее сорока килограммов? Представляете?

А еще Жора считал себя человеком откровенным. И вот эта откровенность исподволь поворачивала к нам нового попутчика иной стороной, обратной, что ли, которую увидишь не сразу. Узнали мы постепенно, что в Эстонии пробыв Жора всего три месяца: море большое, качается, сейнер маленький, а Жора еще меньше. Бросает его от борта к борту, а ему говорят, что надо сети с рыбой тащить. Какие сети, когда он сам, как рыба, выброшенная на берег? «Прощай», — сказал Жора красивой Эстонии... На заводе в Татарии он и вовсе не стал задерживаться. Приехал Жора, говорит заводу: «Хочешь, приз на республиканских соревнованиях тебе заберу? Записывай на работу!» А завод Жоре говорит: «Становись к конвейеру!» Жора про соревнования, а ему про какой-то конвейер... Не поняли друг друга... А в Тюмени, где пробовал Жора поработать на стройке, хватило его ровно на тридцать один день: «Проработал Жора месяц, дали ему двести рублей... Да в штанге, которую Жора поднять может, больше килограммов, чем рублей в такой зарплате!»

В общем-то, как-то охладели скоро многие к шуткам-прибауткам развеселого силача. И только Валерка не отходил от него по-прежнему ни на шаг. Жора в соседний вагон себя показать и на людей посмотреть — Валера тоже, Жора покурить в тамбур — Валера с ним. Нет, не курить, конечно, просто рядом с мастером спорта постоять... Никан не хотел Валера поглядеть на своего нового друга с «обратной» стороны, все с той он ему виделся, на которой прикручен был красивый значок...

...В тот вечер, когда произошла ссора, стояли мы с Николаем Ивановичем у коридорного окошка. Смотрели на пробегающие мимо огни дремлющих полустанков, на черноту притихшей тайги, прислушивались к грохоту мостов под колесами, когда пробежал торопливо наш поезд над речками. Николай Иванович рассказывал тихонько про тундру и про свой оловянный рудник, что запрятался меж холмов в сотне верст от

полярного Певека. Я внимательно слушал, радуясь, что разговорил наконец-то сурового на вид и не очень словоохотливого оловодобытчика, и не заметил, как подошли и прислушались вместе со мной к рассказу Николая Ивановича Жора и, конечно же, Валера.

— И что же вы с той тундры имеете? — перебил вдруг Николая Ивановича Жора.

— Вы про что? — недоуменно вскинул брови оловодобытчик.

— Я про это, — потер Жора пальцами так, как было у него в привычке, если речь шла о деньгах.

— Ах, про э-это, — улыбнулся Николай Иванович и как-то многозначительно глянул на меня, словно приглашая посмотреть, что сейчас произойдет. — Ну, как повезет... Бывает, по шестьсот рублей в месяц, а бывает — и по восемьсот...

— В-вы... это с-серьезно? — от неожиданности и волнения Жора даже заикаться стал.

— Вполне, — пожал плечами Николай Иванович. — А что?

— А зачем тогда дурной Жора торчал в Эстонии за три сотни, в Тюмени — за две, а в Татарии — вовсе ни за что? — как-то нервно начал шутить Жора. — Зачем, я вас спрашиваю, если есть на свете Певек, есть хороший человек Николай Иванович, который сделает Жору очень счастливым, если возьмет его с собой в тундру копать олово?!

Вот тут-то и сказал Николай Иванович те самые слова.

— Вы, Жора, — сказал он, — на мир через рубль смотрите, неладно это...

Я видел, с каким трудом сдержался Жора, чтобы не ответить Николаю Ивановичу уже не шуткой, а какой-нибудь грубостью. Зато не сдержался Валера. Он вдруг побледнел от собственной смелости и наскочил петухом на Николая Ивановича:

— Вы... вы... Вам просто завидно, что Жора такой сильный! Ну и не берите его в свой Певек, другие возьмут, вот!

И Валера кинулся догонять Жору. Николай Иванович кашлянул смущенно и полез в карман за папиросами.

— Да-а, жалко мальчишку однако, — сказал он хмуро. — Как бы не научил его Жора смотреть на жизнь своими глазами. Худо будет...

— Ну нет, — сказал я, чтобы как-то успокоить Николая Ивановича, — Валерка — парень хороший, авось разберется...

II

В Иркутске Тимофей сбежал в станционный киоск и вернулся назад с большой картой Байкало-Амурской магистрали. На столике она не уме-

щалась, и все мы — хозяева и гости шестого купе — уселись тесно на одну нижнюю полку, а на другой расстелили карту.

— Ну-ка, ну-ка,— сказал Николай Иванович,— показывай, Тимофей, где твой брат уголек добывает.

— Вот здесь,— Тимофей ткнул пальцем в юг Якутии,— у Нерюнгри.

Тимофей — якут. Три года назад, когда закончил он десятилетку, пришло письмо от сестры из Москвы: приезжай, мол, к нам, будешь со мной на стройке работать. Тимофей поехал с радостью: жить в столице, строить ее — согласитесь, не каждому так крупно везет. Через полгода он сообщил домой, что стал каменщиком, а еще через полгода — что поступил заочно в техникум. «Это ты молодец,— хвалил в ответных письмах Тимофея старший брат Василий,— а у меня тоже новости. БАМ совсем в Беркаит пришел, Нерюнгринский угольный разрез увеличивает добычу угля, и в нашем стройуправлении объявили набор на курсы экскаваторщиков-горняков. Я записался. Ковшом черпать буду...» Тимофей читал братовы письма, и чувствовал, что начинает тосковать по родной якутской земле. И как-то после очередной весточки из дому он не выдержал, пошел в райком комсомола за путевкой. Путевку ему не дали («А нужны ли каменщики на южноякутском участке БАМа?»), но Тимофей уже не представлял своей судьбы иначе и теперь ехал строить новый якутский город Нерюнгри...

— У тебя в Москве прописка была? — спросил Жора.

— Была,— сказал Тимофей,— а что?

— Ц-ай,— щелкнул Жора языком,— десятилетку кончил, в техникуме учится, а такой недогадливый... Квартиру ты мог получить в столице, вот что!

— Ах, Жора, Жора,— сказал Тимофей,— все-то ты про свое...

— Дурики вы... — махнул рукой Жора.— Пойдем, Валера, покурим...

Дверь за Жорой захлопнулась, и мы увидели, что Валера остался в купе. С нами.

— Расскажите про БАМ, а?

Глаза у Валерки были такие просительные, что мы снова сгрудились над картой.

— Посмотри на карту,— рассказывали мы Валерке.— Видишь красную ниточку, что связала запад нашей страны с Восточной Сибирью и Дальним Востоком? Это и есть великая Транссибирская магистраль, по которой мы сейчас едем. Она едва ли не самая напряженная в мире железнодорожная ветка, потому что именно на ней «висит» почти треть нашего государства. Но может ли нормально развиваться народное хозяйство на огромном пространстве от Байкала до Тихого океана, если оно почти всецело зависит от одной-единственной магистрали, пусть даже и великой?

БАМ — вот что «подтолкнет», ускорит развитие народного хозяйства востока страны! И не только потому, что освободит от «лишнего» груза очень загруженный Транссиб. Дорога по БАМу от Тайшета до Комсомольска-на-Амуре будет на несколько сотен километров короче того же пути по Транссибирской магистрали, а это экономия времени и средств — раз. БАМ поможет нам более интенсивно и экономично развивать обоюдную торговлю со странами тихоокеанского бассейна — два. А потом вспомни, Валера, сколько несметных богатств уже разведано изыскателями в глухой тайге, в недоступных горах Якутии, Дальнего Востока, Бурятии: лес и молибден, уголь и титан, никель, железо, медь... Но до сей поры эти сокровища, так необходимые стране, словно «за семью замками», потому что не унесешь их к большим заводам по таежным буреломам в геологическом рюкзаке, не перебросишь по воздуху даже самыми громадными вертолетами: слишком их много. Только БАМу будет по силам «распечатать» и подарить людям те сокровища...

— А я-то все голову ломала: чего мий Мыкола будто присох к нему, к Дальнему Востоку? Был бы железнодорожником чи каменщиком, як вон Тимофей, а то ж землероб вин, картофель растит... А и верно: кому-то трэба и БАМ кормить...

Татьяна Платоновна убрала седую прядку волос под цветастый платок и тихонько вздохнула:

— Дуже важное дило — той БАМ...

Сын Татьяны Платоновны уехал с Украины давно. Думала поначалу мать — ненадолго («Перебеситса та и вэрнется...»), а уж и сама постарела, и у Николая дети пошли — все только в гости сын с семьей к матери приезжает, а жить да работать — назад, в свой совхоз «Комсомольский». И решила Татьяна Платоновна: «Поеду на ту землю гляну, що моего Мыколу приворожила, та вот яблучек украинских внукам отвезу. Мыкола мальцом до них — ох, охоч був...»

— А папка на БАМе квартиру получил! — сказал Валерка, и я вдруг вспомнил, что он впервые заговорил об отце.— Теперь мы там будем жить.

Палец Валеры пробежал по красной пунктирной ниточке БАМа и задержался возле крупного узелка в самом начале восточного участка строящейся магистрали.

— Будем... — вздохнула Валеркина мама, Антонина Павловна.— В Орле-то твоему отцу не жилось...

— Мам...

— Ну что «мам»? Пятнадцать лет в Орле жили: квартира, работа, друзья... Нет, бросай все, езжай в какой-то Ургал на самый край света — мужу БАМ строить захотелось! В Орле таксистом был, а теперь бетон в самосвале возит...

— И на сколько же тот бетон тянет?

Это спросил вернувшийся в купе Жора. Спросил и увидел, что Антонина Павловна не поняла вопроса.

— Я про теперешнюю зарплату вашего мужа...

— А мой папка не за зарплатой уехал! — крикнул вдруг Валерка. — Он БАМ строить уехал! А вы... А у вас силы много, зато...

— Валера! — ахнула Антонина Павловна. — Ты как со старшими разговариваешь?!

В купе повисла неловкая тишина. Николай Иванович сказал:

— Успокойся, Валера. Батя у тебя что надо.

III

Ох, уж это время! И смех с ним, и грех...

Поначалу, когда разница между временем московским и тех мест, по которым бежал наш поезд, была маленькой, ничего такого не случилось. Но когда разница достигла пяти, шести, а потом и семи часов...

— Валерка! — трясли мы по очереди вторую полку, пытаясь разбудить самого непривычного к этой быстрой смене часовых поясов. — Вставай, завтрак стынет!

— Не хочу-у я завтрака, — мычал Валерка, не открывая глаз, — я спать хочу-у!

Зато за полночь, когда вагон затихал и мы тоже после всяких споров-разговоров расходились из гостеприимного шестого купе, происходила обратная картина.

— Полуношник, — сердилась Антонина Павловна, — марш на полку, а то опять проспешь!

— Ага, — обижался Валерка, — а если у меня сна ни в одном глазу, я виноват, да?

Но однажды мы все были благодарны Валере за его «полуношничество». Вдруг среди ночи он стацил нас с постелей, бесцеремонно крича в самое ухо:

— Спите, да? А кто Тимофея будет провожать? Я, да?

Сонные, мы торопливо выскочили в коридор, где уже одетый, тщательно причесанный и с чемоданчиком в руке стоял Тимофей. Он смущенно улыбался:

— Говорил ему: не буди! Так разве он послушается...

— Скворородино! — объявил проводник, поезд остановился, и мы стали прощаться с Тимофеем, путь которого лежал теперь на север, к его родной Якутии.

— А если и вправду каменщики не нужны? — вспомнил вдруг Николай Иванович и задержал ладонь парня в своей.

— Плотником стану, — сказал Тимофей. — Или рабочим в геологическую партию пойду. А то к брату — уголек рубать!

— Верно, сынок, — кивнула седой прядкой Татьяна Платоновна. — Булы б руки до работы охочи, а дило найдется.

— Всего хорошего вам, — сказала Антонина Павловна.

А Валерка вынырнул из-за спины матери:

— Дядя Тимофей, возьми на удачу.

Тимофей разжал пальцы, и все увидели маленький серый комочек бетона. Валерка смутился:

— Это папка в письме с БАМа прислал...

Тимофей спрыгнул на перрон и, шагая к вокзалу, все махал и махал нам рукой. А мы вдруг увидели, как к вокзалу подкатила «Скорая помощь», как два врача поднялись в наш вагон и прошли в последнее купе. И только сейчас все вспомнили, что рядом с нами не было Жоры и что именно в последнее купе перебрался он вчера со своим рюкзаком: «Жора встретил ба-а-альшого друга и ба-альшую пустую полку!»

— Что-нибудь серьезное? — спросил Николай Иванович у врачей, когда те уходили из вагона.

— Да нет, — ответили врачи, — простудился немного ваш веселый попутчик. Денек полежит, и все как рукой снимет. Только уж вы последите, — обратились они к проводнику, — чтобы лекарьства обязательно пил!

— Ну, конечно, последим, — ответил за проводника Николай Иванович, — о чем разговор!

...Поезд уже взял с места, когда мы увидели подбежавшего к вагону Тимофея.

— Валера! — еле услышали мы сквозь толстое оконное стекло. — Я тебе другой талисман из Нерюнгри пришлю: наш якутский уголек! Адрес дай, адрес!!

— Ургал! — закричал Валерка. — До востребования!!

Поезд набрал скорость и нырнул из станционных огней в темень ночи, оставив позади скуластого человека с поднятой вверх рукой, в ладони которой, мы знали ж это, лежал кусочек ургальского бетона...

— Пойдем Георгия проведаем, — сказал Николай Иванович.

— Не хочу, — нахмурился Валерка.

— Болеет он.

— Ну и пусть.

— Эх, Валерка, — вздохнул Николай Иванович, — ничего-то ты не понял про истинную силу человека. А я-то думал...

И он шагнул к последнему купе.

— Подождите! — встрепенулся вдруг Валера и кинолус к матери. — Мам, где у нас банка с малиновым вареньем была?

А нам девятнадцать всего-то!

**Михаил
НАЙДИЧ**

Танцы в девятнадцать

Зови как угодно... Танцуйки!..
Но март
    тем как раз и хорош,
Что падают с шумом сосульки,—
Ну как тут плясать не пойдешь!
Пожалуешь
    поздно иль рано;
Нет,— рано,
    скорее всего...
Рубцуется медленно рана,
Но нам девятнадцать всего.
Ах, нам девятнадцать всего лишь!
А это — особая жизнь;
Заставишь ли нас, приневолишь
Шагать,
    на костыль опершись?..
Гремят полковые оркестры! —
Для нас,
    пареньков и девчат,
И в их исполненьи
    преlestно
Фокстроты и вальсы звучат.
В тех ритмах,
    бывало, сольются
Движения, взгляды, слова.
А вечером снова
    салюты
Вздымает над миром Москва!
Пылит где-то в поле
    пехота,
Ступая на вражий порог.
А нам девятнадцать всего-то,
А сердце стучится — дай бог!
А в сердце такое звучанье,
Как песня, как радостный стих.
Твои ж это! Однополчане!
Какая походка у них:
Вернули и Витебск, и Оршу,
И дальше идут — на Берлин...
И ты вдруг,
    забыв про партнершу,
Стоишь в светлом зале
Один.

Жемчужных облаков
    цепочка —
Как там,
    в классических стихах.
На ветке шевельнулась почка
И тихо выдохнула:
    «Ах!»

ТРАМПЛИН

Михаил
АЗЕРНЫЙ

Все шло к тому, что соревнования не состоятся: и времени оставалось в обрез, чтобы управиться с неожиданно прибавившимися делами, и морозы ударили, взяли свое.

Секретари окружкома партии Зубов и Летов, председатель окружного исполкома Епишин каждое утро, направляясь на работу, заворачивали к крутому берегу Иньвы. Самосвалы и экскаваторщик были уже здесь, но что толку! Чертова скала вылезла, когда ее никто не ждал, летом никакими расчетами и промерами изыскателей она не обнаруживалась, и вот, пожалуйста, в один прекрасный момент, когда работ оставалось всего ничего — снять со лба горы приземления каких-то полметра грунта, — бульдозер с ходу врезался в твердь, заглох.

Над скалой колдовали вторую неделю, а дело — ни с места.

Дорожное и строительное начальство (они давали технику и людей на трамплин) потихоньку стало сокращать наряды, перебрасывать машины и рабочих на другие объекты — плановые, важные, срочные (других сейчас и не бывает), за них спрос по всей строгости с хозяйственников, да и в процентовку, как известно, идет выполнение прямого планового задания, а не побочного.

Жаль было трудов и средств, вложенных в стройку. Нервишки она помотала изрядно большому числу людей в Кудымкаре — как же, хотелось сделать доброе дело, зазвать со всей страны сильнейших сельских прыгунов с трамплина. И вот, пожалуйста... Как теперь народу в глаза смотреть! Ведь весь город (что город — округ!) знал о подготовке к соревнованиям, люди добровольно приходили на субботники и воскресники — извечная история: нехватка рабочих рук. Генерал из Свердловска — депутат Верховного Совета РСФСР от их округа, брался обеспечить кудымкарцам вертолет, с помощью которого поднимут и установят высоченную эстакаду трамплина. А металл, а доска-сороковка, а компрессора, а отбойные молотки, а железобетонные блоки...

И вот когда все хлопоты, казалось, были позади, когда до финиша оставалась «последняя прямая» — стоп, машина!

Выход виделся один — рвать породу. Значит, новые мытарства, расчеты, толковые шашки, буры...

Позвонили в Пермь. Там сказали, что взрывники найдутся, назвали сроки, когда они могут приехать — в марте, ближе к весне; получалось, отбой надо давать соревнованиям. Позвонили в Свердловск, к геологам — и те согласились подсобить: «У нас как раз там партия будет работать. В мае...»

А в Москве тоже волнуются — переносить, не переносить финалы! Всесоюзных сельских спортивных игр по двоеборью и прыжкам, бомбят телеграммами: «Дайте точные сроки готовности трамплина». Их можно понять: времени до стартов остается немного, государственная комиссия должна еще принять оружие, да и командам не мешало бы потренироваться на нем дней пяток — для прикидки.

...Анатолий Михайлович Зубов, первый секретарь окружкома партии, проехал свой край вдоль и поперек, людей знает не только по фамилиям. Книжка его «В семье единой» — это рассказ о таланте и красоте души коми-пермяцкого народа, славных его представителях, крепких в труде и в ратном деле. Один из них — Матвей Павлович Крохалев. Во всем Прикамье, на Западном Урале он известен как хлебороб первой руки. Молодые комбайнеры соревнуются за приз его имени.

Это тот тип людей, у которых на все случаи жизни есть свой ответ. И даже когда, казалось бы, нет решения сложной задачи, когда выход напрашивается один — отложить ее на время, они — этот тип людей — не сдаются, «про запас» у них имеется еще один ход, верный и надежный.

Зубов послал за Крохалевым свою «Волгу». И уже по дороге стали объяснять Матвею Павловичу, что к чему. Мол, подумай, как сдвинуть гору, тебе ведь и не такие дела удавались.

— За глаза с горой не говорят, — отшутился Крохалев. — На месте надо поглядеть. Там и порешим.

Отправились прямо на место — к трамплину. Вот он, оказывается, какой! Стоит на берегу плутовки

Иньвы, изогнул шею, словно лебедь, норовит голову в воду окунуть. Читал в газете, а представить никак не мог. И вот с этого трамплина спортсмены на лыжах (будто на крыльях!) должны лететь метров на шестьдесят, а то и более.

Должны, да не летают. Потому что на расчетном участке приземления скальная грядка прорезала поперек гору, с которой скатывается спортсмен после полета.

Дело, кажется, не мудреное: взорвать скалу. Не мудреное?! Но не «сползет» ли от взрывной волны и вся гора? И не потянет ли она за собой весь трамплин?

Ходили по карьеру дотемна. Промеряли все саженями и метрами. Залезали на эстакаду. Долбили ломиком мерзлый грунт. И Крохалев сказал: «Сделаем, коль надо...»

...Через две недели (точно в срок!) на трамплине состоялись соревнования сильнейших «летающих лыжников» ЦС сельских ДСО.

— Завтра начинаем выборочную ксовицу, — сказал мне Летов, когда я заглянул к нему в один из дней желтого от жары июля по приезду в Кудымкар. — Так что Крохалева надо ловить сегодня.

Дали исполкомовский «газик». По дороге время с шофером коротаем в неторопливых разговорах о грибах и красоте здешних мест, о бруснике и клюкве — на болотах этой ягоды красным-красно, нынче пошла она рано, о рыбалке само собой... О чем только не наговоришься за сорокаверстную (по здешним меркам!) дорогу — сколько ухабов, столько и тем.

Шофер наконец-то умолк, сосредоточившись на дороге. И мне тут же вспомнился вечерний разговор с кудымкарскими физкультурными работниками. Называли они мне знатных людей округа, разумеется, все больше спортсменов, бывших и сегодняшних членов сборных команд страны — Геннадия Четина, Николая Радостева, Виктора Зубова...

Гордятся здесь ими. И чуть-чуть сетуют: лишь в мало-мальские чемпионы пробилась, как тут же следует «смена прописки», а первый тренер напрочь забыт...

В чем-то правы мои собеседники. Никто из названных мастеров не живет в Кудымкаре. Через какой-то месяц тот же В. Зубов станет чемпионом СССР по марафонскому бегу. И счастливый будет давать интервью корреспондентам. О многом он им скажет: как шел к своей победе, о заводе, на котором работает, о товарищах по цеху, о тренере — бывшем чемпионе, о невесте. И только о первых своих учителях не обмолвится — о Г. Четине и В. Андрееве, которые и сейчас жи-

вут в Кудымкаре, честно ведут в маленьком городке свое нелегкое тренерское дело.

— А ведь портреты Виктора Зубова и сейчас висят на стенде лесотехнического техникума, в котором он учился, — замечает кто-то из моих новых знакомых. — Первый разряд на наших тропках выполнял...

— Не сердчайте, — отвечаю им. — Вот выиграет ваш Зубов олимпийскую медаль — я первый напишу о его здешних наставниках.

— О нас не напишут — стерпим, не обидимся, мы люди не гордые. А вот мальчишки, которые занимаются у таких, как мы — тренеров из провинции, должны знать: не только у знаменитого тренера можно стать чемпионом, не только в «адидасах», не только в большом городе...

— Вот вы к Крохалеву собрались. А где он живет? В Чинагорте — самая глубинка округа, деревня. Даже не центральная усадьба колхоза. А ведь на всю страну славен человек! С какой стороны ни взгляни — герой!

Крохалев... Рисовался он эдаким чудо-богатырем, смекалистым и на добрые поступки щедрым.

В Чинагорт приехали к вечеру. Дом отыскивали быстро, ватага мальчишек дала ориентир: как увидите комбайн возле ворот — тормозите.

Хозяина на месте не оказалось. Подождали час на улице — его все нет.

— Может, обратно ехать? — спрашиваем Валентину Павловну, жену Крохалева.

— К чему поспешать? Матвей обидится на меня: не могла удержать гостей. Испейте пока квасу нашего, в аккурат поспел.

Квас был цвета топленого молока, пшеничный, густой, как солод, и сытный, настоенный в жаркой печи и охлажденный в подполе.

Вскоре и Крохалев появился. Запыленный его «москвичок» был украшен ржаными колосьями, васильками и ромашками.

— Вы уже извините, ждать заставил. Мне сказывали, что корреспондент должен приехать, да время не назвали. А в обед приходит сосед: «Отвези, — говорит, — молодых на роспись, и в свидетелях будь...» У нас такой порядок в народе: можешь подсобить человеку — не откажи. Не один ты ходишь по земле...

А был день, когда, казалось, он остался один. Смерть шастала по песчаной косе, на которую высадили морской десант. Как пуля облетела его стороной, Крохалев и сейчас понять не может. Был случай, оторвала (подумать только!) шнурок в шапке-ушанке и прошла рукав шинели, даже не царапнув тела. То шальной снаряд угодил в сосну, рас-

цепил ее, осколками поранило двух солдат, стоящих рядом с Крохалевым, а ему только порвало шинель на спине. Однажды мина шлепнулась совсем рядом, осколки вцепились в шею, левую ногу и левую руку (пальцы кисти так и остались скрытыми, а средний — оторвало).

— Улади эта мина на твердую землю — изрешетило бы всего осколками. А мы в болоте лежали, это и спасло — взрыв «утопился». В рубашке родился, что ли! Не пойму...

Накануне он прямо на пулеметном диске написал заявление: «Хочу в бой идти комсомольцем...»

На его гимнастерке перед тем боем было две нашивки за ранения. В восемнадцать лет.

Через неделю его вызвали в политотдел, где вручили комсомольский билет и наградной листок — представление к ордену Красной Звезды. И начальник штаба грустно сказал:

— Считаю себя, Крохалев, командиром роты.

У Крохалева защемило сердце: от роты в живых остался один его расчет, от всего батальона — семь человек...

Были еще десанты, были еще атаки. Все военные награды он получил уже демобилизовавшись из армии. Вызвали его в военкомат и сказали:

— Получай, гвардия, свои «отметки».

Он и не знал, сколько их у него. Выходит, не так уж мало: орден Красной Звезды, два ордена солдатской Славы II и III степеней, несколько медалей...

...Трудным было лето 1965 года. Дожди замучили землю, зерно вызревало медленно. И когда наконец оно выпроросло и пришло время уборки урожая, стукнул мороз — 20°. Чтoб в сентябре такое было в Прикамье — старики не помнят.

Спасать надо было хлеб. Спасать надо было колхозное добро. Спасать надо было труд большого числа людей.

Только двое из их бригады сумели вывести комбайны в поле — Крохалев и Павел Савельев. И пока не убрали рожь и пшеницу, не ушли.

Золотая звезда Героя Социалистического Труда, ордена Ленина и Октябрьской Революции — это Крохалев мирных дней.

Четверо детей у них с Валентиной Павловной. И все пошли по стопам родителей. Старший сын, Николай, окончил сельскохозяйственный техникум и работает сейчас бригадиром.

— Я у него в подчинении хожу, — гордится Матвей Павлович. Это он, Коля, в ту злую осень 1965 года помогал отцу убирать хлеб.

Дочь Зоя нынче защитила на «отлично» диплом в Пермском сельскохозяйственном институте, получила квалификацию «ученый агроном». Вторая дочь, Нина, после окончания медицинского училища тоже работает на селе. Ну, а младший сын, Леня, после восьми классов поступил в сельскохозяйственное училище, кстати, в то самое, которое после войны окончил отец.

— Ну, а как с трамплином тогда управились? — в который раз интересуюсь я у Матвея Павловича. Мало ли, может, еще какие-нибудь факты откроются, сам-то он красноречив не отличается.

— Работает он? Никак не выберусь взглянуть, как это ребята летают на лыжах, — переводит он разговор на другую тему.

— Работает, — отвечаю.

— Стало быть, управились, — улыбается он.

«Управляться» пришлось по ночам, чтобы любопытные мальчишки не толкались поблизости, в крепкие морозы, которые стоят в Прикамье в конце января. Он бурил лунки в граните инструментом, который сам придумал и сделал. Лунки надо было так расположить, чтобы взрывчатка «работала» только на скалу. Целая наука! Он помнил ее с войны — ведь ему приходилось быть не только стрелком и пулеметчиком, но и заниматься саперным делом.

Лишь об одном случае своего «трамплинного занятия» поделился со мной Матвей Павлович:

— Оставил впопыхах перед одним из взрывов на том трамплине свою старую сержантскую сумку. Инструмент в ней носил. Как запомнил — сам не пойму. А вернулся — нет ее. Видно, разнесло в клочья. Жаль. Память от войны была...

Гражданин, солдат, отец... Судьба его прочной выделки — как трамплин, с которого стартуют, когда надо взять новые высоты.

Коми-Пермяцкий
национальный округ

Врач, писатель, революционер

3 ноября 1979 года исполняется 125 лет со дня рождения Сергея Яковлевича Елпатьевского — врача, писателя и общественного деятеля. За участие в обществе «Народная воля» он подвергался арестам, ссылке. Был лечащим врачом Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Он написал отличные литературные воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке, Н. Г. Гарине-Михайловском, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове и других известных писателях, с которыми был близко знаком. А. М. Горький назвал Елпатьевского «русским литератором с головы до ног».

На заре своей революционной и врачебной деятельности почти четыре года провел Елпатьевский в уфимской ссылке.

«Я приехал с последним парходом. Когда на другой день уходил парход долго и жалостно свистел, прощаясь с городом на семь месяцев, и стали падать на землю белые, огромные и тяжелые хлопья снега, мне показалось, что за мной спускается занавес и что сюда, в этот далекий город, за ставни с болтами, ни птицы не пролетит, ни камень не проскачет то шумное и громкое, шущее и зовущее, что осталось далеко за занавесью, — никакая идея, никакая книга...» Так писал С. Я. Елпатьевский о своих первых днях пребывания в Уфе, куда он был сослан в 1880 году по обвинению в содействии членам партии «Народная воля».

Уфимский губернатор был встревожен быстро растущей популярностью ссыльного врача и тягой к нему молодежи. Не без его помощи Елпатьевский в конце 1880 года был переведен на Благовещенский чугунолитейный и медеплавильный завод Дашкова.

Вскоре и здесь на квартире Елпатьевского стала собираться молодежь. Есть все основания считать собрания семинаристов на квартире ссыльного врача марксистским кружком.

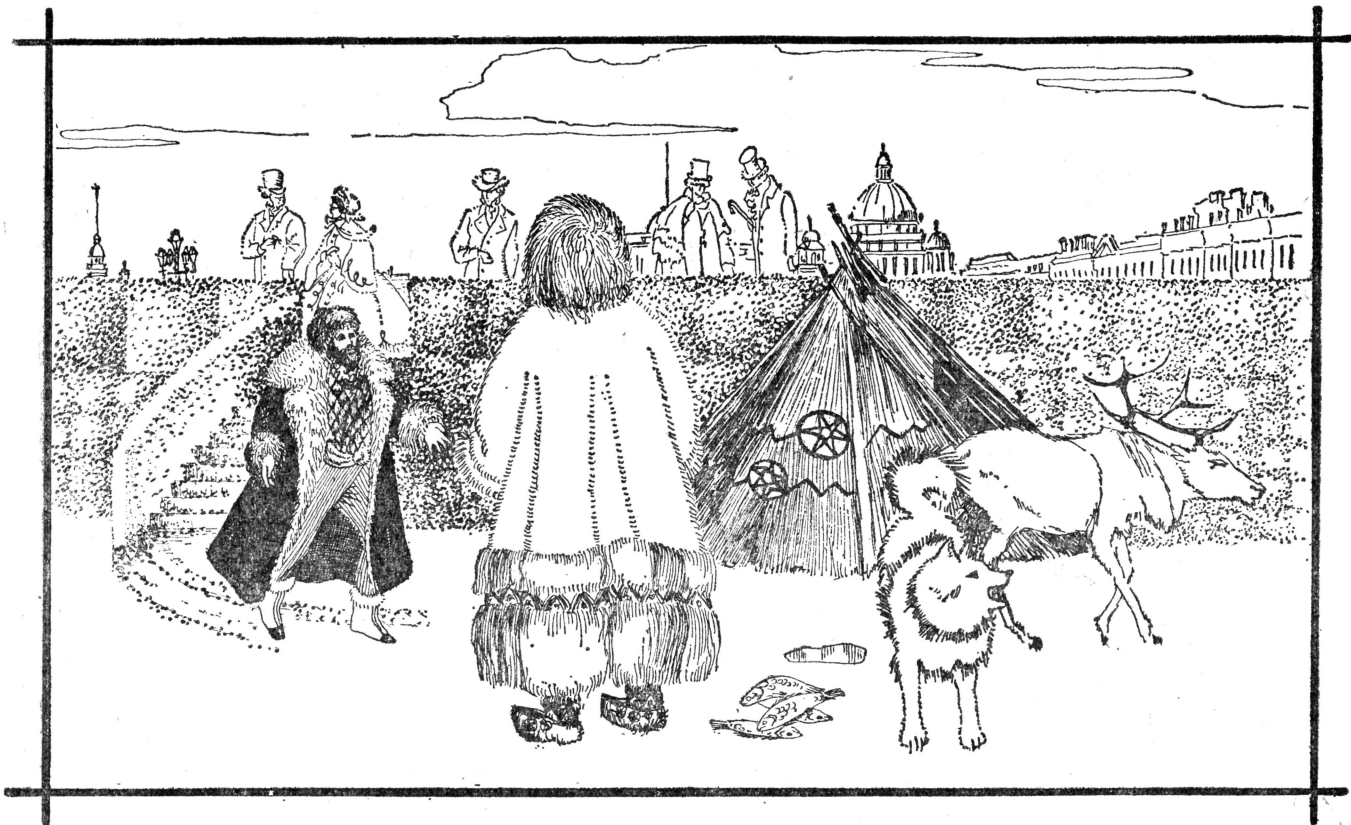
Отбывая четырехлетний срок в уфимской ссылке, Сергей Яковлевич занимался не только революционной и литературной деятельностью. Он был хорошим врачом, одним из активных организаторов первого съезда врачей Уфимской губернии, одним из учредителей местного общества врачей. Елпатьевский выступил на съезде с двумя большими докладами, которые «по независимым от управы причинам не могли быть напечатаны». Публикацию его докладов губернатор запретил.

Касаюсь тяжелого положения тружеников деревни, Елпатьевский, в частности, говорил на съезде, что земский врач «кругом видит бедность, иногда чуть не поголовное обнищание, при котором его пластыри кажутся ему какой-то злой иронией над бедностью, у него начинают опускаться руки, чаще появляется мысль: ему, этому народу, нужен хлеб, а не мазь, школы, а не больницы».

На квартире Сергея Яковлевича произвели обыск, была обнаружена нелегальная литература. В июне 1884 года Елпатьевского выслали под гласный надзор полиции в восточную Сибирь с запрещением проживать в городах, где имеются средние учебные заведения.

Владимир
СКАЧИЛОВ,
Виталий
ЧЕМЛЯКОВ

„ТРУД МОЙ — БЛАГОРОДНЕЙШИЙ В МИРЕ”

**Евгений
БЕЛОДУБРОВСКИЙ**

*Рисунок
З. Баженовой*

Ранним февральским утром 1868 года жители Петербурга, проходя по набережной Невы в сторону Николаевского моста, были поражены необычным зрелищем. Прямо напротив величественного здания Сената, на льду расположилось целое стойбище самоедов (так раньше называли ненцев). Над юртами курился веселый дымок, лаяли ездовые собаки, бегали детишки, а мужчины в малицах, сидя прямо на снегу, курили коротенькие трубочки и ловили из лунок рыбу. Доверчивые олени подходили прямо к парапету, вызывая особый восторг зевак.

У одного из спусков, как на приколе, стояли широкие нарты, запряженные тройкой оленей. В них сидел глава семейства — пожилой ненец и изредка жестом приглашал желающих прокатиться.

Вдруг послышался звон бубенцов, и на набережную выехала маленькая карета, похожая на сибирский возок. Из нее почти на ходу выскочил высокий человек в меховой шубе и шапке, побежал прямо к спуску. Толпа зевак расступилась, а человек, ступив на кромку льда, бросился обнимать сидевшего на нартах старого ненца.

— Юрий Юрьевич, крестник мой, здравствуй! Вот не думал встретить тебя в Петербурге! — радостно кричал он, тормоша старика. Тот, признав знакомого, снял меховую с бобровым околышем ненецкую шапку.

— Здравствуйте, Юрий Иванович! — отвечал он и наклонился в знак доброго почтения.

— Как ты здесь, Ранымов, да еще с семьей?

— А просто! Весной ярмарка будет в Обдорске, а деньга нету. Долго шел, долго. Олень сильно устал.

— Как же ты Урал-то перемахнул?

— По твоей тропе шел, Юрий Иванович. Вся тундра благодарит тебя. Тропа хороший, спасибо. Многие теперь ходят так до самого Архангельска, а я и дальше пошел и сюда пришел! Просто!

— Да как же ты деньги тут станешь добывать, да еще возле самого Сената?

— А как! Просто! На оленя катайся — гривенник, в юрта заходи — пятак, обратно ехай — обратно гривенник. Так!

Публика на набережной была ошеломлена. Какой-то человек, видно, важный чиновник, обнимает северного туземца, говорит с ним на его языке!

Так встретились в Петербурге два старых таежных друга: дворянин из Тобольска, этнограф и путешественник Юрий Иванович Кушелевский и его добрый спутник и проводник Юрий Юрьевич Ранымов.

Имя Юрия Ивановича Кушелевского сейчас мало кто знает. Две книги его путевых записок, насыщенных интереснейшими сведениями о жизни и быте малых народов Крайнего Севера, давно стали библиографической редкостью. Карта его необычайно рискованных маршрутов по тундре и нанесенные на нее новые зимние и летние тракты, давно устарела, и даже небольшой мыс в Тазовской губе, названный его именем, смыло водой и он исчез со всех новых карт.

Юрий Кушелевский, целью жизни поставивший изучение белых пятен севера Урала и Сибири, был небогат. Для оснащения своих экспедиций в глубь тундры он вынужден был поступить в 1862 году на службу к красноярскому купцу и золотопромышленнику, известному меценату М. К. Сидорову. И так случилось, что остался он в тени этого человека, также совершившего немало полезного в освоении севера Сибири. В то время, как имя Сидорова вошло во все энциклопедические справочники и словари, имя Кушелевского почти неизвестно. А между тем, жизнь одного из первопроходцев Сибири, человека смелого и отважного, достойна памяти.

Юрий Иванович Кушелевский с 1862 по 1865 год совершил три полярных экспедиции, открыв зимний, летний и водный пути из устья Енисея в устье Печоры. Он прошел Полярный Урал на оленях там, где никогда ранее не ступала нога исследователя. Путь этот — самый кратчайший, удобный, безопасный — был нанесен затем на все карты того времени.

Юрию Ивановичу принадлежит приоритет в составлении и издании единственного «Самоедско-русского словаря», выпущенного в Петербурге в 1868 году в качестве приложения к его же книге «Северный полюс и земля Ямал». Эта книга и по сей день является ценнейшим источником для историков.

Одним из первых Ю. И. Кушелевский обратил внимание ученых того времени на существовавшее некогда в устье Таза древнее русское городище Мангазея. Он посетил эти места в 1864 году, внимательно исследовал

остатки древнего городища и опубликовал найденную там грамоту XV века.

Кушелевский спас от гибели всех участников экспедиции Крузенштерна-сына, который в сентябре 1862 года отправился на небольшой шхуне, мало приспособленной к плаванию в полярных широтах, из устья Печоры на Енисей и был затерт льдами в Карском море. Узнав об этом бедствии, он выехал, преодолевая октябрьскую полярную стужу, на нартах в тундру, сам едва не погиб, но отыскал терпевших крушение людей и переправил их по своей тропе в Обдорск.

Бывая по службе в разных углах сурового сибирского края, Кушелевский был поражен неграмотностью коренного населения Крайнего Севера, отсутствием даже в губернских городах достаточного количества школ и училищ. Вместе со своим патроном М. К. Сидоровым — человеком, не чуждым культуре, — он составляет подробную петицию царю и министру просвещения о необходимости дать Сибири университет. Благодаря деятельности Кушелевского были собраны немалые денежные средства среди сибирских купцов, и, хотя дело тянулось довольно долго, первый сибирский университет был открыт в 1881 году в Томске.

Кушелевский как ученый и как человек привлекал всех, кто окружал его в Сибири. Долгое время в Тобольске Кушелевский был дружен с декабристом Павлом Ивановичем Анненковым, часто бывал в его доме, выполнял многие поручения ссыльного декабриста в столице и Москве. Кушелевский был дружен также с Александром Ивановичем Деспотом-Зеновичем, тобольским губернатором в 1863—1867 годах, честным и просвещенным человеком, оставившем по себе добрую память среди сибиряков, ссыльных декабристов, польских повстанцев и русских революционеров.

Вот как вспоминает А. И. Деспота-Зеновича русский общественный деятель и публицист, один из организаторов «Земли и воли» Л. Ф. Пантелеев: «Само провидение послало его в Тобольск, через который за время губернаторства Ал. Ив. прошли десятки тысяч ссыльных поляков. Доносы сыпались на него градом не от одной только жандармерии, но и разных эксплуататоров, хищничество которых он пытался обуздать. Ал. Ив. входил в положение каждого ссыльного, к нему обращавшегося, и делал все, чтобы облегчить его положение...»

Именно А. И. Деспоту-Зеновичу посвятил Ю. И. Кушелевский свою первую книгу: «Путевые записки, веденные во время экспедиций 1862, 1863 и 1864 годов, предпринятых для открытия сухопутного и водного сообщения на севере Сибири от р. Енисея через Уральский хребет до р. Печоры». Книга вышла в Тобольске в 1864 году.

Хорошо знал Кушелевский и Петра Петровича Ершова, автора знаменитого «Конька-Горбунка». П. П. Ершов внимательно следил за деятельностью отважного энтузиаста и был защитником его рискованных проектов освоения Сибири.

Большим авторитетом пользовался Кушелевский у местного населения — ненцев и ханты. Он хорошо знал их языки, обычаи и верования, всячески помогал примирению племен, составлял за старшин прошения, лечил больных, учил грамоте, охотно брал местных жителей в походы,

Кушелевский — автор смелых проектов освоения богатств севера Сибири и Урала. Деятельность его привлекала не только купцов и промышленников, но и крестьян. Так, в 1864 году в Тобольск к Юрию Ивановичу приехал из Мезени Осип Артеев, сын знаменитого Акакия Артеева — слепого старика-крестьянина, автора проекта соединения Печоры и Оби.

Еще в 1853 году Акакий Артеев отправился водным путем «для достоверного дознания водяного прохода через Уральский хребет на реку Обь». Составив записку о возможности соединения Европы и Азии, он отправил ее в Петербург, но ответа не получил. Талантливый крестьянин посвятил в свои идеи сына и, прослышав о молодом чиновнике из Тобольска, послал к нему сына, дав в дорогу оленей. Осип Артеев был в последнем переходе Кушелевского и немало помог путешественнику в освоении нового пути через Урал в Европу.

Юрий Иванович Кушелевский родился в 1825 году. Еще в гимназии по совету директора решил стать этнографом. Но мечта его исполнилась только в двадцать три года, в 1848 году, когда молодой чиновник был принят в штат тобольского губернского суда.

В тобольском суде Юрий Иванович прослужил два года. Деятельность молодого чиновника не понравилась начальству, и его переводят подальше от больших городов, за Полярный круг, в старинный городок Обдорск (ныне Салехард). Правда, он получил повышение в чине и прибавку к жалованью. Но Обдорск того времени — это не более полусотни деревянных домиков, ветхая деревянная церквушка да вытоптанная лужайка перед ней, называемая Ярмарочной площадью. Население составляли в основном временно проживающие здесь иногородние купцы да проезжающие мимо кочевники. Городок просыпался только весной, на несколько дней, когда открывалась ярмарка.

Оказавшись в тундре, Кушелевский не пал духом. Красота девственной природы, неприхотливость и простота местного населения пробудили в нем стойкий интерес к северному ираю. К этому времени относятся первые попытки Кушелевского помочь ненцам и хантам найти новые места для кочевий, охоты, рыбной ловли и тем самым спасти их от частых голодовок и мора — этих бичей малых народов Севера. И хотя многие из местных жителей опасались злых духов, которые якобы живут по ту сторону Урала, вожди племен охотно давали своему заступнику приют в пути, оленей в дорогу, проводников.

Немало трудностей пришлось преодолеть отважному и упрямому исследователю. В непогоду, среди пустынной безмолвной тундры он вел наблюдения, ставил вехи, прокладывал новые тропы. В наскоро поставленной юрте или чуме, где-нибудь на берегу Надыма, бурного Таза, при тусклом свете фитиля, плавающего в оленьем жиру, а то и при свете северного сияния, часто блонной и полуголодный, Кушелевский постоянно вел дневники и записи, собирал образцы горных пород, растений и почв, делал зарисовки своих туземных спутников, составлял карты маршрутов, записывал песни и сказания. Часто выбирал он направления, полагаясь просто на рассказы аборигенов, которые, не зная компаса, по солнцу и звездам вели его экспедицию. И не раз Кушелевскому приходилось блуж-

дать по тундре, ночевать в снегу, встречать один на один диких зверей, ибо его проводники, движимые суевериями, порой бросали его. Но он шел и шел в глубь тундры — пешком и на нартах, на лодках и волокушах, вызывая восхищение и уважение выносливых ненцев и хантов, приписывавших смелость Кушелевского сверхъестественной силе.

Главным делом в путешествиях по Заполярному Уралу и Сибири для Кушелевского была задача найти самый быстрый и безопасный путь из Азии в Европу, нанести этот путь на карты, пробить настоящую колею для расширения торговли и развития несметно богатой Сибири.

И раньше были известны такие попытки. По преданиям ненцев, в самом начале XVII века новгородцы переезжали Урал и достигли Мангазеи. Ходили за Урал вдоль Ледовитого океана и посланцы Петра I и Екатерины II, но это были одиночки, не оставившие на картах следов своих переходов. В 1840—1843 годах промышленник и исследователь Севера Василий Латкин тоже ходил из устья Печоры через Урал в Енисей. В 1848 году, когда Ю. И. Кушелевский только начал свою службу в Сибири, для топографических работ на Полярный Урал была снаряжена экспедиция под начальством отважного путешественника майора Н. И. Стражевского. Но и его постигла неудача. Эпидемия сибирской язвы заставила большой отряд прекратить работы и спешно уходить за Урал.

В 1859 году Кушелевский вновь в Тобольске. Получив очередной чин за выслугу лет, Юрий Иванович подает в отставку и переезжает на жительство в Петербург.

Быть может, в Петербурге Кушелевский надеялся найти себе единомышленников и спутников, собрать деньги, закупить оборудование и снарядить настоящую научную экспедицию. Здесь Кушелевский часто бывал в доме знакомого ему по Тобольску Василия Латкина, одного из основателей «Печорской компании» — содружества промышленников для освоения бассейна реки Печоры и ее лесных богатств. Латкин загорелся проектами Кушелевского и обещал помочь.

У Латкина услышал Юрий Иванович имя Павла Николаевича Рыбникова — ссыльного из Петрозаводска. Несмотря на свое поднадзорное положение, Рыбников разъезжал по всей Олонецкой губернии и записывал песни и былины. Латкин предлагает Юрию Ивановичу поехать на службу в Петрозаводск, принять участие в экспедициях Павла Николаевича Рыбникова.

Так Кушелевский оказывается в Петрозаводске, в должности чиновника особых поручений. Этот довольно высокий чин помогал обоим этнографам. Они записали и сохранили для потомков немало замечательных образцов народного творчества.

Уже в июне 1862 года Кушелевский покидает Петрозаводск и вновь, оставив государственную службу, спешно выезжает на лошадях в Тобольск. Компаньон Латкина М. К. Сидоров открыл у подножья Курейской горы большое месторождение графита, и ему нужно было переправить огромные партии добытого минерала на архангельские заводы. Тут нужна была настоящая дорога, а не просто оленья тропа. И только Юрий Кушелевский, неоднократно ходивший из Обдорска в Архангельск через Урал, мог проложить этот постоянный тракт.

М...ского стала осуществляться. Ему была отпущена сумма денег, и он, как доверенное лицо купца Сидорова, снаряжает экспедицию. 10 ноября 1862 года караван в составе двадцати четырех рабочих, 96 нартов и 650 оленей вышел из Обдорска на восток, по параллели Полярного круга.

Путь от Обдорска до устья Таза отважные путешественники преодолели ровно за пять недель, по пути заложив 26 станций и оставив груз до наступления лета. И вернулись назад, потеряв в пути только двух оленей.

Кушелевскому помогли проводники из местных жителей. «Отрадно мне благодарить их теперь от души за понесенные без ропота труды и лишения, да думаю и многим отрадно слышать в такой отдаленной и дикой стране, что я нашел людей, вполне сочувствующих интересам моего предприятия», — с благодарностью писал Кушелевский в своем дневнике. Среди его постоянных спутников и проводников был Юрий Юрьевич Ранымов, старый ненец, которого несколько лет спустя встретил Кушелевский в Петербурге.

Первый этап пути был пройден, на карту Тобольской губернии нанесены первые маршруты. Теперь требовалось пройти водный путь — от устья Таза вдоль берега Северного Ледовитого океана через Урал в Европу.

9 июня 1863 года от тобольской пристани пустилась в рискованное путешествие шхуна «Таз» водоизмещением всего 50 тонн, с 18 рабочими и матросами, большим запасом провианта и с грузом сидоровского графита.

«Никто, разумеется, не сомневается в той пользе и огромном значении, которое имеет для края вообще открытие новых путей сообщения на севере Сибири», — писала газета «Тобольские губернские ведомости», провожая в путь экспедицию Кушелевского. — Всякий легко представит себе, с какими затруднениями должна быть сопряжена поездка по местам малоизвестным и безлюдным, где в случае опасности помощи не от кого ожидать, а опасностей ожидать можно. При таких обстоятельствах читатели не откажут в сочувствии экспедиции г. Кушелевского и пожелают ему доброго пути».

Пройдя успешно по Иртышу в Обь, а затем по Оби к Обдорску, шхуна «Таз» вышла в воды Обской и Тазовской губы, где путешественников встретил ледяной арктический ветер. Кушелевский, прирожденный лоцман, не полагаясь на карту, сам промерил фарватер, обошел все мелководья, несмотря на сильнейший ветер, много раз уносивший шхуну на противоположный берег, 15 августа вошел в устье реки Таз.

Экспедиция была закончена, новый водный путь успешно проложен. Составлена была карта морского пути, доказана судоходность ранее считавшихся непроходимыми Обской и Тазовской губы, выставлен правильный фарватер и обследованы берега полуострова Ямал. Материалами экспедиции Кушелевского пользовались все последующие исследователи и торговые люди, посещавшие этот суровый край.

Едва дождавшись весны 1864 года, Кушелевский вновь отправляется в тундру. Теперь он стремится осуществить свою давнюю мечту — открыть летний путь через Уральский хребет к реке Печоре по верховьям Войкарки.

Десять лет назад он уже ходил с ненцами в Войкарскую долину, но не решался тогда перевалить Урал.

Теперь Юрий Иванович, продав свою шхуну, купил большую лодку, погрузил в нее несколько тонн графита и вместе со своим старым проводником Ранымовым поплыл вверх по Оби и далее по ее притоку Войкару до устья реки Милькей. Там его уже ждали олений караван и остальные участники перехода — сын Ранымова Тялько, крестьянин Осип Артеев и зырянин Терентьев, много лет кочевавшие в войкарской долине, и вожатый — березовский казак Петр Никитин, прослуживший толмачом в тундре более тридцати лет.

Медленно продвигаясь вперед, караван подолгу стоял возле ненецких и хантских кочевий, которые были во множестве разбросаны в войкарской долине, в предгорьях Уральского хребта. Кушелевский заходил в юрты и чумы, ел пищу гостеприимных хозяев, охотился с ними на медведей и лис, а по вечерам записывал народные песни и сказания. Тогда же начал Кушелевский составлять и свой уникальный ненецко-русский словарь.

Наблюдения и записи Юрия Ивановича, сделанные летом 1864 года в тундре, до сих пор могут служить важнейшим источником для фольклориста, этнографа, историка этого района Сибири.

В конце лета третья экспедиция была успешно завершена. По проложенному Кушелевским и его спутниками новому летнему тракту ходили многие поколения местных жителей и русских промышленников, храня благодарность отважному сибирскому первопроходцу.

«Вообще могу сказать, что давнишняя мысль о соединении Сибири с Печорским портом осуществлена и внешняя торговля в настоящее время делается доступною для Сибири, что может послужить к быстрому ее развитию во многих отношениях», — подводил итог своим исследованиям Кушелевский.

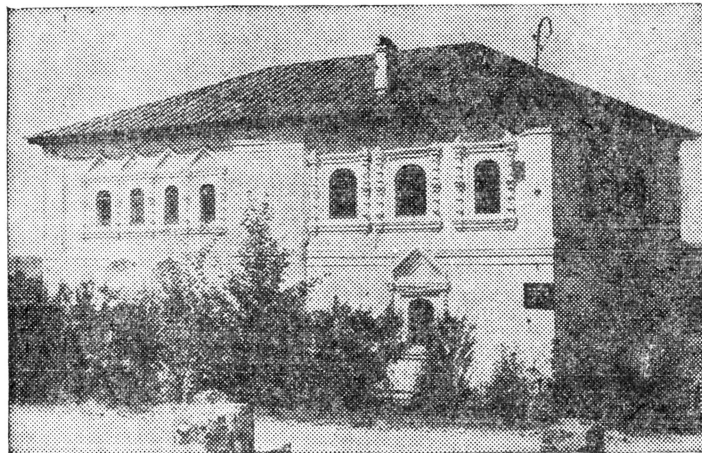
Такова пока еще далеко не полная история жизни и деятельности Юрия Ивановича Кушелевского — человека, влюбленного в Север, внесшего свой вклад в историю освоения Урала и Сибири.

СОЛИКАМСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ

**Дина
СОКОЛКОВА,
Ольга
ЧУМАРОВА**

Фото
А. Нагибина

Дом воеводы постройки 1688 года.
В нем размещается Соликамский
государственный краеведческий музей.

В начале пятнадцатого века новгородские торговые люди Калинниковы приехали на речку Боровицу, разведали там рассолы, установили пять труб и начали заниматься вываркой поваренной соли. Скучность рассолов заставила их переселиться около 1430 года на речку Усолку — здесь и был заложен солепромышленный поселок Соль Камская.

На месте первых соляных варниц на берегу Боровицы до наших дней сохранились в земле рассолоподъемные трубы. Одна из таких труб, выдолбленная из цельного ствола лиственницы, хранится в музейной экспозиции. Это старинная рассольная труба соляной скважины пятнадцатого века, принадлежавшая заводу солепромышленников Калинниковых.

А вот направили дула две «пушки». Не надо опасаться выстрела:

это — мирные труженицы. Две рассолоподъемные трубы доставлены с Троицкого сользавода, который расположен по обоим берегам реки Усолки. За свой век трубы выкачали из недр земли тысячи тонн рассола — поваренная соль, полученная из него, снабжала Урал, Поволжье и центр России.

С шестнадцатого по восемнадцатый век через Соликамск проходила дорога в Сибирь, и промышленность процветала. Соликамск включен в список 115 исторических городов Российской республики. Промыслы его требовали развития самых различных ремесел, и сам город не был обойден архитекторами-мастерами. Архитектурные памятники его богаты убранством фасадов в стиле московского барокко XVII—XVIII вв. Все узоры выполнены в кирпиче, что имеет большую ценность.

Особенно славятся «изразцовых дел» мастера. Глазурованные плитки их производства и сейчас украшают фасады домов. Богоявленская церковь, построенная в 1695 году, сохранила редкий двухрядный фриз — он сложен из изразцов с изображением птиц. Такие же рельефные многоцветные изразцы есть в декоре северного крыльца Троицкого собора. Тут и символ власти — могущественный орел, символ верности и любви — лебедь, павлин — символ красоты, индюк — воплощение пышности и важности...

По заданию музея заслуженный работник культуры РСФСР М. П. Богоявленский работал над эскизами и полотнами на тему «Архитектурные памятники города». Одно из таких полотен — «Соликамская колокольня XVII века». На картине изображен зимний вечер. Колокольня написана против света, на желто-лимонном закате, что подчеркивает ее величие и монументальность. Привлекает к себе внимание живописная работа «Соляной амбар XVII века». Богоявленский работал в войну — он был эвакуирован сюда, сопровождал ценности Краснодарского художественного музея; время было трудное, красок не доставало. И вместо красок художник применил в этом полотне фиолетовые чернила. Как нельзя кстати этот вынужденный прием передает настроение покоя и своеобразии колорита в соликамском пейзаже. «Соляной амбар» является и историческим документом, поскольку как такового его уже не существует.

В VII—III веках до н. э. на территории Верхнекамья жили племена, которые позже были названы ананьинскими — по названию богатейшего могильника у села Ананьино близ Елабуги. Ананьинская культура своеобразна и богата. Племена эти были известны скифам, а через них — и грекам Причерноморья. Особенно сближает их аналогичный, так называемый «звериный» стиль в искусстве.

О культуре ананьинских племен раннего железного века свидетельствуют многие находки, относящиеся к тому периоду. Одна из них — секира-клевец, найденная в 1966 году у поселка Курган Чердынского района и переданная в наш музей. Она являлась не боевым оружием, а сим-

волом власти. Отлитая из прекрасного сплава бронзы, она состоит из круглой втулки, за которой идет стилизованная голова хищного зверя.

Исторический материал для музея собирается в экспедициях. В 1943 военном году заведующий отделом древней живописи Ю. Н. Дмитриев осмотрел четыреста старых икон, из которых 68 выделены как уникальные. Отделом деревянной скульптуры было отобрано 45 предметов музейного значения. В последующие годы были выявлены в домах жителей города самые значительные печные изразцы. В музее было сосредоточено до пяти почти полных наборов печных изразцов и десятка два фрагментов от печей. Организовывалась экспедиция в село В.-Боровая, откуда вывезено большое количество сельскохозяйственных орудий, утварь, одежда, составивших впоследствии интерьер крестьянской избы.

В 1976 году в одном из залов музея открылась выставка, которой тоже предшествовала большая собирательская работа — «Медные изделия XVIII—XIX вв.» Более двухсот изделий было показано посетителям — оригинальные чаши и шкатулки, кувшины и чайники, чарки и подсвечники, совсем забытые в наше время медники — сосуды для хранения воды — емкостью от ведра до десяти вешер. Медь была всех оттенков: от густо-красного до бледно-желтого, многие изделия искусно украшены чеканкой. Настоящее «медное царство»!

Надолго осталась в памяти жителей города выставка «Русский самовар». На ней было представлено более семидесяти уникальных самоваров красной и желтой меди емкостью от трех четвертей стакана до двухведерного самовара. Больше всего обращал на себя внимание самовар-кухня из красной меди, разделенный на две половины, с ложкой-черпачком. В прошлом веке такие самовары можно было встретить на постоялых дворах вдоль Сибирского тракта. С помощью их готовился не только чай, но и варились знаменитые сибирские пельмени. Очень интересен и дорожный самовар-сундучок со съемными ножками, его передала в музей старейшая жительница Соликамска. Ее муж еще

в молодости сопровождал в Сибирь санные обозы и всегда брал его с собой.

В день открытия «парада самоваров» в музее было устроено чаепитие. Весь день кипел самовар, и посетители с большим удовольствием пили душистый чай с румяными баранками... За полгода выставки на ней побывало 19 000 человек...

Между прочим, самая первая выставка — в 1929 году — и положила начало музею. А если вести родословную музея, то она восходит к 1928 году, когда местные краеведы провели свое первое организационное собрание... Ну, и уж если смотреть совсем в корень, то корень этот отыщется в 1920 году, когда повсеместно в стране стали возникать общества по изучению родного края.

Открытие калия в 1925 году и строительство калийного комбината — первенца в нашей стране — оказало большое влияние на профиль музея. К созданию отдела калийной промышленности были привлечены специалисты: горный инженер А. Н. Андреев, дорожный мастер Н. П. Рязанцев и другие. В создании экспозиции советского периода позже приняли участие геолог калийного комбината М. И. Исакова, конструктор магниевого завода Гачегов А. А., начальник техотдела бумкомбината В. Каган.

Соликамский музей — детище первой пятилетки — бережно сохраняет уникальные коллекции по истории и культуре Верхнекамья, которые он накопил за годы своего существования. В них — древняя история города, встречающего свой 550-летний юбилей. В них — сегодняшний день края.

См. 1—3-ю стр. вкладки

М. Богоявленский. «Соликамская колокольня XVII века».

1.

2.

3.

4.

5.

6.

1. Многоцветный изразец с изображением птицы.
2. Секира-клевец — символ власти у ананьинских племен VII—III вв. до н. э.
3. Рассолоподъемные трубы — их вид напоминает жерла пушек...
4. М. Богоявленский. «Соляной амбар XVII века».
5. «Парад» самоваров.
6. Старинная рассольная труба соляной скважины XV века.

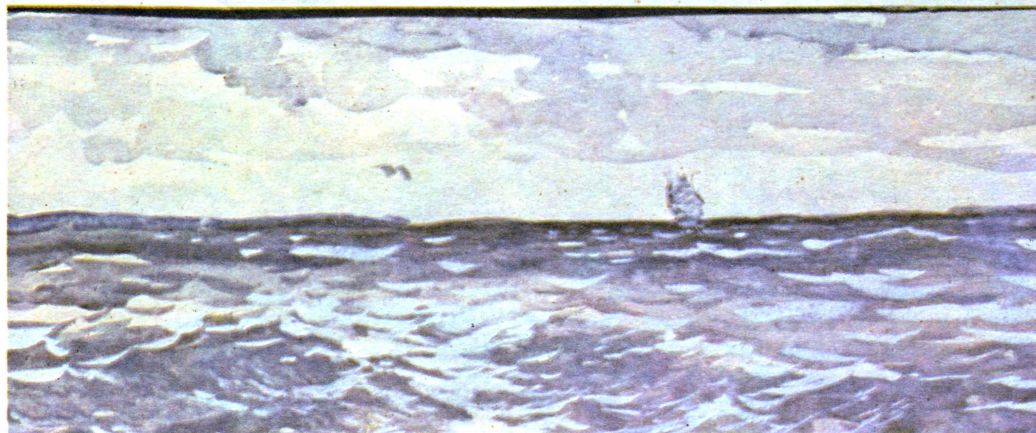
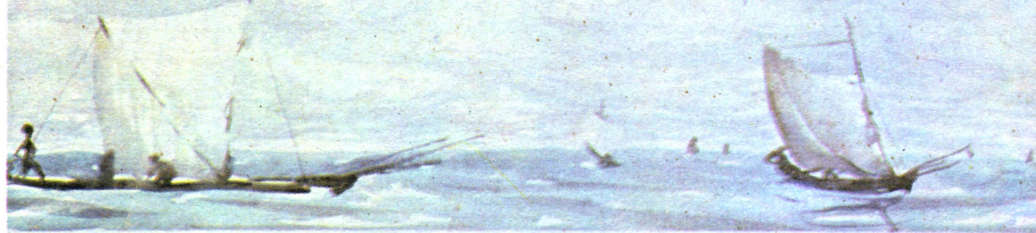
Фото А. Нагибина

НАД НАМИ ПАРУСА

Евгений
ПИНАЕВ

Рисунки
автора

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не раз мне приходилось видеть, как Евгений Иванович Пинаев строит модель фрегата. Он прилаживал к бортам и мачтам крошечные детали: руслени, кофель-планки, лонго-салинги, краспицы. Приплетал к вантам миллиметровые блоки... Его крепкие пальцы с выпуклыми ногтями делали ювелирную работу.

Эти же пальцы знакомы с настоящими корабельными вещами: с грубой парусиной кливеров и триселей на баркентинах, с обдирающими ладони стальными тросами, с отшлифованными рукоятками штурвального колеса и с рифлёными барабаничками на механизме секстанта.

Эти же пальцы почти каждый день держат кисть и палитру.

На картинах Евгения Пинаева — живое море. В море — парусные корабли.

Хорошее парусное судно всегда радует глаз и душу человека соразмерностью частей, строгостью и чистотой линий. Оно словно рождено самой природой для жизни в беспокойном мире ветров и волн. Однако появилось оно по воле человека: тысячелетний труд строителей и моряков завершился в конце прошлого века созданием настоящего чуда — быстроходных многомачтовых кораблей, которые стали как бы частью морской стихии — настолько приспособлены они оказались к стремительным рейсам среди океанов и настолько отточённым сделалось искусство мореходов...

Понятно, что парусные корабли всегда манили к себе людей, неравнодушных к красоте и тайнам: мальчишек, поэтов, художников. Позвали они и Евгения Пинаева. И зов этот был так силен, что Женя, студент художественного института, буквально «бегал в моря». Образование пришлось завершать позже, уже «присолившись» на морских дорогах.

Сначала он плавал на промысловых судах, потом добился главного — попал в экипаж трехмачтовой баркентины, стал моряком-парусником...

Многие рисунки и этюды к картинам сделаны им прямо с палубы — у берегов Кубы, Африки, Гибралтара, Скандинавии... От этих картин остается удивительное чувство: хочется поскорее пойти в кассу трансгентства и купить билет в далекий приморский город, где пахнут солью и жваччиной старые причалы и где тебя обязательно ждет твой корабль...

Я познакомился с Евгением Пинаевым двенадцать лет назад в Севастополе, на палубе парусного гиганта «Крузенштерн». Там снимался тогда прекрасный фильм об Александре Грине — «Рыцарь мечты». Я писал очерк о съемках, а Пинаев нес матросскую службу в экипаже «Крузенштерна» и делал наброски к своей замечательной картине «Путь в неведомое». Первая наша встреча была короткой и ни к чему необязывающей: сошлись два земляка, обменялись новостями, вспомнили общих знакомых... Была тогда теплая ночь, горела, как прожектор, круглая луна, мигали на рейде сигнальные огни, на недалеком берегу Северной бухты звенели цикады и заблудившаяся гитара. Мы беседовали и не знали тогда многого: не догадывались, что скоро «Крузенштерн» попадет в свирепый ураган на Северном море (я видел потом снятые Женей кинокадры: гороподобные волны, летящую пену и разодранные в полосы паруса), не думали, что судьба еще не раз близко сведет нас, двух свердловчан; что мы станем друзьями, и моряк Евгений Пинаев станет учить мальчишек-яхтсменов из пионерского отряда «Каравелла» такелажному делу и матросским песням. И, конечно, я не предполагал, что буду писать предисловие к документальной повести Е. Пинаева «Над нами паруса».

Мне кажется, что эта повесть написана назло унылым скептикам, утверждающим, будто времена морской романтики кончились, и человека на океанских просторах ждет лишь тяжелый и будничный труд.

Спору нет, работы у моряков нелегкая. Кто-кто, а уж Евгений Пинаев — матрос, корабельный плотник, рыбак-промысловик, боцман, наставник юных курсантов — знает это лучше многих. Но он знает и то, что море сохранило свою призывную силу. Он убеждает в этом взрослых людей, подходящих на его выставки, и мальчишек, изумленно разглядывающих стены в его квартире, напоминающей океанографический музей. Убеждает в этом и своих читателей...

Принято говорить, что океаны уже не те, что во времена Стивенсона. В чем-то это справедливо. Но море в эпоху супертанкеров и атомоходов все равно остается таинственным, непокоренным и потому — зовущим. А берега его по-прежнему полны чудес. Это первое.

А второе (опять же назло скептикам) — паруса возвращаются.

На грани прошлого и нынешнего веков человечество, опьяненное паровой и электрической мощью, лихо «списало в музеи» тысячи эскадры клиперов, барков и шхун. Теперь все больше людей начинают понимать, что сделано это было зря. «Неисчерпаемость» земных недр не столь уж неисчерпаема, а колоссальная энергия морских ветров почему-то оказалась почти забытой. О ней вспомнили снова. И в нашей стране и в других странах уже всерьез разрабатываются проекты грузовых и пассажирских парусных судов. Это не дань отвлеченной романтике, а требование времени.

Скоро вместо нескольких десятков учебных барков и фрегатов на просторы мирового океана выйдут целые флотилии белокрылых кораблей. Сейчас где-то живут, растут и читают книги о дальних плаваниях матросы и капитаны будущих парусников. Пусть их мечте поможет и эта маленькая повесть.

Владислав
КРАПИВИН

Джон Сильвер с «Меридиана»

Угораздило же сломать ногу в конце ремонта! Отвалявшись три недели в больнице, я с трудом уговорил главврача отпустить меня с миром и теперь добирался до судна. Раскаленный автобус катил мимо рыбацких поселков, мимо домов совхоза.

Справа стеной стоит лес, а слева, в морском канале, идут трудяги-корабли. Я провожаю их завистливым взглядом. Подрагивают на выбоинах мои костыли, а я с отвращением глажу на гипсовый саркофаг, из которого торчат растрепанные пальцы.

...Какой лопух выпустит в море боцмана на костылях?! Тоже мне Джон Сильвер! «Меридиан» не «Эспаньола», а капитан Букин меньше всего напоминает стивенсоновского Смоллета. И все-таки надежда теплится: а вдруг... Но я гоню прочь крамольные, хотя и соблазнительные мысли.

Сейчас главное добраться до баркентины, а там будет видно. До отхода побуду на судне, и, если не поможет морской угодник Николай Мирликийский, уеду на Урал долечивать ногу. Но, черт возьми, как хочется в море! От этих мыслей я даже заерзал на сиденье — скорее бы добраться до «Меридиана»...

...Автобус вкатил на улочки Светлого и остановился у проходной завода, захлебнувшись пылью. Подхватив костыли, я отправился к причалу.

Белье корпуса баркентины видно издали. Стеньги и реи еще не подняты, и мачты кажутся куцыми обрубками. Впрочем, реи уже лежат на берегу, а на них, оставив в сторону кисти, дымят сигаретами «коряги-мореходы». Ближе всех ко мне развалился Толька Вахтин. Самый молодой в нашей немногочисленной команде, он обладает завидной мускулатурой, а также изрядной долей лени и скепсиса. Рядом посмеивается его всегдашний «идейный» противник Гриша Кокосинский. Гриша хотя и худ, но в силу вряд ли уступит Вахтину. Их так и прозвали: пан Левка и пан Казимир. У пана Казимира золотые руки и быстро соображающая голова. В отличие от него тяжеловес пан Левка еще и тяжкодум.

Ковыряет в песке сапогом Володька Цуркан, чаще именуемый просто Фокич. Про него злые языки говорят, что он «десять лет на флоте и все на кливер-шкоте». Фокич любит хорошую одежду, вино, женщин и не любит высоко подниматься на мачты. Если на берегу он похож на пижона из журнала мод, то в море одевается черте во что. Но зато в бельевой, которой он ведает по совместительству, у Фокича идеальный порядок.

Рядышком устроились Боря Харченко и Виктор Москаленко. Первый в прошлом морской офицер, а второй — шофер. Оба большие любители почесать языком.

Замыкает портретную галерею подшкипер Санча Хованский. Это рыжий, коренастый, напористый мужик. Ему не клади палец в рот — оттяпает по локоть. Он самоуверен, но лучшего подшкипера не найти.

Здесь нет только артельщика Ивана Тульвинского. Он живет по принципу: в здоровом теле — здоровый живот, и сейчас что-то оживленно обсуждает около камбуза с коком Мишей Михайловым.

...Парни были несколько ошарашены моим неожиданным появлением и разом устали на гипсовую культу. Я демонстративно пошевелил пальцами, призывая общество высказаться.

— Значит, прибыли, господин боцман? — подал голос пан Левка.

— Какие прибыли!? Это раньше были прибыли, а теперь одни убытки, — вяло отшутился я.

Первым делом парни заинтересовались состоянием моей ноги, но похвастать было нечем: гипс можно снять не раньше, чем через месяц. Удовлетворив любопытство подчиненных, я поинтересовался, на какую тему идет треп. Оказалось, что вчера утвердили окончательный

маршрут похода, а на днях должны появиться курсанты. Я плюхнулся на реи и спросил как можно равнодушно:

— Так какой же маршрут утвердили?

— Рейсовое задание — сто десять суток, — бодро ответил Хованский, присаживаясь рядом, — идем до Дакара. Туда — заход в Гибралтар. Оттуда — в Саутгемптон и до дома... Рей и стеньги сегодня докрасим, а прибудет рабсила — надо вирать до места. Так что ты вовремя явился.

— Вовремя... Я теперь не боцман, а басмач. Буду скрываться на Урале, пока вы по морям шатаетесь.

В это время меня окликнули с палубы «Меридиана». Обернувшись, я увидел на корме капитана. Букин поманил меня пальцем и скрылся в каюте.

— Садись-ка, — кивнул он на кресло, едва я спустился в салон. — Ну, как твоя нога, боцман?

У меня сердце екнуло от глупой надежды.

— В футбол я, конечно, играть не могу, Олег Андреевич, но в тренеры еще погужусь...

— Эх, боцман, боцман... Хорошо смеется тот, кто смеется без последствий. Что ты со мной сделал? Хоть и говорят, что у царя великого много народа дикого, но где я сейчас найду боцмана-парусника? В море-то, конечно, хочешь?

— Спрашиваете...

— Ладно, возьму... на свой страх и риск. И смотри: выполнять все предписания врача, и вообще вести себя паянкой.

Я выскочил из каюты со скоростью, какую только позволили развить костыли.

Чтобы вам стало понятным такое решение капитана, нужно сказать, что медкомиссию я прошел до перелома ноги, и в моем санитарном паспорте стояло заключение: «Годен к тропическим (арктическим) рейсам сроком на 12 месяцев». Следовательно, для берегового саннадзора, выпускающего судно в рейс, я был вполне здоровым человеком.

Мечты о парусах

Парусники... С чего же все началось? Сначала было просто море. Оно явилось в наш заштатный городок в самом начале войны в виде трех матросов. Они неторопливо шли по середине улицы, и деревянные коробки маузеров тяжело хлопали по голяшам запыленных кирзовых сапог. Кто знает, что занесло их сюда. Наверное, война. Они были первым толчком, а остальное совершили книги. Их роль лучше всего можно понять из слов песни, которую сочинил мой друг: «В детстве будила нас странная мечта. Ветер соленый к нам в гости прилетал, запахи моря приносил муссон. С морем познакомил нас бродяга Стивенсон». Пираты Стивенсона, отважные морские бродяги Жюль Верна, они у многих ребят оказались первым маяком, указавшим дорогу к морю.

Я жил грот-брам-топ-штагами, гафель-гарделями и дирек-фалами. Эти слова загадочного парусного лексикона, выписанные из энциклопедии, чаровали своей таинственностью, они, казалось, вобрали в себя все краски, звуки и очарование океана.

Забегая вперед, хочется сказать, что детские мечты о парусах не подвели меня. «С первым ветром проснется компас...» Прекрасно сказал Александр Грин. Но вместе с компасом просыпаются и паруса. Как только первые порывы ветра тронут их — тотчас оживает магнитная стрелка и начинает шарить по горизонту в поисках нужного румба. Скорее в путь! В этом смысл существования человека и любого судна, но только паруснику ветер дает жизнь.

Неисчезающая красота парусов! Люди слишком рано поспешили вычеркнуть их из своей памяти. Но у кого же не забьется сильнее сердце, когда он услышит поутру

грохот якорной цепи, отрывистые звуки команд на палубе парусника, увидит, как вздрагивают ванты под ногами моряков, взбегающих к марсам, а затем вокруг мачт начнут двигаться реи, увешанные фестонами парусов. Они, словно цветы, поворачиваются к солнцу, постепенно наполняясь ветром, вдруг вспыхивают под его лучами нежно-оранжевыми бликами и распускаются тугими бутонами, минуту назад плоские и неживые. Голубые тени мотыльками скользят между мачт и вслед за парусами взлетают по штагам.

Вобрав в себя упругий напор утреннего бриза, паруса нетерпеливо рвутся к небу, но, осажённые шкотами, становятся похожими на выпуклую грудь стайера, готового в молчаливом броске кинуть себя в стремительный бег.

Паруса... Гордые, белоснежные, белокрылые... Какими бы эпитетами не награждали их, они навсегда останутся символом и олицетворением морской романтики и морской дружбы, скрепленной на реях общим заспинником и тонким тросом порта под ногами. Говорят: земля — колыбель человечества. Бесспорно. Но на нашей голубой планете с тех времен, когда первобытный человек впервые натянул на палку звериную шкуру и отдался воде и ветру, именно паруса пестовали его. Под парусами человек рос и мужал, уходя все дальше в океанские просторы, с восторгом и удивлением познавая свою планету и самого себя. Всегда они были неразлучны: человек, паруса, океан и ветер. Всегдашние противоборствующие соперники. На оселке океана и ветра оттачивалось мужество человека и шлифовалось совершенство паруса.

На баркентине все время кожей ощущаешь близость океана. Рядом с низкой палубой тяжело ворочаются волны, всегда готовые к неожиданному удару. Вот они, как бы нехотя, приподымаются и вдруг легко и стремительно бросаются на палубу, уже вылизанную их соленым шершавым языком. Среди океанских валов мачты, окрыленные парусами, кажутся вставшими прямо из бездонной синевы. Они уходят в выцветшую синь неба, составляя с ними единое целое, органически вращая в мир облаков, ветра и вечного движения. День за днем стремятся паруса к далекому горизонту, опущенному облачным воротничком, за которым лежит земля, конечная цель всякого корабля и морехода.

Первым океанским судном, которое мне пришлось увидеть «живым», был именно парусник, четырехмачтовый барк «Крузенштерн». Реальной, овеященной мечтой стоял он на Неве у моста Лейтенанта Шмидта. К этому времени я уже познакомился с книгами прославленного капитана-парусника Дмитрия Лухманова «Соленый ветер» и «Морская практика на парусных судах» и, глядя на запутанную арабеску снастей огромного барка, пытался найти те, что приводили в движение многотонную громаду стального рангоута.

О баркентинах я впервые услышал в плавании. Наш траулер раскаленной бочко-тарой утюжил воды Солнечного залива в поисках сардины. Я работал плотником и целыми днями копался в своем хозяйстве: возился в малярке, чинил многочисленные чехлы и брезенты, проверял шлюпочное снабжение. Ко мне частенько присоединялся записной корабельный остряк Валерка Судьбин, которого я, по примеру многих, звал просто Судьбой. Он, в свою очередь, величал меня Ученым Плотником, объясняя это прозвище так:

— Никакой береговой грамоте не может сравниться с плотником, который в свои лучшие годы околачивается где-то у берегов Африки. Все, брат, в размерах интеллекта. К примеру, что знает береговой дровосек кроме элементарного топора? Ровным счетом ничего-с. Ты, правда, никогда топора в руках не держал, но знаешь массу других вещей и даже учился, говорят, в художественном институте, который бросил из-за пылкой любви к этому дурацкому скоплению воды.

— Валерка, расскажи мне лучше о парусниках, на

которых ты проходил практику в мореходке, — попросил я Судьбу, вспомнив недавний разговор о баркентинах.

Моя просьба не нашла отклика в душе этого рационалиста.

— Отстань, топорище, — проворчал он, — ты же морской крестьянин, и твое дело от зари до зари пахать океан. А что баркентины!? Деревянные корыта, из которых торчат три бревна, а между ними сушатся портянки. Все это перепутано таким множеством веревок, что будешь день вспоминать, а ночь — вздрагивать. Неужто хочешь на них!? Я — ни в жисть!

Все-таки я вытянул из Валерки все, что он знал о «Тропике» и «Меридиане».

Кончился рейс на траулере, за ним незаметно пролетел отпуск. Мой траулер ушел в море, а вакансий пока не предвиделось. Каждое утро я в числе других приходил к дверям отдела кадров, на которых чья-то слаборнервная рука оставила автограф: «У кого нет забот — поступай в Запрыбхолодфлот». Отметившись у инспектора по резерву и выполнив какую-нибудь работу в порту, «бичи» вновь разбрелись по городу до следующего утра.

Однажды насморчным промозглым вечером я вышел на берег Преголи к причалам Морагентства. Стылая река дышала влажным холодом, а за спиной приглушенно шумел вечерний город. Черные ветви каштанов о чем-то со вскрипом жаловались ветру, зато бодро звякали трамваи в ответ на нудное бормотанье затяжного осеннего дождя. Он дробил отраженные огни судов, стоящих у причала, да сек взъерошенный взгорбок острова Косса.

За рекой матово светился рыбный порт. Там жизнь не затихает и ночью. Вздохнув, я захлюпал вдоль набережной, решая проблему очередного ночлега, но вдруг остановился прямо в луже. Передо мной, в какой-то сотне метров, тесно прижавшись бортами и обнявшись длинными реями, стояли две баркентины.

В размокшее небо воткнулись высокие мачты, перечеркнутые крестовинами рей. Промежутки между ними аккуратно заштрихованы филигранной паутиной снастей. У бушприта ближайшего парусника чернела надпись: «Меридиан», у дальнего — «Тропик». Пусты и безлюдны были палубы баркентин, только на «Меридиане» у трапа торчал вахтенный матрос. Пристроившись на широком планшире, он прямо из кастрюли хлебал какое-то варево, иногда лениво отпихивал вислоухого щенка, пытавшегося составить ему компанию.

Мое появление заинтересовало матроса. Он бросил ложку в кастрюлю и вопросительно посмотрел на меня. Решение пришло сразу.

— Послушай, кореш, капитан на борту?

— Кэп в Риге, но завтра будет, — ответил «кореш», плотнее запахивая полушубок, которому явно не доставало пуговиц.

— Вам матросы нужны?

— Нужны, нужны, — заторопился страж судна, — одни уволились, а другие в отпуске. Я тут один загораю, и эта микстура мне изрядно надоела...

Через день Фокич (а это был он со своим неповторимым лексиконом) встретил меня как старого знакомого.

— Вот так микстура! Пришел!? Потопали в уют-компанию — кэп и старпом там.

Кают-компания помещалась в миниатюрной гротарубке, и огромный стол, казалось, заполнял ее целиком. Прямо передо мной сидел плотный коренастый человек в форменной тужурке. Слева от него вертел костяшку домино другой, помоложе. Видимо, старпом, мелькнуло в голове.

— Каким ветром занесло к нам? — спросил капитан.

— Мне сказали, что вам нужны матросы...

— Матросы? — он повернулся к старпому. — Матросы нам нужны. Кто вы и откуда? И почему решили идти

на учебное судно? — ответил капитан, заметив утвердительный кивок старпома.

— Работая в «Запрыбхолоде». Матрос первого класса. Последний рейс ходил плотником. О парусниках мечтал давно и вдруг такой случай... Я просто не мог его упустить.

— Грехов за вами в «холоде» никаких нет, за кормой чисто? — заинтересовался старпом.

— С этим полный ажур...

— Покажите документы.

Полистав паспорт моряка и свидетельство матроса, он передал их капитану.

— Берем с месячным испытательным сроком, — сказал тот, — вдруг с вами на высоте случится «медвежья болезнь». Как-никак, а высота наших мачт тридцать два метра.

Так я попал на «Меридиан». Через месяц меня перевели в подшкиперы. В этом качестве я и ушел в первый рейс, из которого вернулся боцманом, — наш боцман, латыш Майгон Метерс, уволился и уехал в Ригу, оставив мне в наследство хлопоты по очередному зимнему ремонту.

Курсанты

Утром на палубе стармех Ранкайтис с сомнением оглядел мою ногу.

— Ты боцман, особенно сильно не стучи ботфортом по палубе, а не то или нога пополам, или «Меридиан» вребезги.

Я промолчал, зная, что это первая затравка в длинной цепи шуток, которые мне предстоит выслушать в будущем. Поэтому я поспешил на причал, где уже разворачивались грузовики, с которых горохом посыпались курсанты.

Черные бушлаты заполнили причал, а возле борта «Меридиана» выросла гора из чемоданов и брезентовых мешков. Народ самый разнокалиберный. Тут и мальчишки со школьной скамьи, и люди, прошедшие армейскую службу. Некоторые побывали в море, но большинство не нюхало его.

С приходом курсантов появилось то, чего нам так не хватало — рабочие руки. Первым делом новобранцев разбили на три вахты и распределили по мачтам. Попавшие на грот- и бизань-мачты восприняли это как должное, а те, кому судьба уготовила фок-мачту, с опаской поглядывали на далекий бом-брамрей, выше всех вознесенный под небеса. Меньше всего думали об этом умудренные опытом второкурсники. Годом раньше они прошли через подобные переживания и теперь с видом знатоков поучали неопитов. «Борщ могишь сварить? А на бабафигу лазил?» — грозно спрашивают они крохотного Юрочку Морозова еще незнакомого с итало-греческой терминологией Лухмановского «Соленого ветра». Книга эта оказалась на судне, и к концу рейса ее зачитали до дыр.

У подшкипера Хованского своя «метода», при помощи которой он знакомил первоклашек с баркентинной. «Здесь, ребята, кругом автоматика. Нажал кнопку — спина мокрая». Закончив на этом теоретический курс, Хованский приступал к практической демонстрации «автоматики». Он подводил новичка к ручному насосу в умывальнике или гальюне и просил накачать в расходный бак «аш два о». Возмущенный курсант быстро проникался уважением к технической оснастке судна, но старался больше не попадаться на глаза подшкиперу — мало ли какая «автоматика» имеется еще у того в запасе.

Едва на судне улеглась суета и вновь прибывшие разместились по кубрикам, как меня вызвал старпом.

— Все, боцман, кончилась спокойная жизнь, — сказал, усмехаясь, Юрий Иванович, — после обеда начинайте вооружать мачты. Думаю, что до вечера вы вздернете

стеньги и реи, а завтра нужно подвязать паруса. Предупреди старшин, что до субботы не будет никаких увольнений.

Да, спокойная жизнь осталась в прошлом. Времени в обрез — приходилось спешить. Едва подвязали паруса, как на обеих баркентинах начались парусные тренировки. Аврал следовал за авралом. Синие робы курсантов целыми днями мелькали на мачтах и реях. «Парусиновые» авралы, как их называли курсанты, шли попеременно с судовыми работами. Ежедневно подвозили продукты, шкиперское снабжение. Все это нужно погрузить и разместить в крохотных помещениях, совсем не рассчитанных на эти многочисленные запасы.

На баркентинах при работе на высоте не применялись такелажные пояса. Ванты для подъема на мачты, стальные тросы пертов под ногами для передвижения вдоль реев, заспинник да штормовые кольца на реях, в которые просовываются руки, — только это было гарантией безопасности при работе с парусами на высоте. Даже утренняя физзарядка была своеобразной тренировкой: бегом вверх по вантам одного борта и как можно быстрее вниз по вантам другого. Пятнадцать-двадцать стремительных подъемов и спусков развивали силу, цепкость и быстроту ориентировки на высоте, где опора для ног всегда минимальная. При работе на мачтах в шторм, при качке, эти качества становились главенствующими.

К высоте парни привыкли быстро. Правда, несколько человек испугались «бабафиги», верхнего паруса, имеющего брамседем, но их заменили добровольцами, а этих перевели на кливера, носовые треугольные паруса, поднимавшиеся с палубы.

Позже, в море, курсантам приходилось чинить паруса прямо на реях, а иногда им приходилось висеть вниз головой, выковыривая стальной свайкой трос, закушенный щекой блока. Но это — позже. Пока что все работали допоздна и, конечно, уставали. Кажется, один пан Левка не терял никогда утренней свежести. Вечером он приставал к пану Казимиру:

— Грициан, пойдём в ДК, фильм — люкс.

— Вали один. Я устал.

— Да я тебя на руках понесу, — не унимался настырный пан.

— Ты его лучше кати или кантуй, — советует Харченко под дружный хохот матросов.

Рейс начался! Скрылись за кормой крыши Балтийска, исчез, захлестнутый далекими волнами, приемный буй внешнего рейда, и тут же в нашу жизнь вошел первый «всамаделишний» парусный аврал. Ти-та-а, ти-та-а! Гремят звонки в кубриках, грохочут трапы под каблуками, курсанты строятся у своих мачт.

— Паруса к постановке изготовить! — доносится с кормы.

Тренировки, тренировки, но еще очень медленно работают парни на мачтах. Ноги осторожно ступают по раскачивающемуся перту, а руки то и дело нащупывают заспинник или ловят штормовое кольцо.

Наконец паруса поставлены. Свежий пятибалльный ветер дует ровно и упруго. Встреча с морем после зимнего отстоя все равно что встреча с другом после долгого рейса — не наговориться и не расстаться. Даже Фокич задумчиво чешет грудь, глядя на море, и бормочет: «Какая великолепная микстура...»

Северное море

День заступает на вахту. Дневальные тащат в кубрик тяжелые чайники, буфетчик торопится в кают-компанию накрыть стол. У матросов свой небольшой салон, расположенный против моей каюты. «Обер-шторм-коки-универсал дальнего плавания», наш постоянный корми-

лец, Миша Михайлов редко бывает здесь. Он появляется лишь в том случае, если абсолютно уверен в добротности своей продукции. Сегодня на завтрак картофельная запеканка. Она чем-то не нравится Фокичу. Кока не видно. Фокич скептически разглядывает запеканку, потом говорит вахтенному по камбузу:

— А ну-ка, позови сюда этого антилопа...

«Антилоп» появляется в коридоре, но в салон не заходит. Вытирая фартуком руки, он нерешительно смотрит на Фокича, который демонстративно отталкивает тарелку.

— Лепший друг, что это такое?! — Фокич тычет вилок в картошку и укоризненно смотрит на Мишу.

— Запеканка...

— Ах, запеканка. Сидел ты на ней, что ли? А ну, повернись. Точно, весь зад в золе. А я-то думаю, что это за эмблемы сверху отпечатаны. Эх, автомат бы сейчас...

— Мишаня, наплюй на Фокича и на запеканку, — советует коку Боря Харченко, — а завтра сотвори нам настоящий матросский харч по прозванию янки-хаш.

Пан Левка заглядывает в глаза обер-кока:

— Судя по евойной меланхолической физиономии, Миша вспоминает, на какой странице поваренной книги записан этот рецепт.

— А сам-то ты знаешь, что это такое? — рявкает кок, выходя из столбняка.

— Я тоже не знаю, но коли Боря говорит, значит, это что-то более вкусное, чем твоя свиная толкушка.

— Я вам сварганю, — обиженно отвечает Миша, — щи горячие, щи обширные: сверху так себе, а снизу жирные.

— Да ты не хлопай себя ушами по щекам, — успокаивает его подкипер, — а хотя бы назло Боре приготовь что-нибудь съедобное. Срационализируй элементарный бифштекс.

Обозленный шторм-кок исчезает, а Фокич торопливо уничтожает запеканку, бормоча: «Завели-таки лучшего друга». Есть и другая причина торопиться — пора приниматься за утреннюю приборку. Впрочем, сегодня она упрощена до предела, так как море начисто вылизало палубу, и курсантам остается лишь пролопатить палубу, надраить медь и уложить снасти.

Едва скрылась за горизонтом полустертая ветром ущербная полоска датского берега и остался позади Скагеррак, как горизонт вновь стал вспухать и наливаться густой вязкой синевой. Нужно убежать подальше на юго-запад, уйти от каверзного берега пока позволяет ветер.

На палубе появляется Боря Харченко. Он принимает вахту у пана Левки и с подозрением глядится в море, блеклую зелень которого набухший горизонт начал старательно перемешивать с чернью.

Второй штурман Евгений Попов дает заступающей вахте последние инструкции. «Побудь возле рулевого», — говорит он подошедшему Борису и уходит в рубку. Там капитан и старпом о чем-то размышляют над картой.

У штурвала курсант, впервые заступивший на руль.

— На руле уже стоял? — спрашивает его Харченко.

— Нет...

— А на велосипеде ездил?

— Конечно, — улыбнулся курсант.

— Ну, так это то же самое, — заканчивает Боря инструктаж, а сам внимательно присматривает за «велосипедистом». А тот не отрывает лихорадочного взгляда от картушки компаса — для него сейчас весь мир сосредоточился в этом белом, расчерченном румбами и градусами диске. Картушка рыскает. Нужное деление стремится как можно дальше укатиться от курсовой черты. Бедный парень мертвой хваткой вцепился в рукоятки штурвала, и Боря сам становится к рулю: «Передохни и смотри, как надо...»

К утру ветер нажал еще сильнее. «Меридиан» с трудом продирается меж водяных гор. «Тропика» не видно. Он идет мористее и миль на сорок впереди нас. Машина

трудится на пределе, отдавая последние лошадиные силы в помощь парусам. Этих сил негусто — всего двести двадцать пять.

Учебной программе нет дела до ветра и волн. План занятий расписан в рейсовом задании так же плотно, как забиты мачтовые клинья между палубой и мачтой. Однако погода путает все карты. Из-за нее застряли на мертвой точке штурманская учеба и мои занятия по такелажному делу, а старпом уже второй раз интересуется, как идут дела с узлами и слеснями.

— Не идут, а лежат, Юрий Иванович. Половина студентов — влещку.

— Ничего, боцман, это у них последний приступ. Так сказать, лебединая песня — скоро оживут.

— Может быть, пока воздержаться от занятий? На палубе вахта стоит кое-как — уже хорошо, а если «травят», то за борт.

— Сначала попытайся. Собери ходячих со всех вахт.

...Когда дежурный собрал в носовом салоне тринадцать «ходячих», я решил, что если гора не идет к Маггмету, то пусть гора идет куда хочет. Отпустив обрадованную таким оборотом чертову дюжину, отправился на корму, чтобы убедиться собственными глазами, насколько серьезно обстоит дело.

Вначале я опешил от увиденного, а потом расхохотался, хотя это было не совсем тактично по отношению к участникам происходящего: трое первокурсников стояли на четвереньках вокруг таза и дружно опорожнялись в него содержимое своих желудков. Вдруг в распахнувшуюся дверь кубрика вывалился четвертый. Растолкая страдающий триумвират, он тоже упал на колени и присоединился к остальным. На меня они просто не обратили внимания. Махнув рукой, я поднялся на палубу, где Хованский и палубный натягивали штормовые леера. Впрочем, старпом оказался прав: это были последние приступы морской болезни, выраженные в такой острой форме. Через несколько дней курсанты сами посмеивались, вспоминая, что ухитрились «травить» даже с мачт.

Вокруг «Меридиана» Северное море, кипящее в осатаневшем шторме. Воздух перенасыщен водяной пылью, которая, преломляя скупой свет уходящего дня, делает его нереальным, идущим отовсюду и никуда. Этот свет не освещает горизонт, а серебристой мертвой стеной стоит перед бушпритом «Меридиана». Сквозь эту трепещущую стену тщетно пытается пробиться баркентина.

Вахтенный штурман Мостыкин не отходит от сигнальщика, закутанного в огромный плащ и похожего на деревенского подпaska, вокруг которого вместо смиренных овец бродят стада разбушевавшихся волн. Оба общаривают биноклями горизонт, скрытый в смеси воды и ваксы, именуемой ночью, но видят лишь лохматую гриву огромного вала. Мы не ждем, когда она опрокинется на бак: сигнальщик бросается под прикрытие фок-мачты, штурман галопом несется на корму, а я, костылями вперед, ныряю в дверь форчика. Его коридор наполнен грохотом якорной цепи, которая как живая бьется в трубе, идущей с палубы в канатный ящик. Таранный удар в борт — «Меридиан» судорожно вздрагивает, на секунду замирает, а затем летит в тартарары. Отброшенный в угол коридора, я в мертвой хватке прикипаю к холодной стали трубы, почти оглушенный громаханием звеньев цепи возле уха. Над головой, по настилу палубы, тяжело, напролом рвется волна.

Когда до английских берегов оставалось около пятидесяти миль, отказал двигатель, верный помощник парусов. Видимо, из солидарности с ним почти одновременно разлетелся фок, а за ним с треском лопнул нижний марсель. Аврал! «Меридиан» с трудом выходит на ветер и становится на якорь. Нужно чиниться, иначе не пробиться в Ла-Манш.

На якорь «Меридиан» показывает свой норов. Он выделяет лихие курбеты, словно дикий степной скакун: то взбрыкивает кормой, то неожиданно валится за борт, то глубоко оседает всем корпусом в воду, пробкой выскакивает потом на гребень волн.

С тревогой прислушиваюсь к странным рывкам якорной цепи. Это не плавные рывки, когда ленточный стопор брашпиля плавно потравливает цепь. Нет, сейчас после каждого рывка баркентина словно налетает на стену и содрогается как в ознобе от килля до клокотков мачт. Зашедший ко мне пан Казимир тоже обратил на это внимание. «Пойдем, Грициан, глянем, что там за чертовщина творится»,— говорю я и берусь за костыли.

Захватив фонарь, с трудом добираемся до брашпиля. И вовремя. Оказывается, какой-то услужливый дурак закинул в гнезда барабана брашпиля стопорные зубья-галы, что делается только на ходу, когда якоря крепятся по-походному. А сейчас дело пахнет бедой. Можно лишиться якоря.

Позвав на помощь дежурного и палубного, вручную проворачиваем вал брашпиля и откидываем палы— теперь можно идти спать.

К утру механики починили свой «корогаз», и поступила команда выбирать якорь. Едва увидев якорь-цепь, имевшую небольшой провис, я понял, что ночные предчувствия меня не обманули. Я ткнул цепь костылем— она легла на палубу. «Санча, отставить технику. Выберите вручную»,— сказал я подшкиперу, возившемуся у брашпильного движка. Курсанты начали вращать рукоятки-размахи, и на палубу выполз кудрый огрызок якорь-цепи— Северное море все-таки отщипнуло кусочек баркентины.

Старпом хмуро выслушал мой рассказ, приказал ставить кливера и стакселя и ушел на корму. Двести метров цепи и якорь остались на дне, а нам прибавилось хлопот.

...Ветер несколько утих, и теперь можно срезать остатки порванных парусов, заниматься учебой, всем тем, что называется жизнью учебного судна в море.

В матросском салоне разговор идет о том же. О наших порванных парусах, потерянном якоре и вообще о якорях. Рассказывает «якорную» историю и Фокич.

— Стояли мы в Балдерае на ремонте. Пришел к нам на траулер новый матрос. Парень только что из армии и в морском деле ни бум-бум, одним словом,— пехота. Боцман и решил его подначить. Думал-думал, что бы такое сочинить позабористее, и надумал. Наши якоря лежали на берегу. Боцман дал солдату ножовку и приказал отпилить лапы. «Менять, говорит, будем». Тот цапнул ножовкой пару раз и видит, что, пока он здесь будет сопли жевать,— ремонт закончится. Поблизости работали газорезчики. Он — к ним. Так, мол, и так, получил задание, а теперь требуется ваша помощь. Парни, конечно, смекнули в чем дело, но спорить не стали. Подтащили шланги, баллоны и отмахнули лапы. Приходит наш матросик к боцману и говорит, что лапы обрезаны, можно ставить новые. Спрашивает, какие еще будут ЦУ. Посмотрели бы вы на рожу боцмана— вот это была микстура! Он эдак томно глянул на солдата и бегом на причал. А там лежит веретено, а рядом лапы сложены аккуратненько. Когда же этот волосан предложил боцману наточить новые лапы, то дракона чуть кондрашка не хватила. Вот тебе и пехота!

— У нас тоже была коза с якорем,— принял эстафету Хованский.— Я ходил тогда на танкере, и пошли мы на нефтебазу за «керосином». Команда собралась как на подбор: шоферы, сантехники, сварщик, одним словом, «настоящие моряки». Туман в тот вечер был страшнейший, и одного из них послали к боцману на бак, тот стоял на отдаче якоря. Я был на руле, а их фигур почти не различал, поэтому к причалу мы подходили на цыпочках.

Кэп кричит: «На баке! Емкости видно? Далеко ли до них?» С бака орут, что не очень видны и вообще трудно рассчитать расстояние. «Шут с ним,— говорит капитан,— лучше на якоре стоим». Потеряем пару часов, зато дров не наломаем. Боцман, майна якоря! Загрела цепь, и тут же слышим гром, треск, тарарам. Что за чертовщина! Старпом кухтылем с мостика скатился и бегом на бак. Оказывается, стоим мы упершись носом в причал, а яшку в аккурат на него выложили. Якорь

доски проломил и улегся промеж свай. Хотели мы его по-тихому выбрать, а не можем— дойдет яшка до верха и полпричала за собой тащит. Так его раскачали, что сторожа в будке разбудили. Он с причала слюной брызжет, а у брашпиля старпом с боцманом отношения выясняют.

В Ла-Манше

Бегут и бегут волны, совершая бесконечный марфон вокруг земного шара. Их нежно-зеленые гребни тускло светятся, а по крутобоким склонам струится белая поземка. У гребня она распускается белоснежным бутоном и, осыпавшись брызгами, исчезает, чтобы вновь расцвести на гребне новой волны.

Волны несут нас на своих гребнях в залив Лайм у южного побережья Англии. Там, в бухте Тор, нас ожидает «Тропик», и там же нам предстоит поставить запасной якорь.

В бухту Тор «Меридиан» входит сопровождаемый эскортом яхт с парусами всевозможных расцветок. Они, словно бабочки, летящие на свет, собираются вокруг баркентины и кружат вокруг нее. На палубе оживление. Курсантам интересно все, поэтому они готовы торчать у фальшборта весь день.

Семьи прибывают на моторках, реже на больших крейсерских яхтах. Все в оранжевых спасательных жилетах— техника безопасности соблюдается неукоснительно! Даже сосунки выглядывают из них, деловито чмокая соской. Папаши— за рулем, мамы шелкают фотоаппаратами, дети таращат глаза, а все вместе кричат нам: «Добри ден!» Пошли в ход сувениры. Москаленко получил от какого-то доброхота полуметровую расческу и теперь грозит причесать всех под одну гребенку. Владелец небольшой яхты подходит к самому борту и умоляюще тянет руки: «Прима! Прима!» Когда-то его угостили советскими сигаретами, и теперь он просит очередного подношения.

Большинство яхтсменов прекрасно управляют своими суденышками, но иногда их подводит желание блеснуть мастерством перед командой баркентины. Один стал описывать вокруг «Меридиана» фигуры высшего яхтенного пилотажа. Яхта приближалась к нам, постепенно сужая круги, и не смогла чисто «обрезать» корму. Ее мачта зацепила гик бизань-мачты и с треском сломалась, накрыв парусом незадачливого яхтсмана. Какое-то время он барахтается под ним, а выбравшись, старается не смотреть в нашу сторону, боясь насмешек. Но на палубе тишина— никто не засмеялся. Молодцы курсанты!

Рано утром ставили запасной якорь.

...В старом парусном флоте существовало наказание для матросов, имевшее название «купание с райны (рея)». Подвешивался блок, через который подтягивали к рею на тросе связанного матроса, а затем резко отпускали— матрос летел в воду. Что-то подобное мы проделали с якорем.

Несмотря на раннее утро, мы не могли пожаловаться на отсутствие зрителей— «партер» был полон. Якорь приподняли над палубой и вывели за борт. Семисоткилограммовая рогатина закачалась над водой. Москаленко, по-пиратски зажав нож в зубах, полез на крамбол и перерезал трос. Всплеск. Фонтан брызг. Грохочет якорная цепь.

Гибралтар

Баркентина уходит дальше на юг. Становится все жарче, и мы давно сбросили с себя лишние «плащманатки». Командованию судна теперь приходится сле-

дуть за соблюдением формы, так как кое-кто пытается заступиться на вахту в наглиже.

Словно верстовые столбы уходят за корму рыжие скалы мысов Испании и Португалии. Млеет в раскаленном воздухе мыс Рока — самая западная точка Европы. «Меридиан» пересекает Кадисский залив и подошел к мысу Трафальгар. Когда-то здесь гремели пушки, стлался над водой пороховой дым, с треском сталкивались корабли, шла знаменитая Трафальгарская битва между английской эскадрой Нельсона и франко-испанским флотом под командованием де Вильнева. Сейчас вокруг безмятежная тишина, пронзительная синь океана, столбы брызг над играющими дельфинами, чайки да редкие корабли, спешащие в Средиземное море или выходящие из него.

Я решил, что пришло время расстаться с гипсом. Сижу у подшкипера в парусной кладовой и терпеливо жду, когда он выстругает мне палку. Здесь жарко и душно, Хованский обливается потом, но самоотверженно сражается с еловыми сучками:

— Умирая, плотник сказал: «Всем прощу, но еловому сучку — никогда!»

Когда палка готова, я срезаю гипс. Курсанты исполняют туш, и под крики «Прощай, гипсовая нога!» пан Казимир швыряет мой саркофаг в море.

Солнце свирепствует, а гibraltarская скала кажется впаиванной в огромный кусок стекла. Сквозь него отчетливо виден наш якорь, вцепившийся в грунт среди кущей подводной растительности. Струи воды слегка колеблют его очертания, а стайки стрелительной кефали бросают на дно продолговатые расплывчатые тени.

...Мотобот стоит у борта, а на борту маются от нетерпения его будущие пассажиры. А мотор не желает заводиться. Ранкайтис, закипая от жары и злости, копается в его стальных кишках. Москаленко, вспоминая былое, помогает ему. Наконец он, плюнув, садится на планшир и закуривает сигарету.

— Кончай курить! — вскипает наконец Ранкайтис. — Кругом соляр, масло да ветошь. Я уже два раза горел из-за таких охломонов.

— Спокойно, Винцевич, — смеется Москаленко, — кто горел, того не подожжешь.

Однако он выбросил окурки и вновь полез к движку. Тот неожиданно фыркнул и затарахтел. Истомившиеся пассажиры торопливо посыпались вниз.

Сдав мордатым полисменам увольнительные записки и получив взамен картонные жетоны, вываливаемся на площадь в бензиновый чад и запах плавающего асфальта. На площади, рядом со сверкающими лимузинами, стоят открытые рессорные ландо, запряженные понурыми лошадьми. Город живет торговлей, контрабандой и туризмом. Вот и стоят гужевые «Эх, прокачу!» в ожидании заезжего оригинала, пресыщенного автомобильным сервисом.

Скоростью эскадры считается скорость самого тихоходного корабля, входящего в ее состав. В данном случае таким «кораблем» оказался я. Чтобы не задерживать остальных, мы с паном Казимиром неторопливо двинулись отдельно. Для начала осмотрели средиземноморский пляж, лежащий на перешейке, отделяющем английскую скалу от Испании.

Во время второй мировой войны англичане, боясь нападения с суши, вырыли здесь пятиметровый ров. Теперь он засыпан, и соседей разделяет восьмисотметровая нейтральная полоса.

Скала изрыта сверху донизу. Джошуа Слокам, одиночка-кругосветник конца прошлого века, писал о ней: «Во всем мире нет подземных сооружений, подобных здешним по замыслу, по технике исполнения. Осматривая эти грандиозные сооружения, трудно представить, что это сделано в ничтожном, как точка в азбуке Морзе, географическом пункте».

Мы не посещали подземных казематов, но, проходя мимо отвесной части скалы, обратили внимание на какие-то туннели, забранные решетками, трубы, уходящие под землю, и струйки пара, ползущие из-под скалы. Дыры

амбразур, там и сям оспинами чернеющие среди кустарников, тоже говорили о гигантских пустотах в скале.

Запыленные портреты матодоров, пестрые обложки журналов с обнаженными герлс, одежда и обувь со всего света в клетушках лавок и больших магазинов, ножи, револьверы и зажигалки в витринах, многочисленнные бары, редкая тень пальмы, запах фруктов и бензина, мягкий от жары асфальт и редкие возгласы мороженщиков: «Айс-крим! Айс-крим!» — такой запоминается главная и единственная улица Мэйн-стрит.

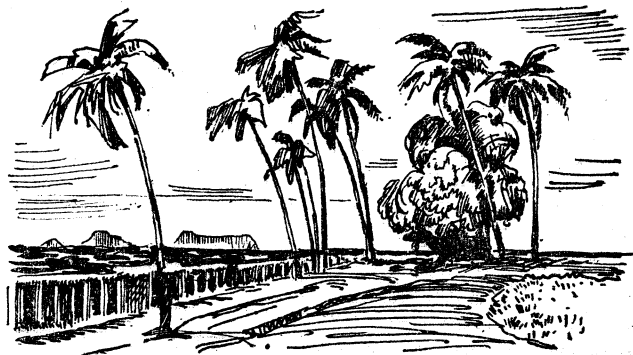
У стены Карла V, которая пересекает Мэйн-стрит и кряхтя карабкается в гору, я увидел знакомую скамью, пристроившуюся в тени небольшого сквера. Когда-то я уже отдыхал на ней. Моим соседом был пожилой англичанин, углубившийся в газету. Советских моряков узнают всюду по каким-то неуловимым признакам. Сосед не был исключением. Улыбнувшись, он протянул мне газету, поднялся со скамьи и ушел. Номер посвящался приезду в Англию Юрия Гагарина. Его портрет, помещенный на первой странице, сопровождался крупной надписью, а в скобках давался русский перевод, но набранный латинским шрифтом: «Ми ради вес видети». Первый космонавт! Невольной возникла гордость от того, что ты являешься соотечественником этого человека.

Вход в порт перекрыла полиция, и нам пришлось остаться на площади. Впрочем, об этой задержке мы не пожалели — не часто увидишь зрелище, какое показали нам власти Гибралтара. Оказалось, что здесь губернатор будет вручать символические ключи от крепости Гибралтар новому начальнику гарнизона.

Солдаты и музкоманда расходятся на противоположные концы площади. Офицер командует — все притоптывают правой ногой, а левой делают подобие балетного прыжка. Напрыгавшись и совершив поворот кругом, обе колонны движутся навстречу друг другу. Движения их так согласованы, что ряды музыкантов, встретив на середине площади строй карабинеров, проходят «насквозь», не задев коллег из вооруженного кордебалета. Н-да, лихо у них получается.

Музыка становится тягучей — сыны Альбиона начинают волочить ноги, но вскоре снова переходят на галоп. Создается впечатление, что они исполняют какой-то замсловатый ритуальный танец. А впрочем, так оно и есть.

Но вот из своей резиденции, «Говермент хауза», прибывает губернатор. Черная открытая машина объезжает строй солдат, и губернатор с сопровождающими его лицами появляется на трибуне. Перед ней тут же, как черт из табакерки, возникает будущий «ключник», а за его спиной замирает офицерский дует с обнаженными клинками. Приняв рапорт, губернатор вручает новоиспеченному начальнику гарнизона огромный амбарный ключ, сопроводив этот акт короткой назидательной речью. Солдаты исполняют благодарственный танец, и на этом церемония заканчивается.

Будни

День на судне начинается с подъема флага, после чего следует смена вахт, развод на работы и приборка. Малая мокрая в будни и большая мокрая приборка по субботам.

Больше всего забот приборки доставляют подшкиперу Хованскому. Он, как большинство хозяйственников, скупердай. Каждая приборка приносит ему убытки, и он начинает расстраиваться заранее. Подшкипер никак не может взять в толк, как можно утопить ведро, а то и два, истратив черт-те сколько мыла и соды на мытье переборок, а в конце концов старпом приказывает переделывать работу заново.

Любимый девиз Хованского: «Экономия — мать порядка!» Его он придерживается неукоснительно во всех перипетиях судовой жизни. Вода для умывания дается только на пятнадцать минут, и он неумолимо перекрывает ее, хотя опоздавший просит повременить «хоть минуточку», лгливо заглядывая в холодно-голубые глаза подшкипера. Но сердце Хованского словно камень, оно каждый шаг твой храпит, «несчастный сачок». Он помнит, что позавчера ты тоже проспал, вчера ты утопил ведро, а как-то вместо покраски мотобота уснул в нем и опрокинул кандейку с белилами. Получив три наряда, ты с грехом пополам отработал их в машине, но затем выплеснул в море вместе с грязной водой ложки и вилки всей вахты...

Во время приборки на палубе царят вода и песок. Пока одни драут песком палубу, другие моют перебор-

ки, рубок и шлюпки, а третьи приводят в порядок кубрики. По всему судну звенит и льется вода. Звон водяных струй усиливается к концу приборки. Они хлещут по переборкам, по голым курсантским спинам, по палубе, смывая грязное мыло и пот, сгоняя к отверстиям отслуживший песок. И вот заключительный аккорд: лопаются палуба, чистятся до зеркального блеска иллюминаторы и колокол, обтягиваются и укладываются снасти. Старпом обходит судно, заглядывая во все закоулки, где кое-кто любит «забыть» песок. Сегодня все в порядке, и «Меридиан» выглядит как первоклашка, идущий на первый урок.

Что и говорить, курсантам достается на орехи. В первых, у них обширная учебная программа, во-вторых, они несут вахту и выполняют судовые работы, участвуют в авралах и тревогах, а ведь им еще нужно заполнять отчетные журналы практики, делать штурманские зарисовки берегов и... отрабатывать наряды.

Корабельный «кондуит» хранится у меня в каюте. В него на лицевой счет каждого курсанта заносится все взыскания и поощрения. Часто парням приходится спать не более трех-четырех часов в сутки. Море есть море, а школярам часто бывает трудно в самом начале пути. И вот кто-то не вышел на приборку, увильнул от работы или сбежал с занятий. Как правило, после этого они попадают в «кондуит». Чаще всего грешники отработывают наряды (или, как они говорят, «отмаливают грехи») в машине, где всегда рады дармовой рабочей силе, затем идут камбуз и срочные судовые работы.

В отработке нарядов наметилась «специализация». Дело в том, что контингент нарядчиков довольно постоянен, поэтому одни прочно закрепились в машине, а другие на камбузе. Даже песенка сложилась: «Живо-

лупа и Зиму я на камбузе найду». За хорошую работу наряды, записанные в правой части «кондуита», снимаются, и тогда появляются записи слева, где отмечаются благодарности и поощрения. Впрочем, племя «сачков» немногочисленно. Основная масса курсантов — дружная семья, влюбленная в море, морской труд, учебу, смех и веселую матросскую шутку.

Однажды на перaborке носового кубрика появился такой рукописный опус: «Правила поведения на палубе УСебного заведения». Правила гласили:

- § 1. Капитан на судне — отец и бог.
- § 2. Любая кривая короче прямой, проходящей мимо комсостава.
- § 3. Любое объяснение комсоставу есть пререкание.
- § 4. Будь безмолвен!
- § 5. Прежде чем задать вопрос — подумай о последствиях.
- § 6. Отдыхай на реях!
- § 7. Не забывай умыться!
- § 8. Не бойся машины, ибо около нее ты найдешь спасение своей бессмертной души.

Через некоторое время матросы повесили рядом отредактированный вариант «УСебных правил». Там было лишь несколько добавочных правил, так как с основными положениями матросы в принципе были согласны.

§ 9. Передвигаясь по палубе, пользуйся только нижними конечностями — не оставляй следов рук на переборках.

§ 10. Умываясь, равномерно распределяй грязь по лицу.

§ 11. На реях уподобляйся обезьяне, за работой — волу, за едой не жуй, как корова, в остальном оставайся человеком.

§ 12. На «УСе» не отдыхают, на «УСе» работают!

Примечание. Не забывай проверять артельщика!

...Сегодня воскресенье, день отдыха. После обеда обе баркентины легли в дрейф, и последовала долгожданная команда — купаться! Желающие обмакнуть в соленую купель выстраиваются на переходном мостике возле грот-мачты. Они стоят в ботинках и плавках, ожидая, когда спустят дежурную шлюпку. Как только она отходит от борта — все сыплется в воду, оставив на палубе сиротливую шеренгу башмаков. Когда купанье закончится и на палубе не останется «лишней» пары обуви, в вахтенном журнале появится запись: «Купание прошло без происшествий».

«Тропик» покачивается рядом. На его корме вытирается полотенцем капитан Чудов. Вадим Владимирович — человек особого склада. Такие капитаны, по-моему, исчезают с флота, уступая место хотя и хорошим морякам, но уже привыкшим к «машинной цивилизации» современного комфортабельного флота. Чудов же мог, не раздумывая, броситься за борт, увидев в волнах гигантскую черепаху, войти в узкие ворота порта Пионерский, под парусами или вплавь добраться до «Тропика», стоящего в нескольких милях от берега. К тому же он обладал большими знаниями, написал ряд книг по морской практике. Впрочем, это было сделано позже, когда Чудов уже был доцентом Высшего мореходного училища, а затем работником Министерства рыбной промышленности в Москве.

Спускаясь в каюту, я почти налетел в узком проходе за фор-рубкой на второкурсника Морозова. Он прижался к борту, давая мне возможность пройти, а его собеседник, с забинтованной головой, вскочил на трап, встав одной ногой на планшир.

...Только что были безмятежны выцветший ситчик неба и светлая поверхность океана, покрытого синью

ряби над косяками жирующей сардины, и вдруг все кончилось. Безмятежность разорвал колокол громкого боя и голос вахтенного штурмана: «Общесудовая тревога! Человек за бортом! Вахта! — ложимся в дрейф! Шлюпки 2 и 3 на воду!»

Куда девалось расслабленное воскресное состояние, недавние шутки и смех!? Команды отдавались и выполнялись интуитивно, но интуиция была выработана многократным повторением того, что мы делали сейчас.

Баркентина еще не легла в дрейф, а от борта уже отвалили шлюпки Фокича и Харченко, быстро ушедшие за корму, где в полумиле, над спасательным кругом, виднелись две головы. В бинокль я узнал одного из них — это был Морозов. Он поддерживал над водой голову, обвязанную бинтом. Запруднов, догадался я. Ведь это он разговаривал с Морозовым, он и вскочил на планшир, чтобы дать мне возможность пройти. Прошло всего три минуты после встречи на палубе, и вот — оба за бортом.

Первой подошла шлюпка Фокича. Его гребцы быстро вытащили «утопленников», а Харченко поддел багром спасательный круг.

— И как их угораздило вдвоем сыграть в воду? — огорченно спросил капитан старпома, бывшего в этот момент на вахте.

— Как упал Запруднов, я, Олег Андреевич, не знаю, — ответил ему Минин, — видел только, что Морозов бросил за борт круг и прыгнул сам.

Я рассказал им то, чему был свидетель.

— Видимо, у Запруднова закружилась голова... — решил Букин.

Шлюпка подошла к борту. Запруднов был без сознания, мокрые спортивные брюки облепили тело, а размокший бинт болтался в воде. Это был первый пациент нашего врача Егорцева.

«По местам стоять, с дрейфа сниматься!» — раздалась команда старпома, и все бросились к снастям.

Дакар

...Дакар один из крупнейших городов западной Африки и столица республики Сенегал. У него очень выгодное географическое положение. Город — самый западный форпост континента, от него «рукой подать» до берегов Южной Америки, вдобавок мимо пролегают все морские пути на юг.

Над раскаленным причалом ветер кружит цементную пыль. Липкая жара заполняет наши малогабаритные кубрики и каюты, но подготовка к увольнению идет полным ходом.

Пан Левка выклянчил у Фокича электробритву и теперь, таращась в зеркало, дружелюбно воркует:

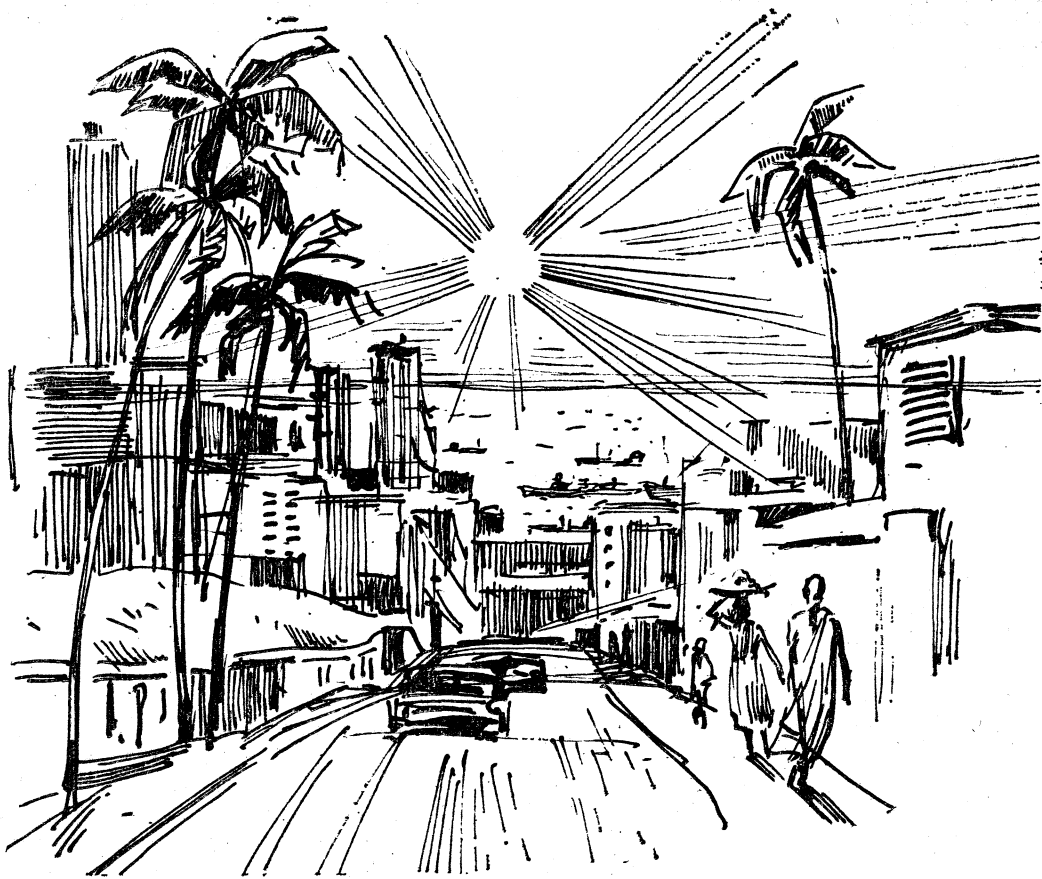
— Ну и агрегат у тебя, лучший друг! Ежели к нему подсоединить зубило, то можно асфальт долбать. Вот бреюсь и не знаю — то ли он мне зубы выбьет, то ли получу сотрясение мозга. Что же ты новую жажал?

Пан Казимир, который поблизости гладит брюки, невозмутимо отвечает Левке вместо Фокича, хранящего презрительное молчание.

— Сотрясение тебе не грозит, чтобы его получить, нужно иметь хоть немного мозгов, а при наличии отсутствия...

Курсантские кубрики тоже наполнены трудолюбивым гулом. Шипят утюги, мелькают щетки, проверяются носовые платки. Наконец все разом смолкает, и увольняющиеся строятся у грот-мачты. Белизна форменки ослепительна, сияние блях вызывает в глазах легкое покалывание, а ботинки, кажется, вырублены из антрацита. Старпом и вахтенный штурман обходят строй. Одному из курсантов приходится срочно бежать в кубрик. Юрий Иванович сокрушенно смотрит ему вслед:

— Сколько он ни чистится, а всегда имеет такой вид, будто его только что вываляли в пуху...

Но вот все в порядке, и курсанты устремляются на причал. Им не терпится выбраться из порта, чтобы увидеть кусочек африканского континента.

Худо идти в город и не знать языка, поэтому мы обрадовались, когда к нам присоединился Петя Груца, второй штурман «Тропика». Он учится в высшей мореходке, самостоятельно изучает уже третий язык, а так как он все делает добротнo, то у нас были все основания доверять его познаниям французского.

Фешенебельный центр города великолепен. Его здания построены с учетом жаркого африканского климата. Этажи домов прикрыты глубокими балконами-нишами. Их прозрачные тени, в которых золотятся легкие тростниковые жалюзи, создают ощущение задумчивого прищуря. Но если здания бывшего европейского центра практически не изменились, то заметно изменился облик людей, спешащих мимо них. Раньше эти улицы заполняли европейцы, а теперь редко-редко мелькает белое лицо в темнокожей толпе подлинных хозяев современного Сенегала.

Солнце палит нещадно, и мы уходим в переулки, заросшие пальмами и бугенвиллией. Здесь, в тени деревьев, шныряет племя пронырливых «бизнесменов», промышленных продавцов немудрящего товара. Тут и аляповатые медальоны, расчески, всевозможная галантерейная мелочь и наручные часы. К всеобщему удивлению, их жертвой оказался наш полиглот Груца. Он долго о чем-то лопотал с шельмоватым продавцом, который морщил в задумчивости нос при каждом Петинoм слове. Мы с любопытством следили за торгом представителей двух континентов и были ошарашены, когда Груца нацепил на

правое запястье что-то вроде медного пятака, в то время как на его левой руке отстукивали время добротные российские часы...

Вскоре мы забыли о злополучной покупке и с любопытством разглядывали многочисленные поделки-сувениры местных мастеров. Чего тут только не было! Медленные слоны, вырубленные из красного дерева, соседствовали с длинноногими стремительными антилопами, а ощерившиеся львы отражались в зеркальной поверхности столиков изумительно черного цвета, выточенных из эбенового дерева. Ритуальные маски, всевозможные амулеты, знаменитые африканские барабаны «там-там», с одного из которых свешивалась роскошная шкура леопарда.

Петины новые часы остановились едва он ступил на палубу «Тропика». Они не подавали признаков жизни, хотя Груца долго и старательно тряс их и даже стучал о стол своей мощной ладонью. Убедившись, что все средства реанимации исчерпаны, Петя швырнул жалобно звякнувший механизм в ящик стола, философски заметив: «Черт с ними — буду хранить как сувенир». Мы пытались его утешить, но Груца улыбнулся и сел за учебники — «се ля ви», как говорят французы и полиглот Петя.

Утром, отправившись в город, мы купили газету «Дакар Матюж» с фотографией наших баркентин и странной заметкой. В ней говорилось, что вчера в Дакар пришли два русских трехмачтовых судна — «Тропик» и «Меридиан». Командир флотилии Вадим Чудов «охотно ответил на вопросы за стаканом превосходной водки». Далее в заметке говорилось о задачах похода баркентин, их технических данных, о воспитании будущих командиров промысловых судов. О курсантах корреспондент писал, что это «загоревшие под морским солнцем моло-

дые и симпатичные люди со спортивной походкой, одетые в белоснежные рубахи с голубыми воротниками, свойственными всем морякам мира». Заметка была написана в самых дружелюбных тонах.

Нас несколько позабавило то обстоятельство, что журналист в первых же строчках корреспонденции пропел дифирамб русской водке, которую угощал капитан, «награжденный Рузвельтом американским орденом во время последней войны».

Позже Вадим Владимирович рассказывал, что угощение оказало ему плохую услугу, журналист решил, по-видимому, совсем не покидать его салон. Спасло положение вмешательство санитарного инспектора порта, который напомнил, что беда длится уже четыре часа, и тот был вынужден покинуть баркентину.

Дни на берегу, да еще в чужом городе, пролетают быстро. Ребятам интересно все: и незнакомая растительность, и особенности быта сенегальцев. Правда, знание местной флоры равнозначно знанию языка, но мы без труда узнаем сейбу и баобаб. Стволы баобабов в 15—20 обхватов встречаются там и тут. Под раскидистой кроной одного из этих великанов мы как-то обнаружили обыкновенную общеобразовательную школу. Чернорылые малыши (а сенегальцы наиболее черный народ из всех негритянских племен Африки), сидя на земле, что-то усердно царапали на грифельных досках, слушали молодого учителя и, высунув языки, царапали вновь. Над их головами качались на длинных стеблях белые цветы баобаба, а с соседнего забора сонно глядели две огромные птицы с изогнутыми клювами и голыми шеями. Вид у них был страшноватый. Фокич долго разглядывал птиц и наконец произнес: «Вот так микстура! Что это за птица, похожая на орла!» Это были вантуры. Птицы-санитары, убирающие с улиц отбросы и падаль. По всей Африке эти птицы пользуются неприкосновенностью.

Что ни поворот — то новая картинка, новый штрих из жизни улиц. Вот сидит на стуле, стоящем прямо на тротуаре, местная модница, а чернокожий Фигаро старательно обрабатывает ее макушку. Голова постепенно покрывается идеальными рядами мелких кудряшек. Девушка сидит терпеливо, хотя, как мне кажется, цирюльник просто выщипывает излишки волос, добываясь, чтобы голова была расчерчена на ровные квадраты.

...Мы медленно идем среди толпы, плотно закупиравшей тротуар. Я не ношу с собой альбома, но вокруг столько интересного, что не выдерживаю и начинаю рисовать на обороте радиogramмы, оказавшейся в кармане. Соблазненный живописными натюрмортами, захожу на рынок. Рынок крытый, иначе как уберечь от палящего

солнца все то, что принесли сюда рыбаки и земледельцы!?

Полумрак рынка обещает прохладу, но моих спутников беспокоят слишком терпкие запахи, идущие от мусорных ящиков. Они и мне не доставляют удовольствия, но охота пуще неволи, и я ныряю в разнообразные ароматы африканского рынка. Пахнет рыбой, овощами и фруктами. Прокаленные солнцем, эти запахи приобретают необычайную густоту и материализуются до физического ощущения их. Вот огромные желто-фиолетовые груды орехов кола. Их сменяют корзины с плодами манго, польхающие оранжевым пламенем. На фоне манго эффектно выделялась шипастая зеленая анона. У стены расположились рыбаки. Рыба, переложенная травой и водорослями, источает свежий запах океана.

Да, здесь раздолье для живописца! Буйство красок усиливается пестрыми одеждами женщин и белыми нарядками мужчин, игрой теней, света и солнечных пятен на иссиня-черных лицах. Воздух движется, переливается красками, мерцает легкими полутонами, а расплавленное солнце вливается в открытые двери, многократно усиливая цвет игрой света на матовых и глянцевых боках фруктов, на складках одежд и черной коже продавцов и покупателей.

Прощай, Дакар, прощай, Африка! Сегодня мы уходим. Чудов решил воспользоваться благоприятным ветром и уходить из гавани под парусами. Гавань тесная, вокруг бетонные причалы. Малейшая ошибка грозила крупными неприятностями. Но наш флагман знал, на что шел, знали это и остальные командиры. Они видели, что за эти месяцы курсанты поднатерели в парусах.

На причале было много зрителей, поэтому все работали особенно старательно. Курсанты, предельно внимательные к командам, как-то особенно легко взбегали по вантам, выбивая ботинками барабанную дробь по дубовым выбленкам. «Тропик», стоявший вторым корпусом, шел, безупречно выполнив поворот. Наступил наш черед.

— Все наверх! Паруса к постановке изготовить! — раздалась традиционная команда капитана, хотя все и так уже заняли свои места.

— Пошел по марсам и салингам!

Словно подброшенные неведомой силой, взлетели по мачтам курсанты, а вскоре сверху донеслось: «Брамсель к постановке готов!», «бом-брамсель готов!»

— С рей долой! — ору я в мегафон, и, как эхо, откликаются Фокич и Кокошинский: «Бизань к постановке готова!», «грот готов!» Все делается быстро и без суеты. Да, осилили парни парусную науку.

— Поставить паруса!

Баркентина ждала этого момента. Она готовилась сама и готовила этих парней, которые должны были сейчас показать, чему их научило море, бессонные ночи, бесчисленные авралы и качанье на мачтах и реях.

— На брасы левые! Пошел брасы!

Травятся правые брасы и выбираются левые. С берега внимательно следят, как разворачиваются реи вокруг мачт, совершая одновременный поворот.

— Стоп брасы! Отдать гордени и гитовы! Травить брасы и шкоты! Пошел фалы!

Ах, музыка, музыка парусных команд! Никогда не забыть, как падают с рей паруса и, наполняясь жизнью, заполаскивают на ветру взлетевшие по штагам легкие кливера и стаксели, как грузно ползут к салингам трисели — грот и бизань.

Нос баркентины начало отжимать от причала, она задрожала, приготовившись к броску.

— Отдать носовой! — раздается команда капитана. — Руль право на борт! — Освободившийся нос баркентины, повинувшись давлению парусов, рванулся вправо, но корма, удерживаемая швартовым, остается на месте. Если представить, что через корму проходит некая ось, то вокруг этой оси стремительно поворачивался «Меридиан». Бушприт вычерчивает аккуратный полукруг над водой гавани.

— Прямо руль! Реи на фордевинд! Грот и бизань на левую! — И тут же: «Отдать кормовой!»

Привет, Джек!

Освобожденная баркентина рванулась из гавани. Она еще идет вдоль причала. Люди что-то кричат, машут руками, но нам некогда обернуться к берегу — команды следуют одна за другой. Описав плавный полукруг, «Меридиан» огибает бетонный выступ причала и устремляется вслед за «Тропиком». Ветер хорош, и мы добавляем парусов.

Океан

Азоры баркентины проходят ночью. В районе архипелага находится зона повышенного давления, так называемый Азорский антициклон. Ветры здесь неустойчивы. В этих краях зарождаются всевозможные метеорологические пакости, и поэтому Азоры называют «кухней погоды».

...Шквал налетел, когда, как назло, неожиданно «скисла» машина, погас свет и потухла катушка компаса. Курсант, стоявший на руле, растерялся. А шквал тут же

развернул баркентину боком к ветру и положил на борт. Затрещали, защелкали паруса, загребая окружающую тьму на палубу. В раскрытый люк машинного отделения хлынула одна волна, затем другая. Снизу исторгнулся вопль механиков: «Изво-о-озки! Закройте люк!» Аварийное освещение тоже не работало, и механики, хлюпая в воде, подсвечивали себе фонарями и спичками.

На палубе египетский мрак, вдобавок без энергии перестал работать гирокомпас. Но на руль уже встал Фокич, а на мостике появились капитан и старпом. Паруса, которые были частью убраны, частью взяты на гордени и гитовы, вновь оживают. «Меридиан» постепенно приводится к ветру и ложится на прежний курс. Что ж, у ребят еще один шквал на счету.

После Азор баркентины вошли в зону пассатов. Прямая линия на карте соединила «Меридиан» и острова Силли у входа в Ла-Манш. Курсанты полностью занялись учебой и предстоящими зачетами, а у матросов вахты дополнились относительным бездельем. Казалось, что мы доберемся до Ла-Манша без происшествий, но в океане трудно что-либо заглядывать заранее.

Я обходил палубу, заглядывая во все закоулки, где

обычно оставался песок, попутно осматривая снасти. Здрава голову, оглядел грот-стенгу. Что за притча!? Стеньга, изогнувшись, далеко откинулась назад и как-то неуверенно вздрагивала при каждом порыве ветра.

— Быстро наверх подвахту,— крикнул я проходящему мимо матросу,— убирайте верхние паруса, да штурмана предупреди, что со стеньгой что-то стряслось!

Матрос зарысил в кубрик, а я кинулся к вантам. Осмотр лишь подтвердил то, о чем я уже догадывался,— стеньга сломана. Она лопнула по сварке ниже стального кольца, на которое надеваются снасти стоячего такелажа. Снасти и не давали ей упасть, равномерно поддерживая стеньгу со всех сторон.

...Выслушав меня, старпом сам полез на мачту. Спустившись, он хмуро сказал, что часть шва, кажется, цела, но сколько она продержится, трудно предугадать.

О случившемся сообщили в базу и тут же получили добро на заход в ближайший порт для ремонта. До него оставалось восемьсот миль, то есть около недели хода.

Каждое утро я докладываю старпому о состоянии стеньги — оно пока не меняется. Мы больше не ставим верхние паруса, а ветер все так же постоянен и ровен. Курсанты вначале опасливо поглядывали наверх, но вскоре словно забыли о стеньге, ибо, как сказал Даниэль Дефо: «Время беспокойства гораздо больше того несчастья, которое нас тревожит».

Баркентины подходили к островам Глупых (так звучит русский перевод островов Силли), когда у нас вновь сник двигатель, и на этот раз основательно. Это было тем более неприятно, что вскоре был получен скверный прогноз: с норд-веста шел ураган. Нужно было как можно быстрее добраться до Ла-Манша, чтобы прикрыться берегами Англии от северо-западных штормовых ветров.

«Тропик», который мог нести все паруса и подрабатывать двигателем, взял «Меридиан» на буксир. Но прежде чем начать спешный бег в пролив, нужно было забрать с «Тропика» своего доктора, помогавшего тамошнему эскулапу в какой-то операции.

Мы видели, как в спущенную шлюпку спустились гребцы, принявшие доктора и его чемодан. Шлюпка благополучно дошла до «Меридиана», но океан не мог допустить, чтобы все закончилось так обыденно и прозаично. Он разыграл финал по своему сценарию, но без помощи команды шлюпки.

Баковый курсант слишком поздно отдал дуплинь с буксира, и шлюпка, не успевшая отойти, попала под скулу «Меридиана». Само по себе это еще ничем не грозило, но, стараясь побыстрее выбраться на палубу, все разом вскочили на левый планшир, и шлюпка не стала колебаться и в полном соответствии с законами физики перевернулась.

Доктора успели подхватить с палубы, остальные тоже проявили завидную расторопность и с ловкостью обезьян вскарабкались на борт. В воде осталась перевернутая шлюпка да курсант Жора Вознесенский. Он взобрался на днище шлюпки, котрую ветром, волнами и течением начало относить от «Меридиана».

На «Тропике» прекрасно видели, что произошло, и тут же отдали буксир, начав готовить машину. Баркентина сделала поворот, но через фордевинд не смогла близко подойти к шлюпке. Снова задвигались реи — курсанты работают с предельной быстротой, ведь на шлюпке их товарищ, а на океан надвигается ночь. На этот раз «Тропик» делает поворот «верштаг» и идет прямо к шлюпке. На привальный брус вылезает Стас Варнело. Петя Грুца придерживает его за руку. Как только Вознесенский поравнялся с ними, Стас, выражаясь словами Фокича, схватил его за «шкирятник» и выдернул на палубу. Для штангиста это не составило большого труда. После этой операции, занявшей сорок минут, занялись спасением шлюпки, но к этому времени был запущен двигатель.

Вознесенский, хватив добрую чарку испанского вина, отправился в баню, а получив после прогревания повторную, заявил: «Я бы, пожалуй, макнулся еще раз».

Англия

В бухту Фал баркентины вошли ночью. На западе, над скалами ревел ветер, дыбились в ночи многотонные валы, а в бухте было сравнительно тихо. «Главное в профессии моряка,— сказал Москаленко,— это вовремя смыться», и добавил: «от урагана».

Утром явились заводские инженеры. Пока они с командирами уточняли условия ремонта, мы готовили стеньгу к спуску.

Фалмут — это английский Крым. Здесь находятся курорты и пансионаты. Слово мотыльки, слетают сюда отпуски почти со всего острова, а так как отелей на всех не хватает, а у многих не хватает средств на отели, то на дверях частных домов видны объявления: «Bed and breakfast», то бишь «кровать и завтрак». Здесь обитают местные «дикари».

...В узкой укромной улочке, чьи булыжники отшлифованы подошвами многих поколений моряков, мы обнаружили небольшую лавочку. У распахнутой двери, под позеленевшим морским фонарем, стоял ее владелец, попыхивая короткой прокуренной трубкой. Выцветшие голубые глаза да рыжая щетина, которая не только оттопыривала ворот рубахи, но лезла пучками из носа и ушей, делала этого добродушного мопса достопримечательностью улицы.

В лавке все говорило о море и кораблях. Даже воздух был смолистым и ядреным, пропахший густым и терпким запахом канатов, парусины и дерева. Мотки канлового шнура, бухты манильского и сизальского тросов, пенька и парусина, фонари, всевозможные блоки, такелажный инструмент, карты и компасы заполняли все свободное пространство, оставляя лишь узкий фарватер к прилавку.

Мы любимся этим богатством, сожалея в душе, что ничего подобного не найдешь у нас даже в тех городах, где плещется вода и ходят любительские яхты и катера...

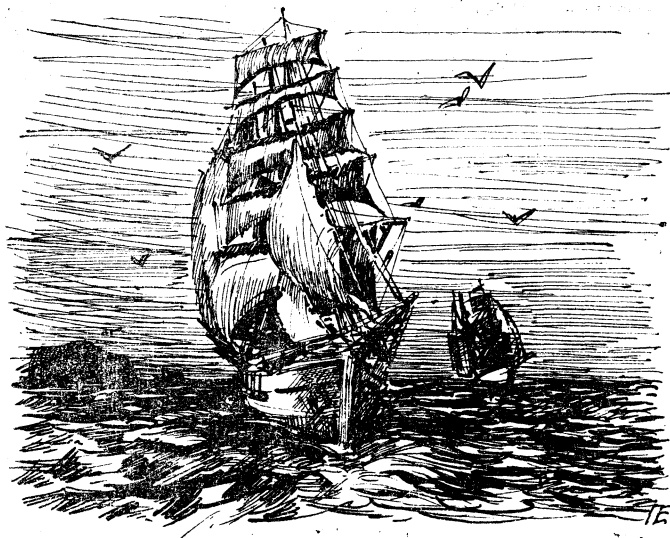
Порт в Фалмуте небольшой, но жизнь города неотделима от близкого океана. Когда-то сюда вернулась из долгой одиссеи потрепанная баркентина «Мария ди Ампаро», бывшая некогда гордостью английского флота, прославленным клипером «Катти Сарк». В 1933 году отсюда вышел в океан Роберт Грэхем, первым из яхтсменов-одиночек пересекший его с запада на восток. Здесь же стартовал Роберт Менри, сделавший то же самое на четырехметровой лодке. А в 1969 году в Фалмуте финишировал Робин Нокс-Джонстон. Он выиграл «гонку столетия», обогнув земной шар, без заходов в порты, за 313 дней.

Закончив в бухте обтяжку стоячего такелажа, мы тут же снялись в Саутгемптон. Скрывается за кормой лето, отстав где-то в Атлантике, а безмятежную гладь воды часто всхлывают кратковременные мини-штормы, предвестники затяжного осеннего ненастья.

Скоро будем в Саутгемптоне... Каково там сейчас? Почему-то вспомнился рассказ флаг-капитана Чудова о случае, происшедшем на «Тропике» во время прошлого года визита парусников в Саутгемптон. Вадим Владимирович посмеивался, рассказывая о том, как на «Тропике» появилась группа англичан, уверенных в том, что баркентины ходят по морям не с учебными, а шпионскими целями. Они «обнюхали» судно очень старательно и, естественно, не обнаружили никакой секретной аппаратуры, но вдруг в тамбуре кормового кубрика увидели таинственный агрегат, обшитый досками.

«Показывать им наш отопительный котелок не хотелось,— рассказывал Вадим Владимирович,— уж больно неказистый вид был у него, но после длинных и нудных просьб показать спрятанное («А какое все-таки у вас отопление? Это очень интересно. Кстати, здесь присутствует специалист по котлам, он очень бы хотел посмотреть...») открыли котелок для обозрения, взломав вре-

менную переборку. Англичане буквально бросились к пролому... и были страшно разочарованы тем, что мы оказались не шпионами с тайной аппаратурой, а элементарным учебным судном.

Конечно, такие обвинения нам сейчас не грозят. Впервые, время работает на нас, во-вторых, это уже не первый заход советских парусников в Саутгемптон, ведь кроме нас сюда заходила рижская «Камелла», тоже «систер-шип» наших баркентин. Ну, что ж, придем — увидим...

Мэр Кет-Кауса пригласил экипажи баркентин посетить город и осмотреть Осборн-заус — музей королевы Виктории. Одна из его башен, тридцатиметровая «Флагтауэр», торчит из-за деревьев на мысе Олд-Касл и хорошо видна с «Меридиана». Эти деревья — часть парка, в котором стоит дворец. В нем набиралась сил для разных закулисных схваток королева, большая любительница политических интриг.

В отделке дворца участвовали лучшие мастера Англии. Индийский зал, например, был декорирован мастерами-индейцами под наблюдением Джона Локвуда Киплинга, отца известного писателя. Джон Киплинг долгое время был куратором музея в Лахоре и считался одним из лучших знатоков индийского искусства.

На следующий день отправились с визитом на лайнер «Куин Элизабет». О его величине говорят такие цифры: длина — 314 метров, ширина — 36. Лайнер имеет осадку 12 метров и турбины мощностью 200 000 лошадиных сил. Судно имеет 14 палуб, оборудованных тридцатью пятью лифтами.

Мы не воспользовались лифтами, а двинулись наверх пешим порядком в сопровождении вахтенного офицера. Широкие лестницы с коврами и переборками, украшенными богатой инкрустацией и картинами, — язык не поворачивается назвать их трапами. Здесь терялось ощущение судна как плавучего объекта, казалось, что подобное может встретиться только на берегу.

Да, это был настоящий город на воде, способный передвигаться со скоростью курьерского поезда. На каждом шагу бары, буфеты, киоски и магазины. Офицер вел нас через полутемный зал кинотеатра, которых на лайнере два. Каждый вмещает пятьсот человек. Наш проводник объяснил, что есть на судне солярий, танцзалы, два плавательных бассейна с «пляжами» из песка. Одна из палуб целиком отдана любителям спорта: там три гимнастических зала. На «Куин Элизабет» турецкие бани, застекленный сад, игровая палуба для детей и своя газета «Океанское время». Н-да, не слишком ли много для короткого путешествия через океан? Впрочем, все эти блага для толстосумов. Для них и огромный ресто-

ран, в котором посетителей встречает огромный же торт, изображающий «Куин Элизабет». С почтением обогнув гору теста, крема и сахара, пускаемся в «плаванье» через зал, способный насытить одновременно семьсот человек. Размерчики!

Кто мог подумать, что очень скоро «Куин Элизабет», «Куин Мэри» и другие «королевы» Атлантики, громадные лайнеры, сиротливо замрут у причалов, не выдержав конкуренции авиакомпаний...

Наутро парусники посетила старушка — мэр Саутгемптона. Она уже преклонного возраста, в белой шляпке, черном строгим костюме и с большой сумкой на спине правой руки. Золотая бляха на массивной цепи, знак власти предержавшей, кажется непомерно тяжелой для ее тонкой шеи. Наклонив голову, «бабуся» семенит вдоль строя курсантов и вздрагивает, когда они дружно рявкают: «Здря-я-те!» Сзади нее идут капитаны баркентин Чудов и Букин. Они улыбаются — курсанты не подвели!

Старушка, кажется, довольна визитом, состоянием баркентин и внешним видом курсантов. По-моему, таким пожилым матронам не должно нравиться развязное поведение американских моряков с пришедших недавно военных кораблей. Наши ребята встретили этих вояк в городе, когда те вывалились из бара, придерживая за бедра хохочущих девиц. Увидев форму советских курсантов и сообразив, что это «коллеги» с русских парусников, американцы направились к ним, на ходу вытаскивая из карманов плоские бутылочки виски. К их великому удивлению, брудершафт не состоялся, так как наши ребята вежливо, но в категорической форме отклонили угощение. Вездесущие репортеры поместили в вечерней газете снимок, на котором наши и американские моряки шли в разные стороны, повернувшись спиной друг к другу. Снимок сопровождался строчкой из баллады Киплинга: «О, запад есть запад, восток есть восток...»

Сегодня я решил дать отдых ногам, ведь завтра предстоит поездка в Лондон. Большинство экипажа в городе, и на палубе полный штиль. Я валяюсь на полубаке и пытаюсь читать «Плавание на «Индевре» Джемса Кука. Забавно... «Меридиан» своими размерами почти повторяет «Индевр». Но разница все же велика. На «Индевре» не было двигателя, но зато, видимо, были плеть и скрипка. Про Кука писали, что «он был выше многих, но не выше морали своего времени». Как бы то ни было, а маленький «Индевр» обошел неведомыми морями вокруг света. Железные люди на деревянном корабле... Да разве только Кук! А Лазарев с Беллинсгаузеном, сделавшие то, что оказалось не под силу Куку?

...С палубы «Тропика» доносится грохот и ляг штанги. Боцман Стас Варнело и тишайший Петя Груца развлекаются «железной игрой». Этим все «ничипочем». В море ли, на берегу ли, а штанга всегда при них. Вот тоже железные люди на деревянном корабле. Штанга взлетает в воздух, а береговые зеваки с почтением поглядывают на широчайшего боцмана и его коренастого партнера. Да-а, «запад есть запад, восток есть восток», и многое непонятно англичанам, глазеющим с берега на этих хохочущих здоровяков, на шахматистов, оседлавших аварийный ящик, на книги в руках отдыхающих курсантов...

У стены пакагуза сидит юная пара, за ней я наблюдаю уже минут пятнадцать. В руках у девчонки альбом, в котором она что-то старательно мусолит карандашом. Парень листает страницы небольшой книжки. Кто они? Неужели их привела в порт любовь к рисованию?

Три года назад я встречался с молодыми англичанами в Такоради. Это были матросы с банановоза «Ибадан Палм». Круг их интересов был предельно прост: накопить в море денег, а потом открыть на берегу собственное «дело». Меня поразило их полное невежество во всем, что касалось Советского Союза. Узнав, что я

из Свердловска, они таращили глаза, качали головами и шептали: «Сибириен, Сибириен...» Удивляться не приходилось — в атласе, который они принесли, надпись «Сибириен» протянулась от Чукотки почти до западных границ нашей страны.

Ну, а эти? Спустившись на причал, я подошел к ним. Она рисовала «Меридиан», рисовала слабо и неумело. Вместо мачт из корпуса торчали бревна. Я не выдержал, жестом попросил альбом и карандаш. Бумага была хороша — рисовать в таком альбоме одно удовольствие. набросок получился приличный.

— О-о-о! — юноша удивленно ткнул пальцем в альбом, видимо, не понимая, что может быть общего между боцманом и рисованием.

От дальнейших объяснений меня спасли курсанты, которые постепенно собрались вокруг. Некоторые из них прилично говорили по-английски, и общими усилиями удалось разобраться, кто есть кто. Пэми и Дэвид оказались братом и сестрой. Пока они школьники, а в порт их привело, конечно, не рисование, а желание посмотреть «красн вессел шип» и русских моряков — газеты сделали свое дело...

Мини-экскурсия по баркентине финишировала у меня в каюте. Курсанты, довольные разговорной практикой, рассказали им о судне и своей учебе, а я продемонстрировал рисунки и этюды, сделанные в Бриксеме, Гибралтаре и Фалмуте.

Расстались дружелюбно. Уходя, Дэвид взял со стола книгу Кука и написал на форзаце: «Евгений, желаю вам благополучного возвращения в Россию. Мы были рады познакомиться с вами и вашим кораблем. Пэми, Дэвид». Мы проводили ребят на причал, и я вернулся на полуубак, вновь принявшись за путешествие Кука. Но чтение не шло в голову, и я в конце концов уснул. Видимо, день знакомств еще не кончился, так как меня разбудили голоса на причале.

— ...а что из себя представляет «Доринго»?

— «Доринго»? — ответил незнакомый голос. — До того как ее купил и перестроил Вульворт, она была исландским траулером.

Я поднялся с палубы и подошел к борту. На причале стояла группа курсантов и незнакомый мужчина в синем отлично сшитом костюме. «Лицо симпатичное и по-русски здорово шарит».

— Неужели он не мог построить себе новую яхту? — спросил кто-то из курсантов.

— Миллиардеры не отчитываются в своих поступках, к тому же судно было новое, мореходное. Отделали его как игрушку. Берет «Доринго» только восемь пассажиров, у каждого свои апартаменты, есть даже плавательный бассейн — поди призыв в ней траулер.

— Боцман, — повернулся старшина Моисеев, заметивший меня, — это старпом с американской прогулочной яхты, мистер Славутич.

— Что же вы стоите на причале? Доложите вахтенному штурману и ведите гостя на судно.

Я тоже присоединился к группе, которую повел по палубе второй штурман Попов.

— Судя по вашей фамилии, — сказал Попов, обращаясь к американцу, — вы своим происхождением обязаны славянам?

— Да, — улыбнулся тот, — это так. Хотя я и родился в Штатах, но мой отец из Югославии, а мать русская. А язык, вернее, оба языка, в семье передаются по наследству. К тому же я живу в небольшом городке под Нью-Йорком, где обитают в основном русские. Мои дети говорят по-русски не хуже меня, а я временами путаюсь лишь в морской терминологии — у нас почти нет ваших морских пособий. Дома я собрал солидную фонотеку русских и советских песен и довольно приличную библиотеку.

Осмотрев судно, Славутич сказал Попову:

— Вы знаете, меня всегда интересовала проблема морского обучения в России. Я имею кое-какие ваши учебники, есть даже правила поступления в ваши морские

колледжи. Меня поражает большое количество парусников в вашей стране. К сожалению, у нас в Атлантике лишь один — «Игл», да и тот уже стар.

— А велика ли разница в системах обучения? — поинтересовался штурман.

— Трудно сказать... Я ведь не знаю внутренней структуры ваших учебных заведений. Мне известно, что у вас есть так называемое заочное обучение. Что-то подобное есть и у нас, хотя подобие это весьма относительное. Человек сам занимается и сдает экзамены сразу за весь курс учебного заведения. Сколько вы потратите на это времени, значения не имеет. Год или пять. Зато имеется одно «но». Допустим, вы сдаете экзамен на штурмана и заваливаете его. Через год вам вновь разрешают держать экзамен, но вы уже на заметке, и спрос строже. Теперь, если вы вновь не сдадите, у вас останется последняя, третья, попытка. Если вам и на этот раз не повезет, то вас больше к экзаменам не допустят — вы в черном списке.

Он уехал, завернув в газету книгу «Подвиг «Сибирякова», наш коллективный подарок.

Славутич приехал к нам из Портсмута, где стояла «Доринго», еще раз. Разыскав меня, он вручил ответный подарок — отлично заплетенный, украшенный кнопками и мусингами, рында-булинь. Так называется кусок троса, который подвязывается к языку судового колокола. Второй рында-булинь он попросил передать боцману «Тропика» Стасу Варнело.

На этот раз между нами завязался более непринужденный разговор. Мы попросили его рассказать, как живут и работают американские моряки.

— С работой сейчас туго, — ответил он. — Лучше всего тем, кто на пассажирских линиях с твердым расписанием, но эти моряки крепко держатся за место, и попасть на линию трудно. Прежде чем попасть на «Доринго», я был матросом на другой частной яхте. Нас было одиннадцать моряков, и все имели дипломы капитанов дальнего плавания. «Доринго» тоже не сахар. Я получаю шестьсот сорок долларов в месяц. Одна треть уходит на квартиру, тысячу долларов в год плачу за обучение дочери в колледже иностранных языков. А одежда, питание, разные обиходные вещи? Дома мне почти не приходится бывать.

— Если так обстоят дела у старпомов, то каково приходится Швейкам, то есть матросам, — попросился пан Казмир, встретив недоуменный взгляд Славутича. — Им ведь тоже пить-есть надо.

— Пить-есть всем нужно, это верно, но что поделывать, когда нет работы? Вот я — чиф-мейт. Нанимаю матросов и первым делом сам беру ведро, мыло и щетку и показываю новичку, как надо работать, — Славутич даже нажал на слово «как», чтобы мы проникнулись важностью момента в жизни новичка, — а через несколько дней или оставляю его на судне, или увольняю. Если он не справляется с работой, я вынужден его уволить, иначе уволят меня. Вульворт шутить не любит. Когда хозяин и гости проснутся, яхта должна сиять от кила до клотика, и моем мы ее каждый день. К тому же нам с капитаном приходится нести ходовую вахту, ведь у нас только один штурман, так что спать приходится урывками, когда придется, а порой и вовсе без сна обхожусь.

Курсанты молча слушали эту неожиданную лекцию по политэкономии. Было о чем подумать.

— Получается, что матросам живется легче, чем офицерам? — спросил один из них.

— Ну почему же? У них свои проблемы и заботы. И тоже конкуренция. Если Боб знает что-либо такое, чего не знает Джек, то он постарается сохранить при себе свои профессиональные секреты. Коли дело дойдет до увольнения, то в первую очередь уволят того, кто меньше знает.

Мы говорили еще некоторое время. Славутич вспоминал советские фильмы, которые ему приходилось видеть, но особенно восторгался ансамблем Моисеева. Два концерта он видел, когда был последним раз в Нью-

Йорке. Мы пригласили его остаться до вечера и посмотреть фильм, но он отказался.

— Тороплюсь на судно, ведь капитан считает, что я лечу в Саутгемптоне зубы.

Он засмеялся и, помахав рукой, сбежал по трапу на берег...

Лондон

Хорошо думается о всякой всячине, когда колеса автобуса стремительно разматывают шуршащие километры дороги. Шоссе пустынно, и шофер выжимает из двигателя все возможное.

С нами едут английские коммунисты, муж и жена, представители общества англо-советской дружбы. Они-то и сказали нам о близости Лондона, но город начался так незаметно, перерастая из небольших городов в пригороды, что мы не заметили, как въехали в мрачноватые заводские окраины. А потом замелькало: густая листва Ричмонд-парка, дома Портсмут-роад. Затем с вершины Пути открылась желто-коричневая Темза. За рекой лабиринт улиц завертел, закрутил автобус и, наконец, вытолкнул его на Грин-стрит, улицу посольских особняков. Въехав во двор советского посольства, он с трудом унял дрожь разгоряченного мотора.

Капитаны ушли в особняк, а мы пустились на поиски Хайгетского кладбища, где похоронен Карл Маркс.

Могила Маркса находится недалеко от входа. Много лет владельцы кладбищенского участка не позволяли рабочим поставить на могиле памятник. Наконец был куплен другой участок, и 23 ноября 1954 года прах Маркса и членов его семьи, захороненных вместе с ним, перенесли на новое место. На памятник собирали деньги не только рабочие Англии. Свой вклад внесли рабочие многих стран Европы, в том числе и Советского Союза. Автором его стал английский скульптор Лоренс Бредшоу, 14 октября 1956 года памятник открыли. Четырехугольный пьедестал, на котором установлен бюст Маркса, сделан из корнуэлльского гранита. На его верхней кромке блестит золотом надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Карл Маркс», а в центре помещена мраморная плита, взятая со старой могилы. На ней перечислены члены семьи Маркса, похороненные с ним. Еще ниже слова: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Мы кладем цветы к основанию памятника, присоединив их к букетам, которых много было на плите...

Из темных подъездов глядит многовековая история Англии. Автобус сворачивает на Реджент-стрит и, споткнувшись в нескольких автомобильных заторах, выезжает к залитому солнцем Трафальгар-скверу. Мы вышли и залобовались просторной площадью, голубыми фонтанами и стройной колонной Нельсона, поднявшей к небу курдючную капитель.

Ко мне подошел пан Казимир.

— Полюбуйся-ка на своих собратьев...— он показал на мужчину и женщину, которые что-то рисовали на асфальте. Подойдя ближе, я увидел, что они рисуют цветными мелками портреты Гагарина и Титова. Рядом лежали небольшие пейзажные этюды, видимо, приготовленные для продажи. Никто не подходил, никто ничего не покупал, и художники даже не взглянули на меня, продолжая безучастно заниматься своим делом.

Мы не заботились о выборе маршрута, а отделились во власть улиц, улочек и переулков. Английские писатели подробно описывают пути-дороги своих героев, и теперь названия улиц знакомым видением всплывают со дна памяти, будто я перелистываю страницы прочитанных книг.

У Сент-Джеймского дворца мы увидели механика Саню Ушакова. Он что-то разглядывал в нише между колоннами. Ба! Да это часовой из наружной охраны

дворца, его декоративный придаток. Вот про кого можно сказать, что стоит как истукан. На нем, увенчанный лошадиным хвостом, сверкающий шишак—мальчишеский подбородок поддерживает плетеный ремешок, синий мундир опутан белыми ремнями, белые лосины заправлены в невероятные ботфорты. Правая рука, одетая в мотоциклетную перчатку-раструб, прижимает к плечу сверкающий клинок, а левая вцепилась в пустые ножны. Фигура выглядит достаточно опереточно, но солдат серьезен и невозмутим.

...Летит автобус. «Спойте-ка что-нибудь наше,—поворачивается к салону Чудов,—у Кузнецова весь день аккордеон молчит, а наши английские товарищи просят спеть что-нибудь русское». Высокий художавый курсант с готовностью растягивает меха. Остальные тридцать тоже рады стряхнуть с себя сонную одуру. Действительно, как это мы забыли про песни!? Душа требует разрядки после дня, полного впечатлений.

И грянули русские песни над ночной английской дорогой! В тишину сельских улиц вошла нежная Катюша, ее сменил Ермак, а там дошла очередь и до бродяги, который переехал Байкал, чтобы прошуметь над английскими полями.

Последняя остановка перед Саутгемптоном. Вздораженные песнями, мы спустились по ступенькам таверны смочить пересохшие глотки стаканом оранжада. Нас много—все столики заняты. Проснулся дремавший за стойкой хозяин. Он несколько ошеломлен нашествием русских моряков, очутившихся в неурочный час так далеко от моря. Англичане-коммунисты объясняют ему, кто мы и откуда. Бармен ожил, улыбается. Льет в стаканы холодный напиток, звякают последние пенсы и шиллинги. Вадим Владимирович подмигивает Кузнецову, и лихое матросское «Яблочко» вкатилось в тишину сельской заолустья. Далеко закатилось оно от родных берегов!

Забористо пляшут курсанты! Куда только девалась дневная усталость. Аккордеон в руках Кузнецова творит чудеса, но не отстает от него и ноги плясунов. Дружно в такт хлопают ладоши. Таверна постепенно наполняется окрестными жителями. Теперь бармен работает без передышки, а у стойки образовалась очередь. Англичане пьют пиво, смотрят с улыбкой на взлетающие за спинами синие воротники и робко хлопают ладонями в такт незнакомой мелодии.

Не выдерживает и наш флаг-капитан. Он вешает форменную тужурку на спинку стула и берется за ложки. Их задорный дробный перестук так органически вписался в мелодию и так резво вторит каблукам, что у англичан невольно начали приплясывать ноги. Эх! Давай веселей! Ходи, Россия!

На прощанье запели «Катюшу». К нашему удивлению, абorigены подхватили ее тоже. В увеличившемся хоре русские и английские голоса сплелись в одной мелодии.

Домой!

Снова вокруг Северное море. Остались позади четверо томительных суток на якоре в густом тумане Спитхедского рейда. Спокойное зеленоватое море, мирно дремлющее под нежарким сентябрьским солнцем, легко несет баркентины на север.

Однако чем дальше уходили парусники в проливы, чем ближе была Балтика, тем хуже становилась погода. Берега островов затянута косой сеткой дождя, и Харченко уныло говорит курсантам: «Сейчас вы на практике изучите, как надо «обгнать» острова». И мы «обгинаем» их, уходя все дальше в пролив Большой Вельт.

Впрочем, курсанты не киснут под занудами-дождя-

ми — чувствуется близость дома. Сегодня воскресенье. На палубе мокнет только вахта.

Да, за рейс изменились курсанты. Повзрослели и возмужали вчерашние «салаги». Теперь на море они смотрят другими глазами. Они видели его ласково-спокойным в штиль и бешено-свирепым в шторм, они чувствовали его дыхание в тумане, встречали зори и провозжали закаты. Они видели океан с палубы и смотрели на него с раскачивающихся реев, ощущая под ногами лишь зыбкую опору пертов. Они стояли у штурвала и сигнальщиками всматривались в коварную ночь Ла-Манша, наштигованную туманом. Они мыли, драили и красили баркентину, чистили на камбузе картошку и чинили паруса. Они вели прокладку курса, брали секстантом высоты далеких звезд и спящего тропического солнца, учили сигнализацию и такелажное дело, бесчисленное количество раз выскакивали на палубу по авралам и тревогам, познали разноцветный язык маяков и на практике разобрались в премудростях «Правил по предотвращению столкновения судов...» И вот последние мили, последние вахты, последние песни на палубе «Меридиана», которому осенняя Балтика угодила еще одно серьезное испытание, но теперь курсанты были готовы к нему. Ведь это про них, нынешних, писал поэт Виктор Данилов: «Вглядись в него: ведь он совсем мальчишка, совсем мальчишка, но уже моряк».

Ветер, ветер! Что же ты не пускаешь нас домой? Со снастей сыплет мелкий водяной горох, холодное небо бросает на палубу стальные блики. Как-то сразу мы вошли в осень. Волны разухабисто шагают меж рубок, разбиваются о них и, по-кошачьи шипя, сбегают к ватервейсам, чтобы, слившись с морем, вновь повести наступление на баркентину. А оно ведется всерьез. Вон как раскачиваются мачты «Тропика»! Экая круговерть! Не зря на его корме, как мне кажется, видна фигура Чудова. Да и у нас капитан и старпом не покидают палубу до сих пор. «Моряк, который слишком спокоен за свое судно, немногого стоит», — говорит Джозеф Конрад.

Порывами ветер задувает выше девять баллов, так говорит анеометр. Колочая водяная пыль сечет лицо и режет глаза. Она несется вдоль баркентины и наотмашь хлещет во все преграды. Ветер вырывает рифсезни из отверстий-люверсов, трещит штык-болт, которым кромка паруса крепится к гикю, и курсанты, обдирая в кровь пальцы и ломая ногти, заводят новые. Когда паруса укрощены, ставим дополнительное крепление на шлюпки и протягиваем добавочные штормовые леера.

Часам к двадцати все возможное сделано, и старпом отпускает вниз людей с наказом обязательно поспать, — ночь обещает быть бурной.

...Луна светит, как прожектор, освещая клубы свинцово-сизых облаков. Полотнища раздрызганного фока мечутся по небу черными крыльями какой-то уродливой немислимой птицы. Крылья оглушительно хлопают, а им вторят лязганье и бешеные удары блоков. Узкие ленты парусины взлетают над реем и щелкают пастушечьим бичом. В дыры паруса насмешливо смотрит нахальная луна, а парус рвется к ней, словно полуослепший от бешенства пес. Теперь пса нужно было загнать в «клетку».

У снастей, мокрая и уставшая, работает вахта пана Левки. Общими усилиями мы с трудом подтянули к рею то, что совсем недавно было самым большим парусом.

Еще не были уложены снасти, как от страшного удара содрогнулся весь стоячий такелаж и мачты баркентины, — мы разом повернулись к грот-мачте. Грота-трисель, который до этого был на правом борту, теперь вздувался и бился на левом. У нока гафеля дергался на ветру оборванный эрнс-бакштаг, да и сам гафель, не удерживаемый им, мотался из стороны в сторону. Гик

же был сломан пополам. Одна его часть, крепившаяся пяткой к мачте, уперлась в доски палубы, а обломленный конец свалился бы в воду, но его удерживал пришнурованный парус и гика-шкот. Вся картина в долю секунды промелькнула перед глазами.

— Вахтин, — заорал я, — парней на дирик-фал и топенанты! Майняйте гафель, а то парус — вдребезги, а топенанты набейте — обломок подтяните!

Пан Левка кинулся к мачте. Гафель с трудом шел вниз. По мере того как он опускался, курсанты кучей наваливались на парус, усмиряли его, прижимали к палубе рвущееся из рук полотнище. Усмирив парус, втащили наверх обломок гика. Нам просто повезло, что никого не оказалось у грот-мачты, когда лопнули завалтали и гик перебросило с борта на борт. Второй раз нас подводит недоброкачественная сварка. Ведь гик тоже переломился по шву, ударившись о фордуны... Новые заботы старпому. Тут не заснешь. Да и от меня бежит сон в эту ночь.

Баркентины подходят к Балтийску. Срезаны порванные паруса, сломанный гик подвязан к гафелю и, укутанный парусом, зачехлен. Внешне ничего не говорит о том, что здесь произошло. Скользит над волнами холодный осенний вечер. В прозрачных сумерках отчетлива береговая полоса, подчеркнутая оранжевым мазком заката.

Вот и приемный буй. Когда баркентины подходят к нему, на волнах гаснут последние искры вечера. С береговой башни погранпоста замигала торопливая скоропись морзянки: «Назовите ваши позывные, назовите ваши позывные...» Капитан осмотрел мачты, глянул на близкий «Тропик» и повернулся к сигнальщику: «Передать на берег — УТЦВ».

● Музей театра есть в сокольской средней школе № 1 Вологодской области. Школьная экспозиция является филиалом музея истории театра в Москве. Сокольские следопыты отметили 15-летие своего музея.

● Первый в стране каталог с именами погибших и захороненных на территории Донецкой области в Отечественную войну 1941—1945 гг. составляют работники Донецкого краеведческого музея. В каталоге будут указаны место и дата рождения, воинская часть и другие сведения о погибших.

● Предметы быта древнего человека собраны в ижевской школе № 1 (Армянская ССР): керамические сосуды из древних захоронений, оружие, домашняя утварь.

● 5-я средняя школа Калуги горячо поздравила с семидесятилетием своего выпускника О. А. Алекина — ученого-гидрохимика, члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Государственной премии. Алекин окончил школу в двадцатых годах, когда она еще называлась Первая единая Советская трудовая школа. Олег Александрович мог бы прислать в школьный музей одну из своих знаменитых монографий, но он выбрал в подарок рукописно-юмористический журнал «Классный звонок» за 1926 год, редактором которого был в далеком детстве.

● Несколько залов в музее 538-й школы Ленинграда.

Есть здесь зал сказок; есть комната, отделанная под русскую избышку. Самый основательный зал отведен блокадным экспонатам. И есть из него дверь в... командный пункт 276-й авиадивизии, материалы по которой собирают ребята. Полевая рация, телефонный аппарат, командирская кожанка, карты... А в следующей комнате оформлена стена Памяти — на нее занесены имена летчиков соединения, погибших при защите Ленинграда.

● В «Визитной карточке» крапивенской школы, что в Белгородской области, есть запись: «...Тридцать с лишним лет я ждал встречи с этими краями, где некогда воевал, обретал и терял друзей... Я счастлив, что сумел оставить память о далеких героических днях в романе «Солдаты» — первом моем произведении. Значит, я здесь родился и как солдат, и как писатель. Низко кланяюсь этой земле...» Эту запись оставил писатель Михаил Алексеев, когда был в гостях у школьных следопытов. Ездили и они к нему в Москву — встреча состоялась в редакции журнала «Москва», которую возглавляет М. Алексеев.

● О женщинах-снайперах Великой Отечественной войны собирают материалы следопыты 63-й новосибирской школы. Ребята собрали двести пятьдесят фотографий. В школьном музее экспонируется и боевое снаряжение, подаренное бывшими снайперами.

● Подвиг, достойный памятника

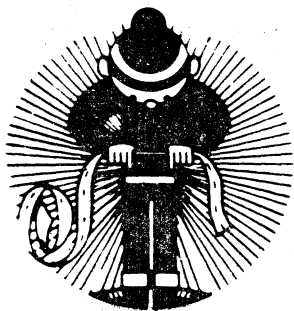
Старый фотоснимок... Летчик в комбинезоне и шлеме снимает с самолета крохотного мальчишку в огромной шапке-ушанке, закрывшей детское личико по самый нос... Сколько их было, детей, которые прошли через руки военного летчика Александра Мамкина!

Ему было поручено в годы войны вывозить ребятшек из партизанских отрядов. Вместе со своими товарищами А. Мамкин вывез на большую землю почти двести ребят.

Во время одного из вылетов самолет был подбит. Самолет горел в воздухе, и пилот Мамкин чудом перетянул его через линию фронта, посадил самолет, спас детей. Но сам погиб.

В московской школе № 227 есть музей боевой славы 105-го гвардейского авиаполка, где служил Александр Мамкин. Пионеры дружины, которая носит его имя, отчисляют средства, полученные от сбора макулатуры и металлолома, в фонд сооружения памятника отважному летчику. Они предлагают воздвигнуть памятник в Международном году ребенка.

Автор проекта — скульптор А. Мельник. Памятник задуман интересно: на фоне земли, надвое расколотовой войной, рвущийся из пламени летчик передает женщине маленького ребенка...

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Так умирают соколы...

Стоит у поселка Румянцево Истринского района Московской области гранитный мемориал. На одном из порталов его высечено: Герой Советского Союза Ковалев Венедикт Ефимович. А в восьмилетней школе села Румянцево открыт музей боевой славы.

...Только в одном бою, в районе станции Крюково, осенью 1941 года звено Ковалева уничтожило тридцать вражеских танков, около тридцати автомашин

и сбило три бомбардировщика. На митинге в 11-м истребительном авиаполку командир эскадрильи Ковалев говорил: «Клянусь родине и партии, клянусь тебе, родная Москва, что беспощадно буду бить и истреблять фашистов!..»

Он погиб в декабре первого военного года. Загоревшийся в воздухе самолет храбрый сокол направил на зенитную батарею противника, уничтожив расчет и несколько автомашин с боеприпасами. В. Е. Ковалеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Он погиб, повторив подвиг Гастелло.

● Помнить, хранить, открывать...

Жизнь Владимира Ильича Ленина необъятна: одна человеческая жизнь — как целая эпоха. Тысячи следопытских отрядов в нашей стране работают по ленинской тематике, собирают материалы для школьных музеев, и задача их — одна из самых трудных и ответственных.

Ленинский музей 450-й школы Сестрорецкого района Ленинграда ныне считается базовым по теме «В. И. Ленин на Карельском перешейке». За активную поисковую работу, пропаганду революционных традиций школьные следопыты не раз получали грамоты, принимали участие в почетных экспедициях и всероссийских походах, посвященных Владимиру Ильичу Ленину.

В Ленинском музее школы № 450 собрано немало интересных экспонатов. Руками ребят сделаны подробные макеты паровоза № 293, на котором Владимир Ильич нелегально переезжал границу, ленинского знаменитого броневика, с башни которого вождь держал речь, дома Парвизайновых в Ильичево, где он скрывался, макеты мемориальных музеев в Разливе — «Сарай» и «Шалаш». Хранятся здесь магнитофонные записи воспоминаний Л. П. Парвизайнен, хозяйки дома в Ильичево, участника штурма Зимнего Е. И. Степанова, письма С. М. Буденного.

Есть у следопытов и другие ценные находки. Дачи «Ваза», где когда-то жил В. И. Ленин, сейчас не существует. Школьные следопыты долго и настойчиво разыскивали дочь бывших владельцев дачи Д. Э. Миланову и жившую на даче вместе с Ильичем А. Р. Юрченко. И нашли! Миланова приехала из Москвы и сама съездила вместе с ребятами в Зеленогорск — показать место, где стояла дача.

Воспоминания Д. Э. Милановой и А. Р. Юрченко, подаренные ими снимки дачи и комнат, где временно жил В. И. Ленин, дополнили экспозицию школьного музея.

● По следам храбрых русичей

По следам храбрых русичей дружины князя Игоря идут спустя много веков следопыты школы № 8 поселка Шолоховский Ростовской области. В краеведческом обществе «Боян» каждый участник на зубок знает «Слово о полку Игореве». А в школьном музее каждый экспонат дышит древней Русью: здесь собрано снаряжение дружинников — железные наконечники, копьё, кольчуги, шлемы, здесь стоит скульптурный портрет певца и воина Бояна...

«23 апреля. Все реки уже вошли в свои берега. Вода теплая, но еще мутная. Всадник может свободно форсировать такие водные рубежи, как Северный Донец и Дон».

«5 мая. Старожилы подсказывают, что Игорь со своими дружинами мог переправиться через Донец. Есть в этом районе два брода ниже устьев Лихой и Калитвы... Расположены они как раз по пути в «Дикое поле»...»

Это записи в дневнике фенологических наблюдений, который школьники ведут каждый год в одно время — с 20 апреля по 20 мая, охватывая бассейн Северного Дона и его притоков. Записывается количество осадков, направление и скорость ветра, начало разлива рек, скорость течения. Сопоставляя данные с текстом «Слова о полку Игореве», ребята ищут речку Каялу, где в 1185 году произошел бой с половцами. Если принять предположение следопытов, что Каяла — это речка Быстрая, то, значит, бой проходил в водоразделе Быстрой и Калитвы, то есть на территории поселка...

● В руки государства

Торжественный акт передачи и вручения символического ключа состоялся в конференц-зале райкома партии: далматовцы передали свой народный краеведческий музей в руки государства.

...Седая старина Далматова монастыря переключается с революционным прошлым края, героикой гражданской войны и первых пятилеток, с всенародным подвигом Отечественной войны и сегодняшними буднями.

Начало музею было положено шестнадцать лет назад в клубе следопытов местного Дома пионеров. И все эти годы бессменным директором школьного и народного музея была Зоя

Ивановна Матвеева. У далматовских следопытов много заслуг. Одна из самых важных отмечена благодарностью Центрального архива Института марксизма-ленинизма — за уникальную находку, письмо Владимира Ильича Ленина, которое разыскивалось сорок пять лет...

Теперь Далматовский музей имени А. Н. Зырянова будет называться государственным краеведческим музеем.

ЗАТАДКА ЭМТЕ

**Игорь
АЛЕБАСТРОВ**

1. Старая книга

Случайно приобрел я эту книжицу в ленинградском букинистическом магазине на углу Литейного проспекта и улицы Жуковского: «На подводной лодке. Из дневника участника минувшей войны». Ниже стояла довольно загадочная и странная подпись: Эмте. Еще ниже — овальная виньетка: чуть виден на поверхности моря перископ, оставляющий за собой веерообразный пенный след. Книга отпечатана в Москве, в 1912 году. И было помечено еще, что это — книга первая.

Рассказывалось в ней о боевых действиях русских подводных лодок во время русско-японской войны 1904—1905 годов. Находка оказалась ценной, кто и когда еще об этом писал?!

В экспозиции Центрального Военно-морского музея в Ленинграде видел я подводную лодку тех лет, напоминавшую железного дельфина. Залезать-то в этот овальный металлический чан — и то неудобно и жутко, не то что плавать. Ее можно было принять за модель, но это была самая настоящая боевая подводная лодка.

Книга неведомого Эмте рассказывала, как вели себя подводные лодки в плавании. «В назначенное время вышли в море. Ветер развел порядочную волну. Лодка плохо слушалась руля. Начали погружение. И опять сразу же обнаружился крен на нос, а набежавшей огромной волной подбросило корму — лодка стремительно пошла ко дну почти в вертикальном положении. Попадали друг на друга люди, носьялая страшные проклятия на голову строителей лодки. Запасной балласт, палубные листы, различные предметы — все это покатилося к носовой переборке. Аккумуляторы сместились, и из них вылилась кислота. Снова кормой выскочили на поверхность «Не лодка, а Ванька-Встанька!» — со злостью заметил боцман. Так это прозвище и осталось за нашей лодкой...»

Выход в море на такой лодке

уже сам по себе был настоящим героизмом. «Только энтузиазм экипажей, — писал Эмте, — сделал из этих, совершенно не пригодных для плавания судов, из этих «аппаратов для испытания мужества личного состава» в конце концов такое оружие, с которым уже не могли серьезно не считаться наши противники».

И японцы очень даже считались с новым русским оружием. В начале войны японская эскадра адмирала Камимурэ то и дело появлялась у Владивостока. И вдруг японцев как метлой вымело!.. Они перестали показываться с того дня, как сюда была доставлена первая подводная лодка. К концу войны их было уже десять — «Дельфин», «Касатка», «Кефаль», «Налим», «Осетр», «Скат», «Сом», «Форель», «Граф Шереметев», «Щука».

Автор книги горячо верил в грядущее развитие подводного флота и пылко утверждал: «Подводники — это моряки будущего». Примечательно, что появление новых видов оружия — подводных лодок и авиации — Эмте связывал с проблемой... достижения всеобщего и прочного мира: «Только подводные лодки в союзе с аэропланами... помогут всем странам, наконец, вздохнуть привольней в атмосфере мира, культуры и благосостояния... Эти новые смертоносные машины войны отрезвят, наконец, воинственный пыл наших правительств, и в историю народов внесут тот перелом, тот мир, о котором до сих пор так безнадежно мечтали лучшие люди».

Наивная надежда!.. Но это рассуждение ярко характеризует автора.

О действиях русских подводных лодок Эмте рассказывал необыкновенно увлекательно. Но еще больше поражала та смелость, с которой он обрушивался на порядки в царском флоте. Эмте открыто говорил о злоупотреблениях и казнокрадстве, о пассивности и невежестве многих царских адмиралов. Он поведал о безобразной истории с пароходом «Усури», который вез в осажденный Порт-Артур пулеметы... без пулеметных лент, бочки с котей, где камней было больше, чем рыбы, мешки с морским песком вместо муки, полушубки без рукавов, солдатские сапоги без подошв... Такие подарки

слали «герои» тыла защитникам Порт-Артура. Кроме того, в грузе парохода не хватало снарядов на 200 000 рублей. Эмте с возмущением писал, что Владивостокский порт за все время войны ни разу не отчитывался о расходе материальных средств, что новые доки быстро дали трещину, что в порту обвалилась в воду бетонная стенка мола...

Убийственные характеристики дал Эмте руководителям царского флота, которых официальная печать представляла чуть ли не спасителями отечества. Командующий флотом на Тихом океане вице-адмирал Н. И. Скрудлов, прибыв во Владивосток, поднял свой флаг на здании... женской гимназии, а в море не вышел ни разу!.. Воспитанный на традициях парусного флота, адмирал не понимал и не любил новой техники на флоте, он не раз говорил: «И к чему только эти лодки?! Терпеть я не могу всех этих новшеств!» «Зато адмирал удивительно любил пожарные тревоги,— ядовито отметил Эмте.— И тем довольнее оставался, чем сильнее чувствовался бешеный экстаз, под влиянием которого неслась по палубе к своим местам команда с топорами, ведрами, ломами и швабрами».

Когда Скрудлов посетил лодку, которой командовал Эмте, там шла зарядка аккумуляторов.

— Почему у вас тут такой отвратительный запах? — брезгливо морщась, спросил адмирал. Ему объяснили, что из батарей при их зарядке неизбежно выделяется водород.

— Какой там водород?! Недосмотр, и больше ничего! — гневно воскликнул Скрудлов и покинул лодку. В другой раз, обойдя лодку, адмирал распорядился:

— Завтра выйдете в море для последних испытаний.

Эмте возразил:

— Мы имеем всего два пробных погружения. На лодке не установлены компасы...

— Какие там компасы?! — закричал Скрудлов. — Пожалуйста, без оправданий! Больше никаких объяснений от вас принимать не желаю.

Выход лодки в море состоялся и едва не закончился трагедией.

Не лучше разбирался в морском деле и вице-адмирал А. А. Бирилев, заменивший Скрудлова в конце войны. Эмте в своей книге приводит следующий эпизод. Бирилев обходил территорию порта. В это время шли подводные работы. Двое матросов, как и полагалось, медленно качали помпу. Но адмиралу показалось, что они ленятся, и он тут же набросился на них:

— Экие мерзавцы! Поставили двух болванов на работу, они и заснули. Веселей качать!..

Приказ высокого начальства был немедленно выполнен. В результате работавший на дне водолаз без

чувств вылетел с глубины на поверхность...

Эмте с горечью писал: «Масильон говорил: «Высшие должности похожи на скалистые места, куда забираются одни орлы и пресмыкающиеся». К сожалению, у нас на флоте на всех «скалистых местах» первые — величайшая редкость. Вот уж поистине: бывали хуже времена, но не было подлей!»

...И как только напечатали такую книгу, да еще в 1912 году, когда в России свирепствовала реакция? И кто же это такой — загадочный Эмте?

11. Эмте — кто он?

В моей картотеке, где собраны тысячи сведений об офицерах и кораблях русского флота — я веду ее четверть века, — офицера с такой странной фамилией не было. Не исключая, что это псевдоним, я все же обратился к официальному «Списку чинов флота и Морского ведомства» за 1904—1913 гг., просмотрел «Список чинов, служивших в Добровольном флоте и по другим ведомствам», справочник «Весь Петербург», «Адрес-календарь» за 1912 год, даже «Список генералам и полковникам по старшинству» и «Петербургский некрополь» — нигде никаких упоминаний об Эмте.

Да, скорее всего Эмте — псевдоним. То, что автор скрывает свою настоящую фамилию, понятно: у его книги резко обличительное содержание. Однако и в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова, среди тысяч имен, Эмте не оказалось.

По «Книжной летописи» 1912 года установил, что книга Эмте издана дважды: первый раз в «Русском товариществе», второй раз — в скоропечатне А. А. Левенсона в Москве. Может быть, автор — москвич? Взглянул справочник «Вся Москва». Нет Эмте. Тогда я разыскал несколько рецензий на книгу в журналах и газетах того времени. Одни Эмте хвалили, другие злобно ругали. Особенно яростно напал на него некий Беломор — под этим именем выступал контр-адмирал Конкевич, автор «Морских рассказов», написанных в верноподданническом духе, представитель Морского ведомства. Но и в рецензиях псевдоним не раскрывался. Я попробовал даже заглянуть в гонорарные ведомости издательства, написал запросы в архивы и библиотеки, знакомым старым морякам. Ничего ничего не знал об Эмте. Только морской писатель и подводник И. А. Быховский предположил: «Эмте — это

князь Владимир Трубецкой». По своей картотеке он нашел, что Трубецкой был в отряде подводного плавания во Владивостоке, командовал подводной лодкой «Сом».

Пришлось изучить биографию, взгляды, образ мыслей Трубецкого. Человек он был довольно отчаянный. В книге А. П. Лукина «Флот» о нем сказано: «Богатырская фигура, черная борода, с неизменной золотой трубкой в зубах, голова прострелена на дуэли...» Это Трубецкой после Февральской революции 1917 года, будучи уже в чине контр-адмирала, собрал матросов на «Быстром» и обратился к ним с такими словами:

— Ну что, сволочи, рады?! Как теперь прикажете величать вас?

Это Трубецкой в ноябре 1917 года бежал из Севастополя, спасаясь от гнева матросов, и потом объявился у гетмана Скоропадского и вместе с ним бежал во Францию, где и умер в 1931 году.

Нет, не мог такой отъявленный реакционер, как князь Трубецкой, написать подобную книгу!

Но вот пришла из Ленинградской публичной библиотеки справка, которая поставила меня в совершенный тупик. У них на экземпляре книги Эмте имеется карандашная пометка: «Автор — князь Трубецкой». Ее якобы сделал кто-то из читателей. Когда, кто мог предположить такое?!

Может быть, в подводниках служил какой-нибудь другой Трубецкой? Я пересмотрел генеалогические справочки и некрополи и выяснил точно: из Трубецких больше никто на флоте не служил, они предпочитали околачиваться в царских передних: один — шталмейстер, другой — камерюнкер, третий — камергер... Тем более не нашлось среди них литераторов — «сочинителей».

Тогда я ознакомился с рапортами князя Трубецкого о плаваниях «Сома» и сравнил с книгой. Кое-что было похоже, но только кое-что... Нет, в книге Эмте рассказывалось явно о другой подводной лодке.

И, не находя больше путей к разгадке, я стал ломать голову над архитектурной псевдонимом «Эмте». Всего скорее — это «М» и «Т», первые буквы имени и фамилии автора. Не окажется ли других подходящих кандидатур на авторство среди офицеров-подводников?

Начал с просмотра списка командиров подводных лодок во Владивостоке в 1904 году: Белкин, Заботкин, Завойко, Плотто, Подгорный, князь Трубецкой, Тьедер... Стоп! Тьедера звали Михайл Михайлович. Он командовал лодкой «Скат». Я внимательно изучил официальные донесения Тьедера о плаваниях «Ска-

та», и наконец-то убедился: тайна Эмте разгадана! Не только факты, но даже многие фразы из его донесений дословно совпадали с текстом книги.

Много позже с помощью рижского журналиста Ю. И. Абызова нашел я в газете «Рижский курьер» (№ 37 за 1921 год) перепечатанную заключительную главу книги, где Тьедер подписался уже не псевдонимом, а своим настоящим именем.

Так я получил не косвенные или текстологические, а прямые доказательства авторства М. М. Тьедера. Разумеется, я был очень рад, когда из Пушкинского дома в Ленинграде пришла благодарность — за расшифровку псевдонима «Эмте»...

III. *Лейтенант Тьедер*

Ни в одном из существующих словарей о Тьедере нет ни слова. Лет пять потребовалось мне, чтобы выяснить судьбу лейтенанта Тьедера.

Михаил Михайлович Тьедер родился 30 ноября 1879 года в Смоленске. Его отец происходил из обрусевших финских дворян, много лет служил начальником Смоленского почтово-телеграфного округа, в конце XIX века его перевели в Вильнюс. Здесь семья Тьедеров прожила десять лет. Близким другом Тьедера в Вильнюсе был В. И. Шверубович-Качалов — будущий народный артист СССР. С юных лет Миша Тьедер мечтал о морской службе, увлекался ихтиологией. Его любимым героем был капитан Немо. В 1900 году Тьедер успешно окончил Морской корпус — привилегированное учебное заведение для дворян, где учились многие великие русские флотоводцы и мореплаватели.

Одним из первых Тьедер откликнулся на призыв первого подводника России, капитана I ранга М. Н. Беклемишева — учиться подводному плаванию. В те годы подводников, как и летчиков, считали «смертниками». Когда зашла речь о повышении содержания подводникам, морской министр адмирал Бирилев сказал: «Прибавить можно — все равно они скоро все перетонут».

И в самом деле, трагические случаи с подводными лодками бывали довольно часто. У всех в памяти была трагическая гибель подводной лодки «Дельфин» на Неве в совершенно тихую погоду: погбли командир лодки барон Черкасов и двадцать четыре матроса. «Дельфин» подняли со дна реки. На него-то и учился Тьедер искусству управления подводной лодкой, а 5 июля 1904 года был назначен командиром «Ска-

та». Эту лодку по железной дороге перевезли во Владивосток, там «Скат» нес дозорную службу. Встретиться с японцами лодке не пришлось. После русско-японской войны «Скат» перевезли на Черное море, где в 1919 году он был затоплен белыми при отступлении...

А Тьедеру после русско-японской войны в карьере не повезло. Он выступил убежденным пропагандистом создания мощного подводного флота, что противоречило замыслам Морского ведомства, желавшего строить линейный флот. В 1907 году Тьедера вынудили уйти в запас «по собственному прошению». Его связи с офицерской средой окончательно порвались после женитьбы Тьедера на дочери еврея-сапожника Ольге Иосифовне Кренской. Офицеры-дворяне не могли простить Тьедеру такого мезальянса.

Поселился Тьедер в Москве, где вскоре стал редактором журнала «Судоходство и мореплавание». В 1912 году он под псевдонимом Эмте издал первую часть своей книги «На подводной лодке». Вторую часть издать не удалось — она была запрещена. В типографию нагрянули жандармы и рассыпали готовый набор — такова была запоздалая реакция царских властей на злую критику Тьедера порядков в Морском ведомстве.

Даже начавшаяся мировая война не внесла перемены в положение Тьедера: он оставался в запасе — настолько велика была к нему ненависть Морского министерства.

С восторгом встретил Тьедер Февральскую революцию 1917 года, свержение самодержавия. В марте того же года он был назначен командиром новой большой подводной лодки «Ягуар», но в ноябре по болезни сердца его перевели на спасательное судно «Волхов». Уже под советским флагом «Волхов» в числе других судов совершил тяжелый переход из Ревеля в Гельсингфорс. Весь путь Тьедер не сходил с командного мостика, жестоко простудился и заболел воспалением легких. В Гельсингфорсе матросы свезли своего командира в госпиталь, а «Волхов» ушел в Кронштадт.

Когда Тьедер выздоровел, оказалось, что вернуться в советскую Россию, охваченную пламенем гражданской войны, для него, «царского офицера», невозможно.

Из Финляндии Тьедер уехал в Вильнюс. В буржуазной Литве никто не интересовался ни морским делом, ни ихтиологией. В поисках работы Тьедер уехал в Ригу. Ему удалось устроиться в министерство земледелия — он заведовал рыбодными прудами и озерами, сдаваемыми в аренду. Одновременно Тьедер сотрудничал в рижских газетах и журналах, написал приключенческий роман «Живые черепа».

В 1923 году Михаил Михайлович Тьедер возвращается в Финляндию. Он прожил здесь последние двадцать лет жизни, занимаясь ихтиологией. Свой капитальный научный труд «Рыбное хозяйство и рыбководство» Тьедер отослал в Москву. Его мемуары «В подводном плавании» и вторая часть книги «На подводной лодке» так и остались неизданными.

Жизнь его сложилась трагично. На родину вернуться ему не удалось, и в эмиграции он тоже был «белой вороной»: все эти бежавшие из России графы и князья считали Тьедера «красным» — еще бы: ведь свои научные работы он неизменно посылал в Москву!

Однако в истории развития отечественного подводного флота М. М. Тьедер оставил заметный след — прежде всего, своей активной борьбой за создание могучего русского подводного флота. Мечта замечательного подводника и патриота осуществилась в наши дни. Советский атомный подводный флот надежно охраняет морские границы Родины. И нынешние моряки с благодарностью вспоминают тех, кто стоял у истоков русского подводного плавания, кто, преодолевая косность царизма, боролся за создание нового, прогрессивного подводного флота.

ИДУ НА ТАЙМЫР

**Зинаида
ЯСМАН**

Начальник экспедиции
Н. Урванцев (в центре),
врач Е. Урванцева, зав-
хоз А. Левкович, 1923 г.

Однажды я выехала в Ленинград для сбора материалов по истории советской изюки. Предстояла встреча с Николаем Николаевичем Урванцевым. И он, и его жена, Елизавета Ивановна, передали музею ценные документы и фотографии. Ехала я в Ленинград, а думалось о Норильске...

Более сорока лет живет этот необычный город, работает, отдыхает по ритму, задаваемому горно-металлургическим комбинатом.

В 1942 году Норильск выдал первые тонны чистого электролитного никеля, который делал сталь нержавеющей, морозоустойчивой, крепкой, в 1944 году — первые тонны кобальта. В трудные для страны военные годы слал Норильск медь, никель, уголь, кобальт, платину...

Таймыр долго ждал своего часа. В 1843 году молодой русский ученый А. Ф. Миддендорф одним из первых нашел здесь уголь. Позже другой исследователь, Ф. Б. Шмидт, обнаружил кусок угля в одном из ущелий. Местные жители (долганы) показали в середине прошлого века «красивые камни» — медную руду — сибирским купцам Сотниковым, и те основали малень-

Первый жилой дом в Норильске (ныне Горная ул., 1). 1921 г.

кое медеплавильное предприятие. Их потомок снабжал каменным углем полярную экспедицию А. И. Вилькицкого. Но вскоре добыча угля была прекращена, выплавка меди заброшена: дело не приносило желаемых доходов. И забвение вновь простерлось над богатейшим краем...

Советское правительство с первых же месяцев обратило особое внимание на богатства Севера. 2 июля 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома об организации гидрографической экспедиции в Северный Ледовитый океан для изучения Арктики.

В 1919 году началось геологическое изучение устья Енисея экспедицией Н. Н. Урванцева. В 1920 году после изгнания интервентов были посланы экспедиции в Белое море, в устья Оби, Енисея, Лены. Организованный по ленинскому декрету Сибирский революционный комитет создал особый комитет Северного морского пути в целях изучения, оборудования, практического освоения важнейшей транспортной магистрали. Совнарком выделил на работы по обеспечению безопасности судоходства в Арктике более 40 млн. рублей. 10 марта 1921 года В. И. Ленин подписал декрет об организации Плавающего морского научного института для изучения северного побережья Ледовитого океана и устьев рек Арктики (Плаваморнин).

С этого времени началось всестороннее освоение Таймырского полуострова. Ленин видел огромные перспективы в хозяйственном освоении просторов Севера. В европейской части России усиливался голод, а в Сибири скопились большие запасы хлеба и вывезти его, ввиду разрухи на железных дорогах, можно было лишь Северным морским путем. Освоение северных районов страны приобретало и политическое значение, так как иностранные державы делали попытки проникнуть на наши полярные острова и закрепиться там, создать свои торговые базы, вывозить пушнину. Для жизни советского морского пути прежде всего надо было разведать северный уголь, ибо корабли нуждались в пополнении топливом.

Такова была обстановка, в которой началась деятельность полярного исследователя геолога Николая Николаевича Урванцева. Уже в 1919 году он выезжает на поиски угля в низовья Енисея. Он начальник небольшой разведочной экспедиции. Уже тут выявился характерный для Урванцева стиль работы: сочетание геологического и географического исследований, неутомимость и настойчивость, мужество. Урванцев в отчете о работе в Норильских горах писал: «Экспедиция 1919 г. выяснила, что наиболее благонадежным и благоприятным для будущей разработки является Норильское место-

рождение, где были обнаружены мощные каменноугольные пласты, залегающие в условиях, допускающих наиболее дешевую и простую эксплуатацию их штольнями». Молодой геолог, взявший для анализа и образцы медно-никелевых руд, мысленно представлял уже расцвет этого края: добычу угля и руды, жилые дома, строительство железной дороги между Норильском и Дудинкой, превращающейся в крупный оживленный порт... Поэтому геологический отчет заканчивался важным выводом: «В заключение нельзя не указать на ту колоссальную роль, которую сыграет разработка Норильского месторождения и проведенная к нему железная дорога в оживлении до сих пор мертвого района. Норильск послужит тогда тем кристаллизационным центром, около которого будут возникать новые предприятия...»

В 1921—1922 годах экспедиция Урванцева заложила угольные штольни на склоне горы Шмидта. Взяли образцы руд. Это был нелегкий труд с кирками и кувалдами. Отправив большую часть экспедиции к концу сезона, Урванцев с небольшой группой остался на зимовку. Так в Норильске появился первый дом на «подушке» из щебня. А после зимовки — поиск ответа на вопрос, как доставлять норильский уголь к Енисею? Может быть, река Пясина судоходна и ее можно использовать? В 1922 году на рыбацкой лодке с несколькими спутниками Урванцев прошел 850 верст по реке и 500 верст морем вдоль побережья Ледовитого океана от устья Пясины до Енисея. Пясина оказалась судоходной, были уточнены карты. Нашли почту Р. Амундсена и останки Тессема, одного из двух погибших норвежцев, посланных Амундсеном с почтой в дни зимовки корабля «Мод» в 1918 году у берегов Таймыра. Буржуазная пресса до этого усердно убеждала читателей, что большевики убили членов норвежской экспедиции, чтобы похитить научные отчеты. Поиски, предпринятые Норвегией и советским правительством, не увенчались успехом. И вот найденную Урванцевым почту отправляют в Норвегию. За эту экспедицию Урванцев получил от Географического общества медаль

Пржевальского, а от норвежского правительства — именные золотые часы.

Но самый радостный итог 1922 года был получен в петроградской лаборатории после анализа тяжелых кусков руды, привезенных Урванцевым. В норильской руде оказались медь, никель, золото, платина. Страна нуждалась в этих металлах. В 1921 году было специальное постановление «О золотой и платиновой промышленности». Исследуя норильское месторождение, экспедиции Урванцева дали свыше 1 000 пудов образцов. В 1923—1924 годах на месторождении горы Рудной была пробурена скважина, установившая мощность рудного образования.

И вдруг — решение Геологического комитета: геологические работы в Норильске, ввиду дороговизны будущего строительства завода, прекратить. Урванцев обратился с письмом к председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому. Тот поддержал энтузиаста-геолога. ВСНХ постановил продолжать исследование на Таймыре, где закладывалась одна из баз собственной промышленности цветных металлов. Во главе норильской экспедиции Дзержинский поставил представителя известной революционной семьи П. С. Аллилуева и придал ей невиданный размах: в экспедиции участвовало 150 человек, необходимое снаряжение поступало из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Челябинска. Урванцев, освобожденный от хозяйственных и административных функций начальника, был назначен научным руководителем. Шло бурение скважин, обследовались соседние территории. На зимовку 1925—1926 годов оставалось уже столько людей, что были построены три дома. Этой зимой экспедиция открыла второе медно-никелевое месторождение — «Норильск-2».

Вплоть до 1930 года Урванцев обследовал Таймыр: реку Хантайку и весь ее бассейн, глубинные районы полуострова, затем отправляется в Североземельскую экспедицию. Впоследствии начальник этой экспедиции, заместитель директора Арктического института Г. А. Ушаков писал об Урванцеве: «Это вполне сложившийся исследователь с большим полярным стажем. С ним я встретился

еще до утверждения плана экспедиции... вошел человек лет тридцати пяти — сорока, среднего роста, чуть сутулый, худощавый... Очки с толстыми стеклами говорили о сильной близорукости. По манере, с которой он раскладывал вещи, можно было видеть, что этот человек привык к точности, порядку и любит даже на одну ночь устраиваться по серьезному. Такая черта обычно отмечает людей, привыкших к частой смене мест».

Первая карта Северной Земли, составленная Урванцевым, была опубликована в «Известиях» ЦИК СССР. После этой экспедиции Урванцев был награжден орденом Ленина, ему была присуждена степень доктора геолого-минералогических наук. Заслуги ученого получили признание и за рубежом: Урванцева избрали действительным членом Американского географического общества. Карта Северной Земли вошла во все атласы мира.

В 1935 году в Кремле состоялось совещание по проблемам развития никелевой промышленности, где Серго Орджоникидзе внес предложение о строительстве никелевого комбината на Таймыре. Так было положено начало городу Норильску.

На митинге в институте геологии Арктики, посвященном XXII съезду КПСС, Урванцев сказал: «Без руды, без угля, без нефти, без газа коммунизма не построить. От нас, геологов, пожалуй, больше, чем от кого-либо зависят изобилие промышленной продукции. Так давайте все силы отдадим делу выявления новых месторождений, делу освоения Арктики!» Неустанный труд исследователя Родина отметила вторым орденом Ленина в день его семидесятилетия в 1963 году.

Верный друг и спутница жизни Елизавета Ивановна Урванцева разделила с мужем все трудности и испытания, связанные с долей полярного исследователя. Москвичка, горожанка, студентка Московского университета, она жаждала закончить медицинское образование, прерванное в годы гражданской войны. Встреча с Урванцевым изменила намечавшийся жизненный путь. Изящная, жизнерадостная женщина стала бесстрашным участником полярных во-

рильских экспедиций. Пять лет прожила чета Урванцевых в первом бревенчатом норильском доме. Фельдшер Урванцева зорко следила за здоровьем горняков, рабочих, геологов.

Уже став хирургом, вместе с мужем она участвует в Нордвикской экспедиции. В годы Великой Отечественной войны Урванцева работала в полевом госпитале, с ним дошла до Австрийских Альп, получила боевые награды и в звании капитана медицинской службы вернулась после фронта в Норильск.

Из материалов, переданных музею семьей Урванцевых, очень интересны документы 20-х годов. Бесценны фотографии Н. Н. Урванцева из его альбома «Прошлое Норильска», часть которых мы публикуем. С волнением листаю альбом. Вот на фотографии первый жилой дом в Норильске. Первого Мая на крыше этого домика был поднят красный флаг...

РЫЖИЙ, КРАСНЫЙ, ЧЕЛОВЕК ОПАСНЫЙ

**Сергей
АБРАМОВ**

Рисунки
А. Банных

Кеша и Геша

Эта престранная, почти невозможная история началась в субботу, в жаркую июньскую субботу, в первый выходной первого летнего месяца. Дети в этот день не пошли в школы, а родители — на работу. Короче говоря, день всеобщего отдыха следовало провести с толком и со вкусом. Иннокентий Сергеевич Лавров знал это совершенно точно, и план субботнего дня у него был продуман досконально.

Иннокентий Сергеевич давно проснулся, но еще лежал под одеялом, делал вид, что спит, ловил последние минуты уединения, когда можно подумать о своем, о наиважнейшем, не торопясь подумать, не урывка-

---

Сергей Александрович Абрамов родился в Москве в 1944 году. Закончил Московский автомобильно-дорожный институт по специальности инженера-строителя. Работал мастером на строительстве Домодедовского аэропорта. К этому времени относятся и его первые литературные произведения. В соавторстве с отцом писателем Александром Ивановичем Абрамовым им написаны сборник повестей и рассказов «Тень императора», романы «Всадники ниоткуда», «Рай без памяти», «Селеста 7000», «Все дозволено».

Самостоятельно написаны роман «Канатоходцы», сборник повестей «Опознай живого», повесть «Сложи так».

Последнее время много внимания уделяет военно-патриотической теме, — изданы повести «Проводы», «В лесу прифронтовом», «Время его учеников», «Происшествие».

Сергей Александрович — председатель Совета по научно-фантастической и приключенческой литературе при Правлении СП РСФСР. Работает в редакции газеты «Правда».

ми — между завтраком и, к примеру, выносом мусорного ведра, — а спокойно.

Но — какая досада! — в комнату вошла мама и сказала:

— Кешка, вставай и не валяй дурака. Я же вижу, ты притворяешься.

Конечно, если бы Иннокентию Сергеевичу было лет эдак двадцать пять, он вполне мог бы возмутиться насилием над личностью, заявить протест, не послушаться, наконец. Но моральная и экономическая зависимость от родителей не оставляла Иннокентию Сергеевичу права на протесты и возмущения. Нет, конечно же, он вовсе не смирился, протестовал, бывало; и протестует, даже на бунты решался. Но бунты подавлялись, а последующие экономические и моральные санкции были достаточно неприятны.

Помнится, как-то собрались они с Геннадием в поход, а мать возьми да заяви:

— Какой еще поход, когда у тебя гланды.

Интересное кино: гланды у всех, а в поход не идти ему!

Ну, бунт, конечно, восстание, лозунги, требования всякие, а родителям это все — как комар укусил. Более того, отец заявляет грустным голосом:

— А я еще хотел тебя с собой на рыбалку взять...

Иннокентий Сергеевич заинтересовался тогда, приостановил бунт, спросил у отца:

— А куда?

— Какая теперь тебе разница? — сказал тот. — Ну, на Истринское водохранилище. У дяди Вити моторка там. Но ты будешь сидеть дома в наказание за скверный характер.

Никакой логики. Судите сами: в поход — гланды мешают, а на рыбалку — скверный характер. Иннокентий Сергеевич указал отцу на это несоответствие, так мать вступилась:

— Сравнил, — говорит, — тоже: там бы отец за тобой смотрел...

А самой-то и невдомек, что в тринадцать лет человек может сам за собой посмотреть. Сейчас дети взрослеют значительно быстрее, чем в старые времена. Но родители, признавая акселерацию в мировом, так сказать, масштабе, почему-то не замечают ее в масштабе собственной квартиры. Это, к сожалению, всюду так, не только у Иннокентия Сергеевича. Они с Геннадием обсуждали эту проблему не раз и пришли к выводу, что спорить с родителями бессмысленно: их не убедить. Надо признавать за ними право сильного, вырабатывать тактику и теорию сотрудничества, прощая им неизбежное при сем желание руководить. Тем более, что опыт у родителей, конечно, немалый. Отец Иннокентия — журналист, пишет о проблемах науки, и, когда не воспитывает сына, рассказывает ему такое, что дух захватывает: о телекинезе, к примеру, или о пульсирующих галактиках. А мать — врач. И гланды, к сожалению, ее специальность.

Геннадию легче: у него только бабушка, а родители — в Японии. Они у него дипломаты и приезжают домой раз в году, в отпуск...

Мама подняла жалюзи на окне, и в комнату ворвался как раз этот самый субботний июньский день, и солнце мгновенно высветило паркет, пустив по нему золотую реку, по которой поплыли две лодки, два курильских кунгаса, полные синей рыбой горбушей.

Мама взяла лодки и кинула их к кровати:

— Тебе сколько раз говорить, чтобы не разбрасывал по комнате вещи?.. Быстро умывайся и — завтракать. Отец ждет.

Иннокентий вздохнул тяжело, сунул ноги в лодки-тапочки и пошлепал в ванную. Мама вошла с полотенцем, торопила: скорей-скорей! Будто от того, как быстро Иннокентий умоется и почистит зубы, зависела работа отца. А она совершенно не зависела ни от чего, она и не предполагалась сегодня. Это Иннокентий знал абсолютно точно, он беседовал с отцом накануне, и

две стороны пришли к единодушному мнению о необходимости присутствия отца на показательном запуске опытной модели самолета «КГ-1», который состоится именно сегодня, в субботу, часов в двенадцать. Почему не раньше? А потому, что следовало кое-что доделать, докрасить там, довинтить — как раз с десяти до двенадцати. Конструкторы рассчитывали успеть все сделать за два часа. «К» — это был Кеша, Иннокентий Сергеевич. «Г» — Геннадий Николаевич, Геша. А цифра «1» означала, что до сих пор Кеша и Геша авиамоделизмом не занимались.

Вообще, их так все и называли: Кеша и Геша. Иногда даже соединяли их имена. Кто, допустим, уже в школу принес? Ответ: Кеша и Геша. Такое странное марсианское имя: Кешаигеша. Когда человеку тринадцать лет — уже тринадцать! — и он перешел в седьмой класс — уже в седьмой! — он прекрасно понимает толк в разных там марсианских именах. Но он совсем не против, когда его величают по имени-отчеству. Это солидно. Это обязывает. Это приятно волнует самолюбие.

Плохо лишь, что, кроме Кешкиного отца, никто их по имени-отчеству не называет. А тот называет. Вежливо и с достоинством. Вот как сейчас.

— Иннокентий Сергеевич, не разделите ли нашу трапезу?

Тут и отвечать надо соответственно:

— Отчего ж не разделить. Премного благодарен.

И даже обрыдлый творог кажется гениальным творением кулинарии.

А беседа течет нетерпеливо и вальяжно:

— Состоится ли запуск «КГ-1», интересуюсь с почтением? — это отец из-за «Советского спор-та» выглянул.

— Всенепременно, — Кеша поднатуживается и вспоминает еще одно «великосветское» выражение: — Наипрекраснейшим манером.

Отец хмыкает и закрывается «Спортом», а мать говорит, нарушая заданный стиль:

— Ешь аккуратно, все на скатерть роняешь...

Склонность матери к гиперболизации невероятна: если бы Кеша ронял на скатерть все, то что бы, интересно, он ел? А десяток творожных крошек не в счет: так, мелочи быта. Кеша подметает их в сложенную горсточкой ладошку, высыпает в тарелку.

— Благодарствую, — он не выходит из стиля. — Позвольте откланяться?

— Позволяем, — говорит мать.

И Кеша бежит к двери, кричит на ходу:

— Папка, ты не уходи никуда. В двенадцать, помнишь? — хлопает дверью и — вниз с шестого этажа.

Геша ждет его на лавочке у подъезда, сидит, пригорюнившись, прижимает к груди «КГ-1», завернутый в простыню. У Кеши возникает сильное подозрение, что простыню Геша стащил у баб-

ки: это хорошая индийская простыня с цветочками, новая, крахмальная. Геша качает модель в простыне, как мать ребенка, только колыбельной не поет. Он сидит грустный, Кеша садится рядом:

— Ты чего раскис?

Несмотря на общее марсианское имя, Кеша и Геша абсолютно не похожи друг на друга. В их дружбе проявляется всемогущий закон единства противоположностей. Противоположностей во внешности: Кеша рыж, коренаст, шумен. Геша — черен, щупловат, тих. Геша — типичный интеллигентный ребенок. Ему бы скрипку в руки, на шею — бант и: «А сейчас, товарищи, юный вундеркинд Геннадий Седых, тринадцати лет, исполнит полонез Огинского...» Ан нет, не исполнит: слуха у Геши нет, у него нет ни слуха, ни голоса, но он любит петь и поет все без разбору: революционные песни, комсомольские, туристские и любовные.

Геша всегда томен и грустен: он считает, что это ему идет. Он поднимает воротник японской замшевой курточки, скреживает руки на груди, прислоняется к стенке. Может быть, стихи сочиняет? Опять-таки — нет. Геша и не играл на скрипке, не писал стихов, не пел, не плясал, не сочинял рассказов, не вязал, не вышивал гладью и так далее, и так далее. У интеллигентного Геши была одна ужасная, на взгляд его не менее интеллигентной бабушки, страсть: он любил паять. То есть не просто паять — кастрюли или чайники. Нет, он паял схемы.

Геша паял схемы радиоприемников, припаивал конденсаторы, сопротивления, полупроводники всякие, потом укладывал все это в пластмассовый корпус, купленный в магазине «Пионер», и поворачивал колесико, которое должно было включить этот приемник, дать ему голос или просто звук. И звук был, в этом-то и заключалась великая сила Геши: его приемники всегда работали.

Конечно, у него валялось дома два-три приемничка, еще не доведенных до совершенства. А остальные давно нашли своих хозяев: Геша был щедр и раздаривал поделки друзьям.

У Кеши, например, имелось восемь разноцветных коробочек. Они принимали «Маяк» и прочие программы с музыкой и песнями, которые не умел, но любил исполнять безголосый Геша. А Кеша, напротив, исполнял их с некоторым умением.

У Кеши, конечно, внешность не тянула на высокую интеллигентность. Тут он Геше проигрывал с большим разрывом. Таких, как Кеша, рисуют на плакатах с горном и пионерским знаменем. Таких ваяют в гипсе и бронзе и выставляют у входа в парк неподалеку от девушки с веслом. Таких снимают для книг о детском питании, что в раннем детстве с Кешей и произошло: какой-то за-летный фотограф, знакомый отца, щелкнул его своим «Никоном» и поместил в журнале «Здо-

ровье» с зовущей подписью: «Он ест манную кашу».

К слову сказать, Кеша действительно ел манную кашу. Кроме того, он действительно играл на горне на школьных пионерских сборах. И что самое ужасное, он писал стихи. И стихи эти печатались. Правда, пока лишь в стенной газете, но вы же сами знаете, как трудно начинают великие...

В довершение ко всему перечисленному, Кеша не умел паять. Когда дело доходило до молотка, рубанка или — упаси боже! — паяльника, таланты Кеши заканчивались. Нет, он не был Мастером. Он даже не мог быть подмастерьем. Но зато он умел руководить и вдохновлять. И Геша высоко ценил это довольно распространенное среди человечества умение. Геша говорил, что в присутствии Кеши ему лучше работается.

Модель «КГ-1» была сработана Гешей как раз в присутствии Кеши. Кеша скромно хотел зачеркнуть букву «К» на фюзеляже самолета, но друг воспротивился:

— Я без тебя бы сто лет возился...

А так сто лет сжались до размеров недели, и вот вам финал: запуск модели на пустыре возле детских песочниц. Финал — это торжество, а Геша был грустен.

— Ты чего раскис? — повторил Кеша.

— Плакали наши испытания.

— Это почему?

— Козлятники победили.

— Когда?

— Почем я знаю? Сегодня утром, наверно...

— Гады... — не сдержался Кеша.

Козлятники, или иначе — доминошники, давно претендовали на пустырь рядом с песочницами. Им, видите ли, негде было проявлять свои мыслительные способности. Им негде было бицепс на правой руке набить. У них, видите ли, в родном дворе стола не было. Обыкновенного зеленого стола и двух лавок. Стола, который не проломится от мощных ударов костяшками домино. На котором только щербинки останутся от недюжинной силы мысли.

Козлятники боролись с пустырем исподволь, потому что домоуправом была женщина, а женщины не любят домино. У них на то своя логика: где домино, там и выпивка, а где выпивка, там, считай, пьянка, а где пьянка, там хулиганство. И так далее...

Кеша, Геша и козлятники

Вот так: был пустырь — и нет пустыря. Конечно же, козлятники заняли малую часть его, но и это было уже катастрофой. Разве какой-нибудь взрослый человек допустит, чтобы рядом с местом его раздумий кто-то гонял рычащую и воняющую бензином модель или, не дай бог, грязный мяч, которым можно попасть в голову, в

руку, в комбинацию костяшек домино на столе!

Словом, это был конец. «Бобик сдох»,— как говаривал слесарь Витя, принимая скромную трешку от Гешиной бабушки или Кешиной мамы в благодарность за мелкий ремонт водопроводной арматуры.

— Слушай, Гешка,— загорелся Кеша,— а давай пойдем к ним и попросим разрешения пустить самолет, а?

— Ты идеалист,— сказал Геша.— Такие никогда не разрешат.

— О людях надо думать лучше,— настаивал Кеша.

— О людях надо думать так, как они того заслуживают,— сварливо сказал Геша, но все же встал.— Пошли, попробуем...

За свежерытым столом шла баталия.

— Дубль-три! — орал пенсионер Петр Кузьмич, общественник, член общества непротivления озеленению, активный домкор стенной газеты, личность негибкая, поднаторевшая в яростной борьбе с пережитками в квартирном быту.— Дубль-три! — орал он и шлепал сухонькой ладонью о зеленое поле стола.

— Это хорошо,— спокойно отвечивал Петр Кузьмичу другой пенсионер — Павел Филиппович, полковник в отставке, тоже общественник, но менее усердный в общественных делах.— Это хорошо,— отвечивал он и аккуратно, тихонько прикладывая свою костяшку к еще вибрирующему «дублю» Петра Кузьмича.

— Смотри, Витька,— угрожающе говорил Петр Кузьмич своему напарнику — как раз тому слесарю Витьке, имеющему неприятную кличку «Трешница».

— Я смотрю, Кузьмич,— хохотал Витька.— Я зорек, как горный орел. Я их щас нагрею, голубчиков! — и удар его ладони о стол несомненно зарегистрировала сейсмическая станция.

А у Павла Филипповича напарником был некто Сомов — тихий человек из второго подъезда. Он был настолько тих и незаметен, что кое-кто всерьез считал Сомова фантомом, призраком, человеком-невидимкой. Был, дескать, Сомов, а потом — ффу! — и нет его, испарился. Но Кеша и Геша знали совершенно точно, что Сомов существует, и даже были у него дома: ходили с депутатией за отобранным футбольным мячом. Помнится, они мяч гоняли, и кто-то пулянул его мимо ворот и попал в этого самого Сомова. А тот — тихий человек, не ругался, не дрался, просто поймал мяч и пошел домой во второй подъезд. Тихо пошел — не шумел, как некоторые. А мяч отдал только с третьего раза.

Сомов, конечно, доминошный стол под угрозой расстрела не отдаст. Вот он посмотрел на Кешу с Гешей, и на их модель под простыней тоже посмотрел, заметил, что на мяч она не похожа, успокоился и приложил свою костяшку к

пятнистой пластмассовой эмее на ядовитой зелени стола. Тихо приложил — под стать своему напарнику.

— Товарищи,— сказал Кеша прежде, чем Петр Кузьмич снова замахнулся для богатырского удара,— мы к вам с просьбой.

Петр Кузьмич досадливо обернулся — помешали! — спросил нетерпеливо:

— Ну, пионеры, давай быстрее.

И Витька тоже стал смотреть на них, и тихий Сомов, и Павел Филиппович из-под очков глянул: что, мол, за просьба у пионеров, которые, как известно,— молодая смена, и просьбы их следует уважать. Иногда, конечно.

— Мы вот тут модель сделали, покажи, Гешка, так нам ее испытать надо, а мы не знали, что стол врыли, и думали на пустыре, так можно рядышком, мы не помешаем...

— Погоди, пионер,— сказал Петр Кузьмич,— ты не части, ты по порядку, чему тебя только в школе учат. Какая модель — вопрос первый? Как испытать — второй? При чем здесь стол — третий? Ответить сможешь?

— Смогу,— сказал Кеша и по порядку ответил на вопросы, а Геша, освободив модель от простыни, показал самолет.

Общественность теперь разглядывала модель, но разглядывала по-разному. Петр Кузьмич с неодобрением смотрел: он не доверял авиации, предпочитал железную надежную дорогу. А Павел Филиппович смотрел на модель с ревностью. Он тоже не любил авиацию, потому что в прошлом был артиллеристом и не уважал заносчивых авиаторов. Вот Витька смотрел на самолет с неподдельным интересом. Он думал, что если бы сделать такую модель самому, а еще лучше отнять у этих сопляков, то вполне можно оторвать за нее рублей пятнадцать, а то и двадцать. Испытывать не надо, потому что случайно и разбить ее можно... Нет, Витька, тоже был против испытаний.

А Сомов на модель не смотрел. Тихий Сомов смотрел на оставленные на столе костяшки партнеров, вернее, подсматривал, и прикидывал свои шансы. Сомов вполне приветствовал модель, как средство минутного отвлечения партнеров, но какие-то там испытания ни к чему — играть надо.

— Нет,— сказал Петр Кузьмич, выражая общее мнение.— Вы, пионеры, молодцы. Моделизм развивайте, но не в ущерб обществу. А общество сейчас культурно отдыхает. Так? Следует, значит, отложить испытания до после обеда. Думаю, к тому времени мы игру закончим.

— Может, и закончим,— хихикнул Витька,— а может, и нет. Может, у нас самая игра только после обеда и пойдет.

— Это верно,— раздумчиво сказал Павел Филиппович.— Кто знает, что будет после обеда... Идите, ребяточки, идите...

А тихий Сомов ничего не сказал.

— Пошли, Кешка,— проговорил Геша,— я же тебя предупреждал: такие своего не отдадут.

— Но-но, паренек,— строго заметил Петр Кузьмич,— не распускай язык,— но заметил он это, впрочем, лишь для порядка, потому что уже отвлекся и от пионеров, и от их модели, а думал о партии, которая складывалась благоприятно для него и для Витьки.

— Ладно,— сказал Кеша,— мы пойдем. На вшей стороне — право сильного. Но не злоупотребляйте этим правом: последствия будут ужасны.

Это он просто так сказал — про последствия. И вряд ли он думал в тот момент, что слова его окажутся пророческими. Ни он так не думал, ни Геша, ни тем более Петр Кузьмич с компанией, который только усмехнулся вслед пионерам: мол, нахальная молодежь нынче пошла, спасу нет, и брякнул костяшками о стол:

— Пять-три. Получите вприкусочку!

— Окстись, Кузьмич,— сказал Витька.— Как со здоровьем?

Петр Кузьмич строго посмотрел на наглого Витьку и только потом на костяшку. Посмотрел и удивился: не «пять-три» он сгоряча выхватил, а «шесть-один».

— Ошибку дал,— извинился он, забрал костяшку, вынул из жмени нужную, шлепнул о стол.— Вот она.

— Ты, Кузьмич, или играй, или иди домой и шути со своей старухой,— обозлился Витька.

Петр Кузьмич снова взглянул на стол и ужаснулся: пятнистую доминошную змею замыкала все та же злосчастная костяшка «шесть-один», хотя он голову на отсечение мог дать, что брал не ее, а нужную для игры «пять-три».

— Надо же, наваждение какое,— заискивающе улыбнулся он, забрал проклятую костяшку, сунул ее для верности в кармашек тенниски, внимательно выбрал «пять-три», еще раз посмотрел: то ли выбрал? — убедился, тихонечко на стол положил.— Натс.

— Ну, дед,— заорал Витька,— я так не играю! — он швырнул свои костяшки на стол и поднялся.— Клоун несчастный.

В другой раз Петр Кузьмич непременно обиделся бы и не спустил бы нахалу оскорбительных слов, но сейчас у него сердце останавливаться начало, и пот холодный прошиб: на столе, нагло поблескивая семью белыми точками, лежала костяшка «шесть-один».

— Братцы! — закричал Петр Кузьмич.— Я не нарочно. Я же ее, проклятую, в карман спрятал!

Он выхватил из нагрудного кармашка спрятанную костяшку и показал партнерам.

— Ты бы ее лучше на стол положил,— сурово сказал Павел Филиппович.

Петр Кузьмич посмотрел и тихо застонал: это была та самая, нужная — «пять-три».

— Братцы,— сказал Петр Кузьмич,— тут какая-то чертовщина. Я же точно выбираю «пять-три», а получается «шесть-один».

— Может, у тебя жар? — предположил Витька.

— Нету у меня жара и не было никогда. Я вообще не болею, потому что занимаюсь зарядкой по системе йогов.

— Вот и довела зарядка,— резюмировал Витька.

— Братцы, да не шучу же я,— простонал Петр Кузьмич,— сами проверьте...

— И проверим,— сказал Павел Филиппович.— Сядь, Виктор.

Витька сел со скептической улыбкой, подобрал брошенные кости. Петр Кузьмич раскрыл ладошку, протянул ее к партнерам.

— Вот смотрите: беру «пять-три». Так?

— Так,— согласились партнеры.

— И кладу ее на стол. Так?

— Так,— партнеры опять не возражали.

— И что получается?

— Хорошо получается,— сказал Павел Филиппович.

И он был прав: змейку замыкала неуловимая прежде костяшка «пять-три».

— Ну, Кузьмич,— протянул Витька,— ну, клоун...

И опять-таки Петр Кузьмич не ответил дерзкому, потому что был посрамлен, полностью посрамлен.

— Ладно,— сказал Павел Филиппович,— замнем для ясности. Я на твои «пять-три» положу свои «три-два»... — замахнулся и замер, не донеся руки до стола: — Что за черт?

На столе вместо всеми замеченной костяшки «пять-три» лежала пресловутая «шесть-один».

— Опять твои штучки, Кузьмич? — ехидно спросил Витька, но его оборвал Павел Филиппович:

— Помолчи, сопляк. Я же смотрел: Кузьмич не шевельнулся. И костяшка нужная была. Тут что-то не так.

И даже молчаливый Сомов раскрыл рот:

— Ага,— сказал он,— я тоже видел.

— Вот что,— решил Павел Филиппович,— ставим опыт. Кузьмич, бери костяшку.

Кузьмич забрал злосчастную костяшку.

— А теперь давай сюда «пять-три».

Кузьмич безропотно послушался.

— Все видите? — спросил Павел Филиппович и показал публике «пять-три». — Вот я ее кладу, и мы все с нее глаз не спускаем...

Четыре пары глаз гипнотизировали костяшку, и Павел Филиппович аккуратно приложил к ней нужную «три-два». Все было в порядке.

— Теперь я слежу за Кузьмичем,— продолжал Павел Филиппович,— а ты, Витька, клади свою. Ну?

Витька замахнулся было, чтобы грохнуть об стол рукой, но тихий Сомов вдруг вякнул:

— Стой!

На столе вместо «пять-три» возникла все та же «шесть-один», которая должна была находиться в руке Петра Кузьмича.

Тогда Петр Кузьмич осторожно раскрыл ладонь: там красовалась «пять-три».

— Все,— подвел итог Витька,— конец игре.

— Что ж это такое? — спросил Петр Кузьмич дрожащим голосом.

— Темнота,— сказал Витька, для которого все вдруг стало ясно, как «дубль-пусто». — У нас сколько профессоров в доме живет?

— Сорок семь,— быстро сказал Петр Кузьмич, которому по его общественной должности полагалось знать многое о доме и еще больше о его жильцах.

— То-то и оно. Про телекинез слыхали?

— А что это?

— Управление предметами одной силой мысли. Скажем, хочу я закурить, пускаю направленную мысль необычайной силы, и сигарета из кармана Сомова прямо ко мне в рот попадает.

Сомов машинально схватился за карман, а Витька засмеялся:

— Дай закурить,— получил сигарету, прикурил, продолжил: — Я-то так не могу. Это пока гипотеза. А сдается мне, что кто-то из наших ученых хануриков гипотезу в дело пристроил. И силой мысли экспериментирует на наших костяшках. Вот так-то... — и затянулся, и пустил в воздух три кольца дыма. Четвертое у него не получилось.

— Ну, я найду его, я... — Петр Кузьмич даже задохнулся, предвкушая победу силы мести над силой мысли.

— Ну и что? — спросил Витька. — А он тебе охранную грамотку из Академии наук: так, мол, и так, имею право.

— На людях опыты ставить? Нет у него такого права! Пусть на собаках там, на обезьянах, прав я или нет? — он опять превратился в привычного Петра Кузьмича, грозу непорядков, славного борца за здоровый быт.

И Павел Филиппович, и тихий Сомов, и даже нигилист Витька, для которого зеленая трешница была заманчивей телекинеза, поняли, что Петр Кузьмич всегда прав. Или, точнее: права всегда на его стороне. И он найдет этого профессора, тем более, что их всего-то сорок семь...

Кеша, Геша и старик Кинескоп

— Что я тебе говорил,— сказал Геша.— Стену лбом не прошибешь. А здесь — стена. Пойдем пока ко мне.

— А баба Вера?

— Баба Вера уехала к бабе Кате в Коньково-Деревлево на весь день.

Геша жил с бабой Верой в трехкомнатной квартире и, так как родители его пребывали на далеком острове Хоккайдо, имел собственную большую комнату, набитую паяльниками, радиолампами, отвертками, пассатижами, конденсаторами, полупроводниками и так далее и тому подобное. Гешина комната была предметом вечных ссор с бабой Верой, которая желала убрать ее вопреки Гешину законному сопротивлению.

— У тебя страшный беспорядок,— ужасалась баба Вера.

— В моем беспорядке есть строгий порядок,— возражал Геша.— Я знаю, где что лежит. Не нарушай мне систему.

И баба Вера сдавалась, потому что она уважала логику внука.

Кроме вышеперечисленных атрибутов ремесла в Гешинной комнате находились диван-кровать, письменный стол с дерматиновым верхом, залитый чернилами, машинным маслом, бензином и расплавленной канифолью, два венских стула, тумбочка и на ней — первый советский телевизор КВН-49, от которого, вероятно, и произошло название клуба веселых и находчивых. Телевизор был стар, но работал на редкость хорошо. Геша свой телевизор любил, холил и нежил, менял в нем разные детали и не признавал никаких новомодных марок типа «Темпа» или цветного «Рубина», украшавшего столовую Кешиных родителей.

Мы так подробно остановились на описании как самого КВН-49, так и Гешиного к нему отношения, потому что в нашей истории этому телевизору отведена огромная роль. Но о ней — в свое время.

Еще у Геши был замечательный стереомагнитофон «Юпитер», который он тут же включил, и из двух мощных колонок-динамиков некто по фамилии Хампердинк запел песню на хорошем английском языке. Ни Кеша, ни Геша не знали содержания этой песни, но некто по фамилии Хампердинк грустил умело, а грусть интернациональна и не требует перевода. Тем более, что нашим друзьям тоже было не слишком весело. Словом, песня, как говорится, «попала в струю».

— Хорошо поет,— сказал Кеша.

— Мастер,— подтвердил Геша.

— Отлично поет,— согласился третий голос.

— Это ты сказал? — спросил Кеша.

— Нет,— сказал Геша.— Я думал, это ты.

— Это я сказал,— сообщил третий голос.

— Кто ты? — спросил Кеша, и трудно поручиться, что в голосе этого мужественного пионера совсем не было страха.

— Ну, я,— раздраженно сказал третий голос.— Не видите, что ли?

И тут Кеша и Геша увидели некоего старичка. Старичок стоял в вальжной позе, опершись о

телевизор, и смотрел на Кешу и Гешу со снисходительной улыбкой. Старичок был малоросл, одет в полосатую рубашку с длинными рукавами и белые чесучовые брючки, давно не знавшие утюга. И белыми-то они были изначально, может быть, лет эдак сто назад. Еще на старичке были сандалеты, сквозь которые виднелись игривые красные носки. И вообще старичок выглядел как-то несерьезно: и улыбочка, и поза.

Любой рядовой взрослый человек — ручаемся! — испугался бы невероятно. И не удивительно: только что ты был в квартире один и вдруг — на тебе: некто материализуется прямо из воздуха, так сказать, из идеального эфира. Мистика! Бред сивой кобылы! Антинаучная фантастика!

Но Кеша и Геша, к счастью, не были взрослыми. Кеша и Геша еще не вышли из того прекрасного возраста, когда не существует для человека пресловутая холодная формула: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

— Вы откуда взялись? — спросил Кеша.

— Откуда-откуда, — сварливо сказал старичок. — Из телевизора, вот откуда.

— Вздор, — строго заметил Геша. — Во-первых, я свой телевизор знаю, во-вторых, вы там бы просто не поместились, а в-третьих, так не бывает...

— Ах, Геша, Геша, — грустно сказал старичок, — от тебя ли я слышу эти скучные слова: так не бывает. Бывает, Гешенька, все бывает...

И тут он вдруг стал уменьшаться, потом таять, потом совсем исчез, а телевизор заговорил голосом диктора:

— Ну, а теперь бывает?

Но это никак не мог быть диктор, потому что телевизор Геша из сети выключил: это он точно помнил, да и сейчас посмотрел, проверил — верно, выключил.

А старичок вновь возник будто бы из ничего, встал у телевизора, ухмыльнулся и вдруг закашлялся, схватившись за грудь. Кашлял он долго и натужно, потом отдышался, сказал хрипло:

— Совсем простыл. Любит твоя бабка сквозняки устраивать — спасу от нее нет. Повлиял бы ты на нее.

— Э-э, в каком смысле? — осторожно спросил Геша.

— Пусть форточки везде не открывает. А то ей жарко, видите ли, а я старый, слабый уже. Мне, может быть, сто лет. Или даже сто пятьдесят. Я ей в прадеды гожусь...

Тут молчавший до сих пор Кеша (и, надо заметить, оторопевший от всех этих чудес) вмешался в разговор:

— Вот что, товарищ Бабка бабкой, но что вы такой и что вы делаете в чужой квартире?

Тут старичок ловко подпрыгнул, уселся на край стола-ветерана, заболтал ножками в сандаликах.

— Резонный вопрос, Иннокентий. Кто я? По-вашему, наверно, я — дух. И квартира эта мне не чужая, я здесь давно живу — с тех пор, как сей телевизор купили.

— Так в телевизоре и живете? — саркастически спросил Кеша.

— Так в телевизоре и живу, — подтвердил старичок, не замечая, впрочем, сарказма. — Дело в том, что я — дух телевизора.

— Как это — дух? — с сомнением спросил Кеша.

— А будто ты не слышал, что у вещей есть души. Вот говорят: сделал мастер вещь и душу в нее вложил. И живет в такой вещи душа мастера...

— Но телевизор на конвейере делали. Может, сто человек. Один лампу ввернул, десятый — гайку закрутил, сотый тряпочкой протер. И в смену у них — тыща телевизоров. В каждую душу вкладывать — души не хватит.

— Знакомо рассуждаешь, — расстроился старичок. — И многие так же рассуждают. Поэтому некоторые вещи без души и делают: тяп-ляп и готово. А если еще и хозяин к вещи так же относится, то ей через месяц-другой на свалке место.

— А как же к ней относиться?

— С душой, Кешенька, с душой. Тогда любая вещь тебе долго служить будет. Вот как Гешин КВН.

— Выходит дело, вы — моя душа? — засмеялся Геша. — Это, значит, я вас туда вложил? — он кивнул на старый ящик телевизора. — Когда его папа купил, я еще под стол пешком ходил...

— Верно, — согласился старичок. — Я — ничья не душа. Я сам по себе.

— Тогда почему вы именно мой телевизор выбрали?

— По разнарядке. Направление мне сюда вышло.

— От кого направление?

— От начальства, конечно. И мы, духи, под ним ходим.

Тут Кеша сообразил, что с такими бессистемными вопросами они до истины долго не доберутся. Нужна последовательность.

— Вот что, — сказал он решительно, — вы нам все по порядку расскажите: что за духи, откуда вы, где работали до Гешинового телевизора, что за начальство у вас. В общем, подробненько и не торопясь.

— Ты у нас прямо отдел кадров, — захихикал старичок. — Может, анкетку выдашь? — он опять закашлялся. — Вы бы мне лучше молочка согрели. Не видите: болен я. А потом и рассказать можно.

— Ладно, — согласился Кеша. — Ты, Гешка, вскипяти молоко, а я позвоню отцу, скажу, что испытания модели временно отменяются.

Они вышли из комнаты, и Геша спросил друга:

— Слушай, Кешка, куда мы влезли? Это же мистика какая-то, бабкины сказки...

— Ты спишь? — спросил Кеша.

— Нет.

— И я не сплю. А старичок существует?

— Но он же не может существовать!

— Может не может, существует ведь...

— А вдруг это галлюцинация?

Кеша был умный мальчик, почти отличник, и с чувством юмора у него тоже все было в порядке.

— Если это галлюцинация, — сказал он, — то довольно любопытная. Как ты считаешь?

— Не без того, — согласился Геша.

— А значит, будем галлюцинировать дальше, — и добавил сердито: — Не теряй времени, кипяти молоко: старик совсем простужен. Кстати, как его зовут?

Он подошел к двери Гешиной комнаты и крикнул:

— А как ваше имя, дедушка?

И услышал:

— Кинескопом меня кличут. Старик Кинескоп.

Кеша, Геша и чудесный мир духов

Кеша сел на стул, предварительно скинув с него какие-то радиодетали. Геша устроился на полу, потому что второй стул был тоже занят радиодетальями, а Геша относился к ним бережно и

с пиететом. Старик Кинескоп удобно примостился на диване, забравшись на него с ногами. Даже сандалии не снял. В руке он держал белую эмалированную кружку с молоком, дул на него, прихлебывал мелкими глоточками.

— Хорошее молоко, — говорил он, — вкусное. Из пакета?

— Ага, — подтвердил Геша. — Шестипроцентное. И я еще меду туда положил: помогает.

— Мед — это хорошо, — протянул Кинескоп. — Мед — он пот гонит. Средство старое, проверенное... Ну, так с чего начать?

— С начала, — сказал рациональный Кеша.

Кинескоп задумался, машинально прихлебывая молоко, улыбался чему-то, хмыкал, опять молочко прихлебывал, причмокивал, отдувался. Видно, хорошо ему сейчас было: просто, по-домашнему, не то, что в телевизоре торчать с утра до утра.

Ребята молчали, не торопили его: понимали, что история будет долгой, а долгая история с бухты-барахты не рассказывается. Тут раскачка нужна.

Но вот старичок раскачался, допил молоко, поставил кружку рядом с собой, начал мечтательно:

— Давно это было... Вы тогда не родились. И родители ваши не родились. И прародители ваши тоже еще не появились. Жили тогда на земле духи — злые и добрые. И звались они по-разному: водяными, лешими, домовыми, русалками. Это наши духи, русские. О заграничных — всяких там эльфах, гномах — я не говорю. Тех же щей, да пожиге влей... Обязанности у них были стро-

го разграничены. Домовой, к примеру, за дом отвечал, за хозяйство. Кто поопытнее, тому большие дома доверялись, иной раз целые замки. Ну, а у кого способностей меньше, тот в домишках жил, и хозяйство у такого поменьше было. Лешие — те в лесу. Водяные — в прудах там, в озерах. Русалки — все больше по морям... Веками жили — не тужили, к условиям давно приспособились. Но вот началась эпоха Великого Технического Прогресса, и кончилось наше спокойное житье...

Тут старик Кинескоп сделал паузу и посмотрел на своих слушателей, а те ждали продолжения. Впрочем, по-разному. Геша — скептически: мол, давай-давай, дед, заливай помаленьку... Кеша — с вежливым интересом, за которым все-таки проглядывало доверие к старику.

Кинескоп улыбнулся ласково — рот у него расплзся почти до ушей, нос сморщился: ну, прямо гном из фильма «Белоснежка» американского режиссера Уолта Диснея, — видно, удовлетворился сосредоточенным вниманием публики, продолжил:

— Дальше жить по-старому стало невозможно. Сами посудите: раньше домовая свое хозяйство наперечет знала. Кастрюли там, ведра, печка русская, иногда корова или свиньи. Все несложно. А теперь? Телевизоры, комбайны всякие, холодильники, пылесосы, автомобили — ужас! Не сразу, правда, все это появилось. Постепенно, понемногу. Но уже тогда, в самом начале, стало нам ясно: нужна специализация.

— Какая специализация? — не понял Геша.

— Обыкновенная, — терпеливо пояснил Кине-

скоп. — Узкая. По профессиям. А для этого учиться требовалось. Были, конечно, консерваторы и рутинеры: дескать, жили по-старому, и неча менять. Где они теперь? Сгинули. Шуршат где-нибудь по лесам-болотам, прохожих-полуночников пугают. Ученье — свет... Я тогда молодой был, головастый, по радиоделу пошел.

— А где учились? — с ехидцей поинтересовался Геша. — Школа, что ли, специальная была?

— Зачем специальная? Обыкновенная — человеческая. Институт, университет, техникум — мало ли у вас учебных заведений? Всеобщее образование...

— Так с людьми и учились?!

— Не совсем с людьми... Можно, конечно, и с людьми, да только хлопотно. Документы нужны, на лекции ходить обязательно, на физкультуру — зачет по лыжам сдавай... Нет, ребяточки, гораздо спокойнее просочиться куда-нибудь в дымоход над аудиторией: и слышно, и видно — красота! Так пять лет и проучился. Не лентяйничал. А что диплома нет — так не за бумажку старался.

— В каком институте? — официально спросил Геша.

— В радиотехническом. Но это позже. А поначалу в радиомастерской знаний набирался. Я ведь до телевизора в радиоприемнике работал. А потом переучился.

— А что ж вы все в кавээнэ?

Кинескоп потупился, засопел, и Кеша неодобрительно посмотрел на Гешу, задавшего явно бестактный вопрос. Но старик перехватил взгляд, сказал успокаивающе:

— Да ничего, верный вопрос... Стар я, ребя-

точки, и склероз уже, и соображаю туго. Поздно переучиваться. Содержу кавээн в порядке — и ладно... Вроде бы неплохо работает телевизор, а, Геша?

— Неплохо,— сказал бестактный Геша.— Только ж это я сам его ремонтирую.

— А вот и врешь,— возмутился Кинескоп.— Ты его не ремонтируешь, ты его ре-кон-струируешь. А скажи честно, разве ж он сам отказывал когда-либо?

— Да вроде нет... Схема у него хорошая.

— Схема...— протянул старик.— Духи в этих развалюгах хорошие были, энтузиасты. Да что говорить: это ж мы телевизорную промышленность начинали. Только, кто поумней, давно дальше пошел. Вот дружок мой, Реле, тоже в кавээне начинал. А теперь где? Теперь он всей системой промышленного телевидения в универмаге «Москва» ведает. Был я у него, смотрел: прекрасный специалист.

— А, выходит, люди ни при чем?

— Не понимаешь ты меня, парень. А вроде не дурак... Если люди без души к делу относятся, так там и духам делать нечего: не пойдет дело. А работает с душой человек, у него дело спорится. И дух ему тогда во всем помогает. Я разве сам лампу в телевизоре сменить могу? Не могу: у меня лампы нет, и денег на нее тоже не предусмотрено. Я могу ее подолжше работать заставить — это да. Так не вечно же... И разве не было у тебя так: смотришь ты телевизор и вдруг подумаешь, что неплохо бы такую-то лампу заменить? А, было?

— Было,— сознался Геша.

— И, поди, не раз?

— Ну, не раз...

— Вот,— удовлетворенно хмыкнул старик.— Это ж я тебе подсказывал.

— Телепатия? — Кеша даже вперед подался.

— Вроде бы,— поскромничал Кинескоп.— Обычная штука,— и продолжал: — И везде так: духи все наперед знают и толковым людям помогают. В контакте работаем.

Тут Геша руку поднял, как будто на уроке в школе:

— А у нас в квартире еще духи есть?

Кинескоп помялся, пожевал губами.

— Так, чтоб постоянных, двое нас. А приходящие есть.

— Кто же?

— Дух телефонной сети. Который за подстанцию отвечает. Он и к тебе, Кеша, заглядывает... А живет вот этот,— он кивнул на выключенный магнитофон.

— А где он?! — Кеша и Геша в один голос спросили.

— Ушел,— грустно сказал Кинескоп.— К тебе, Кешка, ушел.

— Да ну? А зачем?

— Брат у него там живет. У тебя, то есть...

— В магнитофоне?

— Ну да... Они — духи хорошие, добрые, грамотные. Хотя и молодые. Твой, бывает, и к нам заходит. Все ко мне пристают: расскажи да расскажи, как раньше духи жили. А расскажешь — смеются: темные вы, дескать, были, страшно подумать!.. Твой-то, Кешка, вообще головастый малый. Он у тебя и за магнитофоном следит, и в телевизоре кумекает.

— В «Рубине»?

— В нем.

— Так он же цветной?

— То-то и оно. Специальность новая, еще не совсем освоенная. На ходу учиться приходится.

— Он у нас то в зелень отдает, то в красноту. Цвет отрегулировать нельзя.

— Не суди строго,— сказал Кинескоп.— Как будто мастер из телеателье много в том понимает. А парень, я слышал, неглупый, в институте заочно учится. Рыжий — это твоего, Кешка, так зовут, а нашего — Красный... Так вот, Рыжий говорит как-то, что ему с ним, с мастером этим, работать — одно удовольствие. А Рыжий, хоть и молодой, а вдумчивый, далеко пойдет.

Кеше мучительно захотелось тут же помчаться домой: познакомиться с Рыжим и его братом. Но он понимал, что это бессмысленно: раз они до сих пор не показывались, так и сейчас не станут. Хотя Кинескоп-то появился...

— Слушайте, дедушка,— спросил Кеша,— а почему вы людям никогда не показываетесь?

Кинескоп посмотрел на Кешу, как... как... ну, как на сумасшедшего:

— А кто ж в нас теперь верит?

— Никто не верит,— согласился Кеша.— Но вы же есть?

— Это как сказать,— загадочно усмехнулся Кинескоп.— Ты своему отцу о нас расскажи — он поверит?

Кеша подумал немного, прикинул все «за» и «против» и решил с огорчением:

— Не поверит... А почему вы?... — Кеша не договорил, но Кинескоп прекрасно его понял:

— Выхода у меня не было: простыл я сильно, сами видите. Да и знаю я вас давно: ребята вы вроде хорошие, отзывчивые. А главное, поверить в нас смогли.

— Но могли и не поверить?

— Ну, риск невелик. Не поверили бы и — ладушки. Внушил бы я вам, что все виденное — галлюцинация. И — точка. Да потом, я не один это решил, посоветовался кое с кем.

— С братьями?

— И с ними тоже. И кое с кем оттуда,— он указал на потолок.

— С начальством, что ли?

Кинескоп замялся.

— Не совсем...

— С кем же?

Кинескоп явно мучился — не хотел говорить.

— Ладно, тайна есть тайна. Я понимаю... Скажите, дедушка, а с братьями нам можно будет познакомиться?

Кинескоп облегченно вздохнул, и от бдительного Кеша вздох этот не укрылся. Понял Кеша, что старичок рад смене разговора, и о начальстве он зря проговорился.

— С братьями можно, — сказал Кинескоп. — Раз уж вы меня знаете, то и братьев увидите. Красный вернется, я ему и скажу.

— А когда он вернется?

— А кто его знает? Дело молодое: гуляй себе... Магнитофон у тебя хорошо работает? — это он Гешу спросил.

А Геша ответил:

— Хорошо.

— Вот Красный и гуляет.

— А позвать их можно?

Старик Кинескоп подумал немного, спросил у Кеша:

— Дома кто есть?

— Родители.

— Значит, не позовешь. Рыжий при них не станет по телефону говорить: заметят неладное. Да не торопись ты, познакомьтесь еще. Сегодня и познакомитесь.

— Когда? — нетерпение друзей было слишком велико, чтобы Кинескоп его не заметил. Хитрый был Кинескоп старик, все подмечал, все видел, выводы делал, на ус мотал.

А с другой стороны — радость старику. Судите сами: когда бы еще он смог с людьми контакт установить? Да никогда! Кеша с Гешей сами подтвердили: никто сейчас в духов не верит. Теперь, ежели явление необъяснимо современной наукой, то, значит, его и не признают. Нет, мол, такого явления. А какая наука объяснит существование духов? Духоведение? Может, и есть оно, так, скорее, в парфюмерной промышленности. Духами ведают, значит. Одеколонами. Кремами всякими. А духи — антинаучны. Поэтому и рад был старик знакомству с Кешей и Гешей, рад безмерно, хотя знакомство это и вынужденное.

— У меня к вам просьба, ребяточки. Я совсем погибать стал, терпежу нет. Кашляю — и все. А если твоя бабка, Геша, мой кашель услышит, что будет?

Геша подумал и решил:

— Инфаркт.

— То-то и оно. А кто же ей зла желает? Никто. Вот у тебя, Иннокентий, мамаша — доктор.

— Доктор, — подтвердил Кеша. — Специалист-отоларинголог.

— Знаю-знаю, — закивал Кинескоп. — Ты вот что: поговори с ней исподволь. Мол, так и так, приятель заболел, бронхит у него, что ему принимать?

— Зное дело, поговорю, — загорелся Кеша. — И в аптеку сбегает, лекарства купим. Только... — он замялся.

— Думаешь, помогут ли духу человеческие лекарства? — пришел на помощь старик. — Помогут-помогут. Испытано.

— Заметано! — Кеша вскочил и хлопнул друга по плечу. — Пошли, Гешка, к нам обедать. Мама звала. Потом в аптеку зайдём и — сюда.

— Идите-идите, — напутствовал их Кинескоп. — Я тут пока подремлю. А к тому времени и Красный вернется. Может, и Рыжий зайдет. Познакомитесь...

— Дедушка, а вы?.. — спросил Кеша.

— Что я?

— Где вы обедать будете?

Старик заулыбался, сморщив физиономию.

— Мне не надо. Мы не едим. Вот только вкусенького чего-нибудь...

— Мама сладкий пирог испекла. Хотите, принесем?

— С кремом? — строго спросил Кинескоп.

— С заварным.

— С заварным — это хорошо. С нашим удовольствием...

Ребята уже было пошли, оставив Кинескопа спать на Гешинем диванчике, накрыв его шерстяным пледом, когда Кеша все-таки решился на провокационный вопрос. Таким уж он парнем был, этот неугомонный Кеша, все-то ему хотелось знать сразу, не любил оставлять ничего «на потом».

— Дедушка, — сказал он вкрадчиво, — вам начальство разрешило с нами познакомиться, а как же братья?

— А что братья? — вскинулся старик.

— Им тоже разрешили?

— Дурень ты, — в сердцах сказал Кинескоп. — Все-то ему надо знать... А может, оно и к лучшему... — он значительно посмотрел на ребят. — Это не мне с вами познакомиться разрешили. Это вам со мной познакомиться велено было.

— Зачем? — спросил Геша, а Кеша, напротив, спросил:

— Кем?

И старик Кинескоп ответил по порядку:

— Зачем — со временем узнаете, не гоните картину. А кем... Великим Духом Электричества!

И сказал он это так значительно, так громко, что в воздухе промелькнула синяя молния электроразряда, запахло озоном и перегоревшими пробками. А скорей всего, это ребятам лишь показалось, потому что холодильник на кухне урчал по-прежнему, а как бы он мог урчать, если пробки перегорели?

Кеша, Геша и братья-близнецы

Конечно, можно было бы рассказать о Кинескопе Кешиним родителям. В конце концов, они люди прогрессивные, с широкими взглядами, с некоторой долей свободного воображения, обыч-

но исчезающего у человека по исполнению ему шестнадцати лет. В это время человек получает паспорт и автоматически становится взрослым. А взрослому человеку свободное воображение — помеха в жизни. Почему-то взрослые люди не любят эту прекрасную черту характера. «Ну и фантазер же ты!» — говорят они человеку с воображением, и говорят, заметьте, осуждающе.

Но так говорят совсем скучные люди, в которых детство давным-давно умерло. Напрочь умерло. В некоторых оно умирает рано, его прямо-таки вытравить стараются. А в некоторых — живет. И чем живее оно, тем легче жить человеку. Тем красивее мир вокруг него. Тем больше тайн в этом мире. Тем удивительнее эти тайны и тем прекраснее. На худой конец, тайны эти всегда можно придумать, если их нет на самом деле. Так поступают все дети. Так поступают и некоторые взрослые.

Но вот тут-то и возникает некая разница между взрослыми и детьми. Дети верят в свои тайны безоговорочно. А взрослые, — даже если у них хватило ребячьего воображения, чтобы придумать тайну, — не очень-то верят в нее. Скептически относятся. Стесняются, что ли? Пожалуй, стесняются. Ведь их назовут пустыми мечтателями, а это может плохо отразиться на служебном положении. А что за человек с непрочным служебным положением? Так, фантазер какой-то, несерьезный и пустяшный. Стыдно-стыдно...

Жалко взрослых. Скучно им. А возможности — колоссальные! Шофер автомобиля, например, может представить себя за штурвалом сверхзвукового истребителя, а асфальт дороги — взлетной бетонной полосой. Инженер, конструирующий какое-нибудь пустяковое устройство, может представить себе, что он создает важнейший механизм для ракеты, улетающей к звезде Альфа Эридана. Повар, помещивающий половником флотский борщ в котле, может представить себя ученым у аппарата, в котором моделируется зарождение первоматерии на Земле.

Да-а-а, что и говорить: возможностей — валом. И ни одна не используется. Шофер на самом деле думает о том, что задний мост стучит, и резина на передних колесах лысая, а завтра все равно новой не выпишет. Инженер прикидывает, как бы ему сбежать с работы на полчаса раньше, чтобы успеть в магазин: жена поручила купить хлеб и молоко, а в семь часов по телевизору «Спартак» играет. Повар мечтает о том, чтобы никто сегодня в жалобную книгу никаких кляуз не писал, а ведь, скорее всего, напишут, потому что борщ жидковат, мясо неважное привезли, костей много.

Скукота!..

Вот так они и живут — эти взрослые. И даже самые передовые из них редко позволяют себе помечтать. То есть мечтают-то они непрерывно,

но это реальные мечты. А пустить к себе нереальные мечты позволить не могут: стыдно. А чего стыдно — сами не знают.

Кеша обо всем этом серьезно подумал, взвесил возможности своих — пусть прогрессивных, но все же взрослых! — родителей и решил, что на духов воображение их не потянет. Не примут они духов, хоть ты лопни!

Уже в лифте он сказал Геше:

— О Кинескопе — молчок. Никому!

— Спрашиваешь! — подтвердил Геша, и стало ясно, что он тоже хорошо взвесил все «за» и «против», и мнения на сей счет у них с Кешей совпали. Да и не могло быть двух мнений в этой ясной ситуации...

За обедом отец спросил:

— Ну, как испытания? Состоятся?

— Вряд ли, пап, — озабоченно сказал Кеша.

— Недоделки в конструкции?

Что ж, если ответ подсказывают, грех не воспользоваться подсказкой: это вам каждый школьник подтвердит.

— Есть кое-какие... Да и негде ее испытывать: на пустыре доминошники стол врыли.

— А вы рядом. Не помешаете.

— Это ты так считаешь. А Петр Кузьмич считает иначе. Он свое мнение еще утром высказал.

— Безобразие, — возмутилась мама. — Что, у них другого места для стола не нашлось? И вообще, наш двор превращается в какой-то заповедник. С собаками гулять не разрешают. Теперь уже детям играть негде. А завтра и нас попросят у стеночки ходить.

— И попросят, — хмыкнул отец. — Сила ответственности неодолима.

— Хороша общественность: Петр Кузьмич с компанией. Там один Витька чего стоит...

— Витька стоит три рубля, — сказал отец, — это общеизвестно. А Петр Кузьмич — фрукт дорогой. Его не купишь. С ним надо обращаться всерьез.

— Уже начали, — засмеялась мама.

— Кто?

— Это он как раз выясняет. Занят розыском. Представляешь, они сегодня в домино играли, а им кто-то костяшки путал.

— Как путал? — спросил отец.

— Ну, подменивал, мешал — я же не видела.

А Марья Агасферовна подробностей не знает. Говорила, что он хотел одну костяшку положить, а ему кто-то другую подсовывал. Витька говорит, что это телекинез.

Стоило ли говорить, что Кеша с Гешей слушали разговор родителей с напряженным вниманием. Геша даже есть перестал, открыл рот от удивления. А Кеша, хоть и продолжал хлебать суп, тоже удивлялся и думал про себя, что все это неспроста, что есть какая-то связь между событиями дня: от разговора у зеленого стола до беседы с Кинескопом. Впрочем, рано спешить.

Необходимо собрать побольше фактов, взвесить все аккуратно, а уж потом только делать выводы.

Но красивое научное слово «телекинез» было названо, и оно требовало объяснений.

— Умен твой Витька,—засмеялся отец.— Вот к чему приводит чтение популярных научных журналов. Телекинез...— отец даже головой покрутил— от изумления, наверно.— Телекинез, мои дорогие, это — перемещение материальных объектов в пространстве силой человеческой мысли. Примерно так. И штука эта пока фантастична. Она даже на уровне гипотезы не существует: так, предположения одни... А ты хочешь, чтобы телекинез осуществился в масштабах дворовой сборной по домино...

— Я ничего не хочу,— обиделась мама.— Я передаю тебе то, что мне рассказала Марья Агасферовна.

— Твоя Марья Агасферовна — сплетница и вообще,— сказал отец, но мама на него посмотрела укоризненно: мол, что ты говоришь, это же непедагогично. Будто Кеша с Гешей сами не знали суровой правды про Марью Агасферовну...

Но не в ней было дело. Разговор родителей лишний раз подтвердил, что они уже слишком взрослые. Если они в телекинез не верят, то где же им поверить в Кинескопа! А Кеша, например, был почти уверен, что история с доминошниками не обошлась без участия старика. Кеша взглянул на Гешу и понял, что друг думал о том же. И Кеша, и Геша всегда отлично понимали, что каждый из них думает. Это тоже могло считаться телепатией, которая возникает у людей, знающих друг друга давно, живущих бок о бок и, к тому же, имеющих одинаковое мнение по всем вопросам. Даже в школе бывало: Геша, к примеру, к доске вышел, отвечает урок и вдруг запнется. Тут же посмотрит на Кешу, тот кивнет ему многозначительно, и Геша все сразу правильно понимает. Телепатия, точно!

— Мам,— сказал Кеша, потому что обед заканчивался и пора было переходить к делу,— а что надо принимать, когда кашляешь?

— Кто кашляет? — заволновалась мама.

— Не мы, не мы,— успокоил ее Кеша.— Один приятель.

— Какой?

Можно было бы соврать, сказать, например, что это Юрка Синяков кашляет, но, во-первых, мама знает Юрку и его родителей и тут же позвонит им, а во-вторых, Кеша очень не любил врать. Ну, только в самом крайнем случае! В наикрайнейшем.

— Ты его не знаешь,— сказал он со вздохом,— он не из нашей школы. Просто мы его встретили, а он попросил...— и все это было чистой правдой.

— Пусть этазол принимает. Четыре раза в день по одной таблетке. И аспирин на ночь. И

как можно больше пить: чай, молоко, морс...— но не выдержала, добавила: — Только так не делается: пусть вызовет врача. Родители у него дома?

Что ни вопрос, то — мука! Кеша прямо изнывал от необходимости что-то сочинять.

— Они уехали.

— И оставили ребенка одного? Странно... Все равно, пусть сам врача вызовет. Или соседей попросит. Соседи, я надеюсь, у него есть?

Соседи у Кинескопа были. Тут и врать нечего.

— Есть соседи. Мы им все скажем, не беспокойся.

— А сами куда?

— Мы у Геси будем...

Когда в прихожей они проходили мимо телефона, он звякнул тихо-тихо, будто кто-то не хотел, чтобы его звонок слышали посторонние. Кеша взглянул на Гешу и снял трубку.

— Кеша? — спросили из трубки. — Пообедали?

— А кто это? — шепотом спросил Кеша.

— Я, Кинескоп, — сказала трубка. — Давайте быстро ко мне: пора делом заняться. И братья здесь...

— Мы сейчас. Только в аптеку и — домой...

— Бегом, — строго сказала трубка и смолкла. И тут же в ней раздался длинный гудок. Не короткие, как после прерванного разговора, а длинный, как будто разговор еще не начинался. Впрочем, так и должно было быть: ведь соединяла-то их не автоматическая станция, а сам Дух телефонной сети, — как уж его там зовут!..

Этазол, аспирин и горчичники пришлось купить на деньги, вытрясенные Кешей из копилки, благо все это стоило недорого, и денег хватило. А молоко у Гесиной бабушки было. Навалом молока. Она считала, что молоко полезно в больших количествах, и теорию свою применяла на внуке. Внук считал теорию ошибочной, даже вредной, но переубедить бабу Веру не мог. Баба Вера была кремень. А сегодня ее явно неверная теория оказалась вполне ко времени.

Когда Кеша с Гешей вошли в комнату, Кинескопа на диване не было. Только скомканный плед валялся. Но старик тут же возник из-за телевизора, кашлянул смущенно:

— Трусоват я стал. Думал, бабка пришла.

— Баба Вера только вечером приедет, — сообщил Геша.

— Да, знаю я, слышал... А все равно испугался... Чего мать наказала? — это он уже Кешу спросил.

Кеша развернул упакованные в аптеке лекарства, сказал строго — совсем, как мама:

— Добегался, Кинескоп. Марш в постель, немедленно! Сейчас горчичники ставить будем.

— Не хочу горчичники, — захныкал Кинескоп.

— Нечего-нечего, сумел простыть, сумеи и вылечиться, — это тоже были мамины слова.

Кинескоп покорился, стащил через голову

тенниску, обнажив тощую волосатую грудь. Геша пошел кипятить молоко, а Кеша уклеил старика горчичниками, укрыл пледом, придавил сверху подушкой.

— Жжет, — сказал Кинескоп.

— И правильно, — сказал Кеша.

— Терпежу нету...

— Ничего, — успокоил его Кеша, — от горчичников еще никто не умирал.

— Духам горчичники тоже полезны, — сказал кто-то сзади.

Кеша быстро обернулся и увидел двух маленьких — не выше Кинескопа, эдак метр с небольшим, — человечков, на вид — мальчиков. Они выглядели абсолютно одинаковыми, словно сошедшими с одного конвейера, игрушками: огненно-рыжие вихры, носы картошкой, улыбка в сто зубов (это так казалось, что сто, а на самом деле больше тридцати двух не бывает, Кеша точно знал), белые майки-вестсайды с круглым воротом, индийские джинсы со слоником на задку. То есть Кеша, конечно, слоников не увидел, поскольку близнецы стояли к нему лицом, но у него самого были такие же джинсы, и он про слоника доподлинно знал.

— Это братья, — сказал Кинескоп из-под горчичников. — Рыжий и Красный.

— Здравьете, — сказали братья хором.

— Здравьете, — несколько растерянно ответил Кеша: он помнил, что они — братья, но чтоб так походи...

Тут в комнату вошел Геша с молоком и увидел братьев.

— Та-ак, — протянул он, ничуть, впрочем, не удивившись. — А кто из вас кто?

— Я — Рыжий, — сказал один.

— Я — Красный, — сказал другой.

С тем же успехом они могли представиться наоборот: разницы не было.

— Как же вас различать? — заинтересовался Геша, который всегда любил точность.

— Привыкнете, — сказал другой близнец, может быть, Красный, но, может быть, и Рыжий. — Или путать будете, тоже — не беда.

— Нет уж, — решил Геша, отдал кружку Кинескопу, порылся в столе и нашел эстонский значок-бляху с изображением вишенки. — Ты кто? — спросил он у ближайшего близнеца.

— Я — Красный.

— Будешь носить значок, — и приколот его на майку.

Красный скосил глаза на грудь, улыбнулся счастливо. А второй близнец сказал тихонько:

— Я тоже хочу значок...

— Правильно, — Геша сообразил, что поступил не по-товарищески, снова порылся в ящике стола, вытащил значок с клубничкой и приколот его на грудь Рыжему. — Так и будем вас различать: Красный с вишенкой, Рыжий — с клубничкой. Понятно?

— Понятно! — хором ответили братья и заулыбались довольные.

Кинескоп постанывал под горчицниками, хлебал молоко с медом, потом сказал с некоторым удивлением:

— А и вправду различать легче стало. Вы уж их не снимайте — значки-то...

— Не будем, — ответили счастливые братья, и было совершенно ясно, что значки эти они не снимут ни при каких обстоятельствах: так они себе нравились со значками.

Кинескопу надоело держать горчицники, а молоко он уже допил.

— Очень жжет, ребяточки, — жалобно протянул он, и Кеша смилостивился, сказал:

— Ладно, хватит.

Молоко было выпито, горчицники сняты, этазол принят. Кинескоп натянул тенниску, уселся на диване, завернувшись в плед, заявил официальным тоном:

— Рассаживайтесь поудобнее, товарищи. Разговор будет серьезный.

— О чем разговор? — спросил любознательный Геша.

— Узнаешь, — буркнул Кинескоп. — Торопыга какой...

Товарищи расселись поудобнее: Кеша — на стуле, Геша — как и раньше, на полу, братья, Рыжий и Красный, взгромоздились на стол, свесив ноги в таких же сандаликах, как и у Кинескопа, приготовились слушать.

— Товарищи, — Кинескоп явно находился под влиянием официальных телевизионных программ: это сказывалось на его речи, — я уполномочен сделать важное заявление. Прошу отнестись к нему со вниманием и уважением, — он помолчал значительно, продолжил: — Кеша и Геша, по моей рекомендации из всех мальчиков нашего города для Великой Миссии Помощи выбраны именно вы.

Он так и сказал — «для Великой Миссии Помощи»: каждое слово начиналось с большой буквы, ошибиться было нельзя.

— Что за миссия? — спросил нетерпеливый Геша, и, хотя Кеша и сам был непрочь поскорее, без всяких предисловий узнать суть дела, он все же поразился бестактности друга: судя по тону старика, да и по серьезному виду близнецов, дело наклеивалось нешуточное, важное. И если уж их двоих выбрали из всех мальчиков города, то стоит потерпеть: пусть Кинескоп выговорится.

— Подожди, Гешка, — сказал он, и Кинескоп с благодарностью кивнул ему.

— Я открою вам Великую Тайну, — продолжал Кинескоп, и тут уж сам Кеша подумал, что старик явно перегибает палку: тайна — Великая, миссия — Великая. Не слышком ли? Хотя, может, у духов так принято... Со своим уставом, как говорит баба Вера, — а она являет собой кладезь народной мудрости, — в чужой монастырь не

попрешь. Но Кинескоп не заметил Кешиных сомнений.

— Вы, именно вы призваны помочь духам, — шпарил он. — Десятки их сейчас мучаются от бессилия и унижения, и без помощи людей мы пока не можем защитить их.

— Где они мучаются? — снова не утерпел Геша.

— Все скажу, — торжественно заявил Кинескоп, — но сначала узнайте, с кем вам придется вступить в борьбу.

Это было немного страшновато: борьба, враги, — но чертовски увлекательно. Кеша и Геша одновременно представили себе неистовую погоню, бешеную езду и автоматные выстрелы.

— С кем борьба? — в один голос спросили они.

— Вы его знаете, — скорбно сказал Кинескоп. — Он живет в вашем дворе и сегодня играл в домино, когда вы хотели испытывать самотлет.

— Витька? — крикнул Кеша.

А Геша спросил вполголоса:

— Петр Кузьмич?

— Нет, — покачал головой Кинескоп. — Это — Сомов.

Кеша, Геша и Великая Тайна

Вот-те раз! Сомов — преступник! Тихий, незаметный, фантом, а не человек... Он порой и поздороваться-то боится, бочком, бочком — по стеночке, мимо, мимо и — юрк в подъезд. Отец Кеши называет его человеком, «ушибленным ложной скромностью». Такой десять раз подумает, прежде чем комара прихлопнуть. Да и в истории с домино Сомов себя прилично вел: не делал идиотских замечаний, помалкивал.

Да нет, не может он быть преступником!

Хотя... Тут Кеша к месту вспомнил еще одну народную мудрость Гешиной бабы Веры: насчет тихого омута, в коем черти водятся. И надо сказать, что Геша тоже вспомнил эту мудрость, что, впрочем, совсем не удивительно. Мы уже говорили, что Кеша и Геша, благодаря установившейся между ними прочной телепатической связи, думали почти одинаково. Одинаково по смыслу и одинаково по времени.

И здесь опять подошла бы полезная оговорка «хотя». Хотя... Кеша (напоминаем: и Геша тоже!) прекрасно знал одну грустную историю, происшедшую месяца два назад. Тогда Сомов очень негуманно поступил с черным котенком, забравшим к нему в подъезд. Котенок был ничейный, некормленный и орущий. Последнее тихому Сомову особенно не понравилось. Помнится, он взял котенка за шиворот (а дело происходило на третьем этаже!) и преспокойно выкинул его

за окно. Счастье котенка в том, что он оказался именно котенком. Как и положено, он упал на все четыре лапы. Но все-таки одну сломал. Хорошо еще, Валька Бочарова из шестого «Б» забрала его и выходила...

Вот вам и тихий Сомов! Хотя он и тогда не шумел, даже не сказал ничего...

Нет, Кеша, с Гешей все больше убеждались, что этот человек может быть преступником. А старик Кинескоп объяснил все. И это было действительно Тайной, правда, пока непонятно — почему Великой.

Сомов оказался обыкновенным жуликом, но — жуликом хитроумным. Он воровал у духов. То есть не у самих духов, конечно, — у самого духа не украдешь, и стараться не стоит! — а крал ту вещь, с которой дух неразрывно связан. Своей работой связан. Короче, Сомов был автомехаником.

Ну и что, спросите вы? В чем криминальность этой всеми уважаемой сейчас профессии? Да сотни владельцев «Жигулей», «Волг», «Москвичей» и «Запорожцев» примут Сомова, как дорогого гостя. Потому что на станцию техобслуживания пробиться — два месяца в очереди стоять надо, а за это время и ездить разучишься. А тут — на тебе, приходит домой интеллигентный товарищ (с прекрасными рекомендациями!) и говорит скромно:

— Вам машину посмотреть?

Вы захлебываетесь от радости:

— Да-да, дорогой товарищ, у меня там бензопровод засорился и, вообще, она не едет.

«Вообще, она не едет» — обычная формула автовладельцев, вершина технического мастерства которых — залить масло или накачать баллоны. Ну, некоторые еще могут сами свечу заменить. А некоторые — их единицы! — сумеют сами поршневые кольца сменить или отрегулировать подачу смеси в двигатель. Но это уже технические титаны, таких мало, такие — наперечет.

Нынешний автомобилевладелец — чаще всего личность неграмотная. Он, к примеру, останавливается посреди дороги с заглохшим мотором и не может понять, почему тот заглох. Он крутит ручку, утирая со лба обильный пот. Он насилует аккумулятор. Он — в раже. А машина молчит. «И, вообще, она не едет». А потом вдруг заводится. И автовладелец удивленно крутит головой, сваливает все на происки духов (не веря, впрочем, в их существование) и отправляется дальше, так и не поняв, что же случилось. А может, у него просто бензонасос перегрелся, и в системе пробки образовались. А потом двигатель остыл, пробки рассосались, бензин пошел, машина завелась. Вот так. И еще — миллион примеров.

У Гешы такого никогда бы не случилось. Геша — человек технический, — автомобиль знает.

Отцовская «Волга» изучена Гешей досконально: от системы зажигания до системы охлаждения. Когда отец приезжает в отпуск, он даже позволяет Геше на укромных дорожках водить машину. И вряд ли сын уступит отцу в мастерстве вождения.

Но это Геша. Он вообще любит и понимает технику. А мы сейчас говорим о тех, кто не слишком хорошо представляет, что же находится у автомобиля под капотом.

Сомов к Гешину отцу не пойдет. Сомов пойдет к наивному автомобилисту, который примет на веру все технические замечания этого скромного интеллигентного мастера. А скромный интеллигентный мастер ищет именно таких доверчивых неумех. С ними — легко. С ними — даже интересно. Но профессия есть профессия. А по профессии Сомов, как мы уже сказали, — жулик!

То есть он не сам жулик. У него есть помощник. Тот — жулик. Но и сам Сомов — все-таки тоже жулик...

Но так можно совсем запутаться и ничего не понять. Лучше — по порядку.

Фирма «Сомов и К^о» работает продуманно и осторожно. В ее деятельности почти исключен элемент риска. Конечно, совсем без риска невозможно, но для жулика — чем его меньше, тем спокойнее. Истина общеизвестная. И поэтому Сомов работает в паре... С кем бы вы думали? Правильно, с Витькой-трешницей. Схема «работы» вкратце такова, как ее пересказал не очень-то разбирающийся в автоделе Кинескоп. У Сомова — а механик он известный и добросовестный — есть определенная клиентура. Тут и профессоры, и спортсмены, и директора магазинов и баз, и артисты кино и театра — заслуженные и народные, и писатели, и жены писателей, и даже два действительных члена Академии наук. Правда, педагогических... И у каждого из них есть друзья, которые тоже владеют автомобилями. Это, так сказать, потенциальные клиенты Сомова. Будущие. Неизбежные. Сомов в поте лица весь день бегаёт по клиентам, чинит, заменяет, поправляет, налаживает. Причем, чинит, заменяет, поправляет, налаживает именно то, что накануне было сломано, подменено, нарушено или просто украдено Витькой.

Непонятно? Приведем пример. Просыпается утром известный киноактер, бреется, завтракает, выходит на улицу к своему «Жигуленку», любит им, тряпкой из замши стекло протирает и вдруг — о, ужас! — колпаков-то на колесах нет. Тю-тю колпаки. Сперли. Кто спер? — предполагает артист. Или просто ворюга, или свой брат-автомобилист, у которого такие же колпаки днем раньше увели. Ну, заявляет артист о пропаже в милицию. Там, конечно, дело заводят, обещают найти. А дело это, надо сказать, почти безнадежное. Потому что в Москве ав-

томобилей — миллионы, и колпаки одного ничем не отличаются от колпаков другого. Спросят артиста: а особые приметы у колпаков были? Что он ответит? Ничего не ответит, потому что особых примет у них не было. Автографа своего он на них не ставил, и портрета любимой женщины с внутренней стороны не приклеивал. Нет примет и — точка. Как, в таком случае, их искать? Очень трудно...

И такая же история может произойти с любой другой деталью любого другого автомобиля. Потому что ночью Витька подошел к нему и спер эту деталь. Автомобиль угонять хлопотно — найдут и посадят. На автомобиль секретки всякие ставят, сигналы оглушительные, даже волчьи капканы. А что ты на колпак поставишь? Или, допустим, на карбюратор? Или на запасное колесо в багажнике? Правда, багажник хитро запереть можно. Но Витька — слесарь. Ему любой замок нипочем.

Но милиция милицией, а колпаки артисту нужны. Без колпаков колеса его машины имеют какой-то неприглядный вид. Жалкий, надо сказать, вид. Он звонит обаятельному мастеру, чудо-человеку, товарищу Сомову и говорит ему о своей беде. А тот его успокаивает: не беда, мол, достанем колпаки, только подороже магазинных. Тем более, они в магазине все равно редко бывают. И ставит Сомов артисту его же собственные колпаки за двойную цену. А потом делится с Витькой прибавочной стоимостью, и оба хохочут над простофилей-актером. Вот такие пироги...

История, рассказанная Кинескопом, неприятно поразила Кешу и Гешу. И даже не потому, что ворами оказались люди из их двора, а потому, что история выглядела больно грязной.

Кеша и Геша росли в семьях, где никто никого не обманывал даже в мелочах. Ни Кеша, ни Геша представить себе не могли, что возможно утаить от родителей или от бабы Веры сдачу от молока или хлеба, взять без спросу отцовский фотоаппарат или залезть в ящик буфета, где бабушка хранит деньги. Когда Кеша выбил в физкультурном зале стекло, он так прямо и пошел к директору, и все рассказал. Хотя ему очень не хотелось идти. Тем более, кроме Геши этого никто не видел. Или когда Геша прогулял урок, — потому что Леха из дома, где кино «Призыв», ждал его с замечательным электропаяльником, который надо было поменять на кляссер с марками, — он мог бы сказаться больным. Он мог бы заохать, лечь в постель, и баба Вера сходила бы в школу и все объяснила классной руководительнице Алле Петровне. Но Геша не стал обманывать ни бабу Веру, ни Аллу Петровну: он честно сознался, что урок прогулял, за что получил в дневник не слишком приятную запись.

В конце концов, можно быть честным человеком и уметь вовремя зажмуриться. Крепко

зажмуриться, чтобы не заметить чужой нечестности. Это удобно — уметь зажмуриться. Но Кеша и Геша были пионерами. Они уже давно были пионерами и готовились на будущий год вступить в комсомол. Вот почему они не просто возмутились тем, что Сомов и Витька оказались ворами. Они горели желанием разоблачить их.

— Ну, Сомов, — сказал изумленно Кеша, — ну, тихоня...

— А Витька? — подхватил Геша. — Чем он лучше?

— Ничем не лучше. Но у него хоть на лице написано, что он — жулик.

— А разве не всегда так? — простодушно спросили братья.

— Нет, — заявил Геша. — Важны социальные условия, в которых воспитывался преступник.

— А-а-а, — глубокомысленно протянули близнецы, видно, ничего не поняв, а Кеша сказал с досадой:

— Кончай умничать, Гешка. Не на диспуте. Давай лучше подумаем, что делать. Кстати, — тут он повернулся к Кинескопу: — А при чем здесь духи?

Кинескоп даже застонал от досады: битый час вдальбивать прописные истины и ничего не вдальбить.

— У тебя в школе какие отметки? — ехидно спросил он Кешу.

— Хорошие-хорошие. Ты, Кинескоп, не язви, а объясни лучше. Не теряй времени.

Совет был разумен. Кинескоп успокоился и сказал, хотя и не без раздражения:

— В автомобилях духи есть? Есть. Опытные духи, квалифицированные. Технику знают, любят. Думаешь, им приятно, когда на их глазах разрушают технику?

— Почему же они бездействуют?

— А что им делать?

— Ну, не знаю... Вдарить Витьку. Током дернуть. Или еще чего...

Кинескоп вздохнул: трудно разговаривать с непосвященными.

— Дух не может, не имеет права причинить вред человеку.

— Тогда надо обезвредить Сомова с Витькой.

— Правильно, — согласился Кинескоп, а близнецы на столе закивали в такт головами.

— Только как обезвредить? — произнес Кеша и задумался.

Геша тоже задумался, но только для приличия, потому что у него уже сформировался план, гениальный план.

А Кинескоп сидел тихонько, ждал решения.

— Ладно, — Кеша встал и прошелся по комнате, — есть идея.

У Геши, как мы сказали, тоже был план, но он не сомневался, что между его планом и Кешиним разницы особой нет. Может быть, в мелочах.

— Духи нам помогут? — спросил Кеша.
— Ясное дело, — сказал Кинескоп, — для чего же мы вам открывались?

— Нужен Дух телефонной сети.
— Говорун-то? Этот будет... А зачем?
— Нам надо прослушивать сомовский телефон, чтобы узнать, когда они с Витькой замышляют новое преступление.

У Гешы этого в плане не было. И Геше это не понравилось.

— Чужие телефонные разговоры подслушивать нехорошо, — сказал он укоризненно, — не этично.

— Это разговоры врага! — закричал Кеша. — Этично — не этично... А на фронте, когда наши радисты ловили разговоры фашистов? Тоже не этично?

— Так то на фронте...
— Считай, что мы тоже на фронте!
— Ладно, — сказал Кинескоп. — Я Говоруна вызову.

Геша усомнился:
— Откуда ты будешь знать, что именно Витька сопрет? И с какого автомобиля?
— Сомов назовет Витьке автомобиль.
— Автомобиль-то он, может, и назовет.

А деталь?
Кеша был непреклонен:
— И деталь назовет. Скажет: сопри то-то и то-то.

— А если Витька не сможет спереть то-то и то-то?

Кинескоп вмешался в разговор:
— Геша дело говорит. Надо взвесить.
— Ладно, — нехотя согласился Кеша: ему очень не хотелось отступать от такого стройного, придуманного им плана. — Будь по-вашему. Не знаем мы, что он сопрет. Что тогда?

— Тогда мы внимательно следим за Витькой, — объяснил Геша, — узнаем, куда он прячет украденную деталь или детали, и там их метим.

— А если он их домой унесет? Или к Сомову? Что ж мы, в чужую квартиру полезем?

— Мы — нет, — спокойно сказал Геша. — Но ты забыл о духах.

И Кеша опять — в который раз! — поразился логике друга. Нет, Гешка — молоток. С таким не пропадешь...

— Давай, Кинескоп, — сказал Кеша, — звони Говоруну, пусть подключается. А может, сам сюда придет?

— Не придет он, — заявил Кинескоп, вылезая из-под пледа и шлепая к телефону. — Он у нас стеснительный. Да я ему все скажу, а про дело он знает.

— Все духи об этом деле знают? — удивился Кеша.

— А как ты думал? Конечно, все. И домашние, и уличные...

— Есть и уличные? Это кто же?

— Познакомишься еще, — сварливо сказал Кинескоп, снял телефонную трубку, подул в нее: — Говорун, ты? Да отключи ты этот гудок, мешает ведь... Ты вот что, работать начинай. Ну да, по тому делу. Послушать этих хануриков надо. Почему одного? Ах, у Витьки телефона нет... Значит, тебе полегче. И так не тяжело? Знаю-знаю, не для себя работаешь... Только непрерывно слушай. Сейчас-то он дома? Ага, дома, говоришь... Ну, вот и слушай. Как что услышишь, тут же сообщи... Правильно! Подключи Водяного. Ну, звони. Привет.

Кинескоп аккуратно, тихонько так опустил трубку на рычаг, обернулся:

— Порядок. Ни одного разговора не пропустит.

— А если Витька не станет звонить? — заволновался Геша. — Если он к Сомову так придет, в гости?

Кинескоп усмехнулся хитренько:
— Все продумано. Говорун Водяного к делу подключил.

— Кто это — Водяной?
— Дух водопровода. Он на Витьку давно зуб имеет. Халтурщик ваш Витька. Водопроводную систему в полном беспорядке содержит. Водяной еле-еле справляется.

— Витьке не до того, — сказал Рыжий, и на этот раз — именно Рыжий, потому что с клубничкой. — Витька у Сомова деньги зашибает.

А Красный — с вишенками — ничего не сказал, а только захихикал.

Кеша подумал, что Витька может не позвонить Сомову сегодня. И завтра может не позвонить. И, вообще, всю неделю.

— А если... — начал он, но Кинескоп уже все понял.

— Не бойсь, — сказал он. — Позвонит или зайдет всенепременно. Они сегодня после домино сговаривались созвониться. Может, сейчас и позвонит.

И они стали ждать,

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

О чем спросить инопланетянина?

...Прилетев на далекую Ломерею и готовясь вступить в контакт с высокоразумными ее обитателями, земляне оказываются в затруднении. Как начать этот самый контакт, какой вопрос задать первым — серьезный, важный, интересный, достаточно глубокий, чтобы не прослыть «миробляями»?..

Герои рассказа С. Другаля «Реабилитация» («Уральский следопыт», 1978, № 10), немало поломав головы, остановились в конце концов на таком вопросе:

— Знаете ли вы, что такое сказка?

А изобретательные, находчивые, неистощимые на выдумку любители НФ, которым мы предложили задать свой вопрос инопланетянину?

ЧТО ПРИДУМАЛИ ОНИ!

Придумали — многое. В редакцию поступили даже письма, в которых читатели, войдя во вкус соавторства, предлагают свои варианты заключительной части рассказа. Так, в «колончанин», присланном шестиклассницей из Баку Ирадой Абдулаевой, выясняется, что земляне — прямые потомки ломерейцев, некогда заселивших нашу планету, систематически наблюдавших за развити-

ем нашей цивилизации и с нетерпением ожидавших выхода землян в Большой Космос...

Что же до вопроса... Подавляющую часть наших читателей, как и следовало ожидать, волнуют проблемы морально-нравственного характера.

«Знаете ли вы, что такое любовь? — так прозвучал бы мой вопрос, — пишет москвич Алексей Киселев. И поясняет: — Над этим вопросом у нас на планете думали веками, но точного ответа на него нет и не будет, потому что любовь — это самое лучшее, что дано человеку. Любовь нельзя втиснуть в узкие рамки определения... Инопланетным братьям этот вопрос сказал бы о нас много: мы не сугубо техническая цивилизация, техника не убила в нас интерес к жизни, иначе нас не интересовал бы данный вопрос, иначе мы, может быть, даже написали бы математическую формулу любви...»

С А. Киселевым согласны многие наши читатели. По-разному, каждый по-своему мотивируют они правомерность своего вопроса. Так, читательница из Молодечно пишет, что «если есть любовь, значит, есть гуманность, отзывчивость, доброта, ласка... Значит, нам будет легче понять друг друга... Пусть это одни эмоции, но я думаю, они останутся на уровне дукотронном уровне развития. И не известно еще, что успешнее окажется для контакта — чувства или знания...»

Своим путем к тому же вопросу пришла и Лариса Обухова (Карпинск Свердловской обл.): «Долго я думала, ведь не хочется быть «мироблем», да и вопрос нужен не то чтобы хитрый, но умный... И вот совсем неожиданно мне его подсказала моя мама, просто, одним своим присутствием подсказала. Ведь я ее очень люблю, и она мой самый первый друг... Так вот, я бы обязательно спросила братьев по разуму: «А знаете ли вы, что такое любовь и доброта? Задумывались ли вы над этим?» Как видите, получилось два вопроса, но ведь в них один стержень, одна главная мысль...»

Та же — самая главная! — мысль сквозит и в письмах, авторы которых спрашивают инопланетян: знаете ли вы, что такое дружба? что такое мир? что такое счастье? «Они бы ответили, и мне стало бы ясно, какие они — миролюбивые или враждебные. Если миролюбивые, тогда можно с ними входить в контакт... Вот, так и думаю, — делится с нами восьмиклассница Галина Скорнякова (с. Зирган, Башкирия).

Читатели предлагают проверить, известно ли инопланетянам чувство юмора (Александр Толокнов, 7 кл., г. Семенов Горьковской обл.). Спрашивают: есть ли у них фантастика? Выясняют: как началась и как раз-

вивалась их цивилизация (Марина Ершова, 8 кл., Челябинск). Интересуются: что они называют отдыхом и работой (Максим Незельский, 6 кл., Свердловск)? Задают загадки: что это такое, например, — сто одежек и все без застежек (Ольга Нестерова, г. Миньяр Челябинской обл.)?.. Просят дать определение разуму...

«Меня интересует иная ветвь обмена информацией при контакте. Я бы спросил: «Имела ли место в практике контактов встреча с чем-то большим, чем Разум?» Я имел в виду именно нечто большее, стоящее выше Разума, — Разум в квадрате, в иных масштабах, может быть, в иных измерениях...»

Автором этого письма, 19-летним Станиславом Горбуновым (Пермь), явно движет всепоглощающая страсть к знанию — полному, исчерпывающему знанию... А поклонники искусства?.. Есть и они среди наших корреспондентов.

«Этот вопрос просто измучил меня, — признается Таня Литвинова, восьмиклассница из Новосибирска. — Но вот, наконец, я все же нашла ответ... Я предложила бы инопланетянам послушать музыку, в которой бы отразились все основные чувства (радость, грусть, любовь и т. д.) и качества (доброта, справедливость, гуманность) человека. А затем спросила бы, знают ли они, что это такое, и как поняли они смысл этого музыкального произведения...»

И, наконец, еще одно письмо, придающее иной поворот нашему обмену мнениями:

«Считается, что именно мы очень сильно переживаем одиночество нашей разумной жизни во вселенной, а другие цивилизации, если они, конечно, есть, нисколько об этом не волнуются. А может быть, их волнует это еще больше, чем нас, и они тоже ломают голову над первым вопросом? И потом, почему мы должны задать первый вопрос? Может быть, нам придется отвечать? Я считаю, что ответить будет совсем не легче...»

Трудно не согласиться с Г. Прозоровым из Бийска: отвечать будет совсем не легче...

Что ж, реальные земные космонавты, надо полагать, вступят в контакт с инопланетным разумом не сегодня и не завтра; будем надеяться, человечество успеет всесторонне подготовиться к этому торжественному моменту своей истории. В том числе — успеет выбрать самый-самый... вопрос, одновременно и простой, и сложный, — с которого не стыдно будет начать высокую беседу...

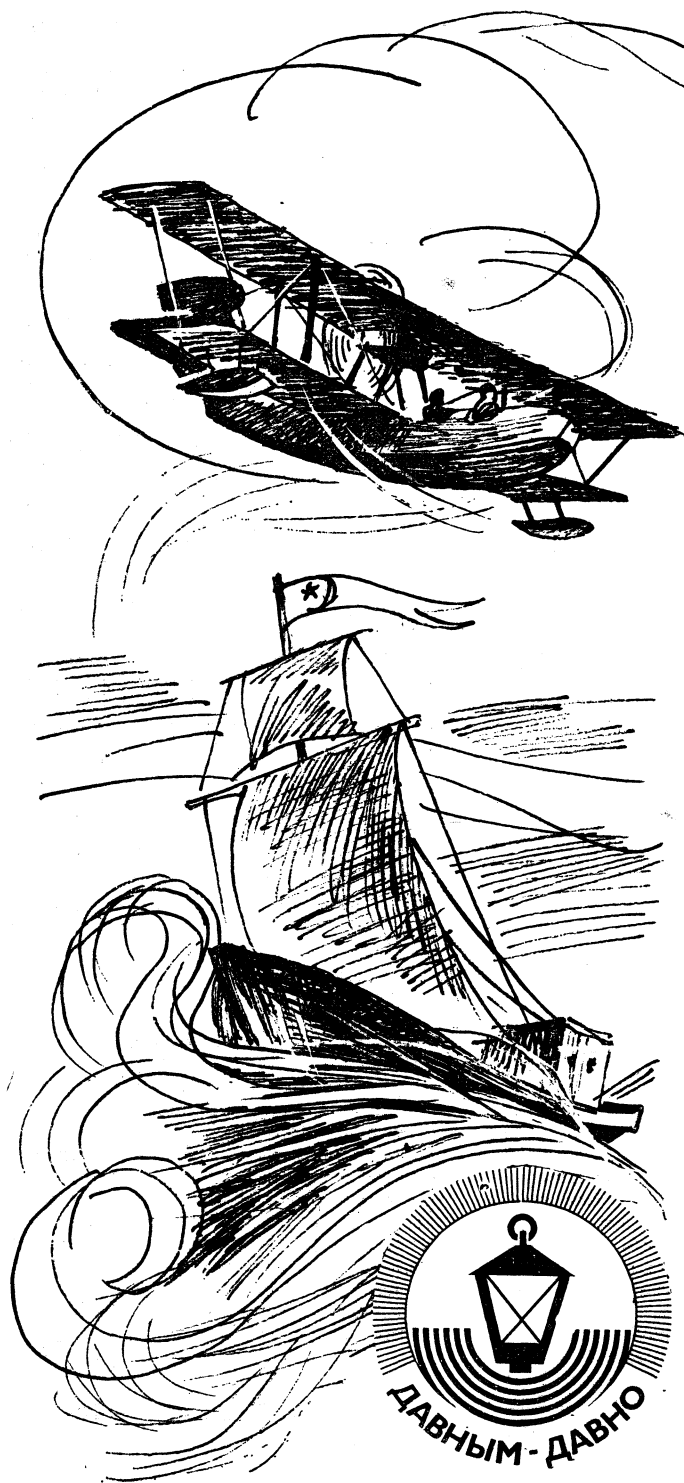

АБОРДАЖ

С НЕБА

**Анатолий
ГРИГОРЬЕВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Монотонное шипение морской воды, рассекаемой могучим телом авиаматки, неожиданно смолкло. «Прибыли на место — пора одеваться!» Лейтенант Сергеев поспешно облачился в летное обмундирование. Эта быстрота объяснялась тем, что сегодня ему предстояло очень интересное задание.

Задание было относительно простое, но в нем содержалась небольшая изюминка — предстояло обследовать озеро, на котором предполагалась стоянка вражеских гидросамолетов.

На палубе «Александра I» уже приступили к спуску гидропланов: вовсю журчали стрелы Темперлея, плевались паром лебедки, споро, но без суеты, хлопотали матросы, стараясь без повреждений спустить хрупкие деревянные аппараты. Чуть раньше самолетов были спущены на воду катера и шлюпки.

Но вот наконец лейтенант Сергеев и авиационный унтер-офицер Тур заняли свое место в гидросамолете.

— Как машина?

— В полном порядке, ваше благородие! Можно хоть к Константинополю слетать!

— Сколько раз тебе можно повторять одно и то же? Когда мы наедине, зови меня по имени-отчеству. Тем более в воздухе. Здесь же нет ни нижних чинов, ни ваших благородий. Здесь мы товарищи!

Тур — великолепный механик, но Сергеев всегда сам проверяет машину перед вылетом — лишняя проверка никогда не помешает. Еще свежи впечатления от гибели на скоростной летающей лодке штабс-капитана Энгельса, погибшего из-за того, что кто-то подпилит тросы управления его аэроплана. Если бы проверил машину, остался бы жив!

Сергеев доволен своей «девяткой» — она в тот момент чем-то напоминала ему хорошо отрегулированные часы. Мотор, прогреваясь, гудит ровно, без перебоев, на положенной ему ноте.

Сергеев прибавляет газ — машина начинает постепенно набирать скорость. Вот летающая лодка вышла на редан — самый ответственный момент в управлении морской машиной: неверное движение ручкой — и от аппарата останется лишь жалкая кучка поломанных деревяшек.

Неожиданно пенистый след, остающийся от стремительно мчавшегося по воде самолета, обрывается — обрывается в том месте, где пилот устремил летающую лодку в небо.

Тур расчехляет «Гочкис», заботливо укрытый от

брызг; из-за этих вроде бы безобидных капелек пулемет может отказать в бою. Правда, у летчиков на борту есть винтовка и два револьвера, но ими от вражеских самолетов не отобьешься. Затем Тур перебирается на сиденье рядом с пилотом.

Экипаж гидросамолета «М-9» состоит из трех человек. Третий — лейтенант Кньюфер, летчик-наблюдатель, которого Сергеев по возможности старался не брать в боевые полеты. Во-первых, лишний груз, во-вторых, механик мог его великолепно заменить. В море и в воздухе всегда может случиться непредвиденное, когда требуется умение что-либо сделать, а Кньюфер был превеликим специалистом лишь в области преферанса и швартовки к особам женского пола.

Сергееву и Туру предстояло фотографировать побережье от входа в Босфор до озера Деркос, обследовать озеро и сбросить бомбы на батарею у мыса Кара-Бурну.

Денек выдался преспокойный. Ни тумана, ни малейшей дымки — видимость великолепнейшая! Вот и турецкий берег. Сергеев старался набрать большую высоту, но «девятка», под завязку набитая топливом и бомбами, упорно не желала лезть выше тысячи метров. А высота была ох как нужна: на большой высоте безопасны зенитки противника, и в случае повреждения можно дотянуть до воды и благополучно совершить посадку.

Пока все идет нормально, как будто это не боевой полет, а самый обычный тренировочный. Тур через равные промежутки времени нажимает грушу фотографического аппарата и на карте отмечает места обнаруженных вражеских объектов. Но вот летящая лодка приблизилась к мысу Кара-Бурну, где находилась батарея. Не первый день она портит нервы русским морякам, несущим дежурство на миноносцах и подводных лодках у Босфора. Сегодня представился подходящий случай отплатить туркам.

«Девятка» снижается на высоту 400 метров. Тур начал сбрасывать бомбы. Увлечшись бомбометанием, летчики решили пойти на второй круг, как вдруг Сергеев обнаружил, что в верхних баках совсем мало горючего. Тур стал подкачивать топливо ручным насосом. Результата никакого. Сергеев оглянулся назад, предполагая, что не работает ветрянная помпа, качавшей бензин из основного бака в расходные, — нет, ветрянная вращается, как обычно, а помпа не работает.

Делать нечего — надо немедленно идти на посадку! Но вот осложнение: садиться приходится у самого турецкого берега. На помощь своих рассчитывать нечего: от кораблей летчиков отделяет несколько линий минного заграждения. Да и далеко свои — не заметят самолета на воде.

На воде моряки обследовали лодку и сразу установили причину случившегося — во время бомбежки их обстреляли из пулемета. Несколько пуль пробили днище лодки, одна из них продырявила главный топливный бак. Тур показал на дырку в баке:

— Наше счастье, Михаил Михалыч! Ведь если бы загорелись — тогда конец!

Мастер на все руки, Тур быстро изготовил несколько деревянных пробок и заделал в днище пробоины от пуль. После этого он занялся мотором. Сергеев же прикинул на карте место, где они сели:

— До своих далековато, а турки вот они — совсем рядом... Что же тут делать? Сдаваться в плен? Ну уж нет!..

Невеселые раздумья Сергеева прервал голос Тура: — Михаил Михалыч, все в порядке! Эх, если бы еще бензину побольше. А так!..

— Слушай, Иосиф, а может, все-таки подлетнуть? Ведь сверху виднее, что делать. Может, кто и из своих заметит?

Морская машина делает стремительный разбег и очень быстро оказывается в воздухе — благо она стала намного легче без бензина и бомб.

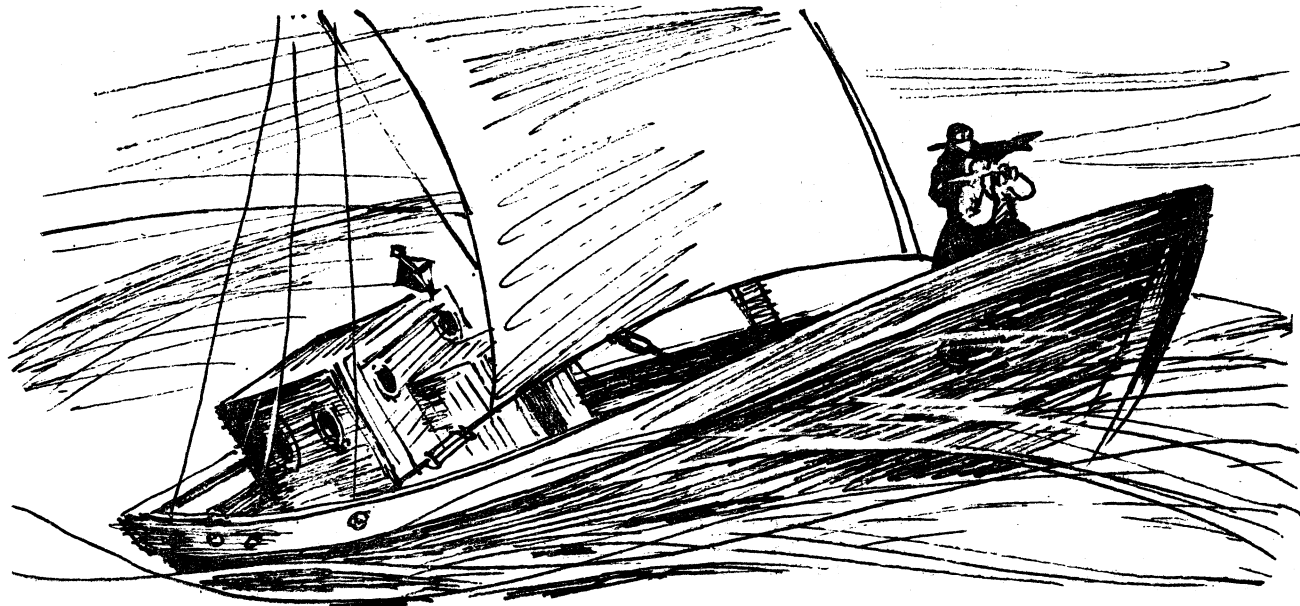
Видимость по-прежнему отличная, но в своей стороне ни дымка, ни паруса — одна водная гладь. А в чужой!..

— Что это? — Рука Сергеева опускается на плечо Тура. Он указывает на светлое пятнышко на горизонте.

— Парус, ей-богу, парус! — Тур в радостном возбуждении старается перекричать гул мотора.

— Чей парус? Ясно, что турецкий! Шхуна вроде небольшая... А что, если попробовать... Была не была — пойдем на абордаж!

Послушный твердой руке пилота, гидросамолет устремился к вражеской шхуне. Вот она! Сергеев делает над парусником круг. Тур, разгадавший намерения своего командира, перебрался в носовую кабину и застыл у пулемета, выжидая условного знака.

— Пора! — Сергеев делает утверждающий жест рукой. — С богом! Давай!

Тур дает три короткие очереди. Для турок на шхуне они как гром с ясного неба. Моментально четыре турка в красных фесках задирают руки к небу. Сообразив, что русскому аэроплану еще нужно время для посадки, они проворно перескакивают на шлюпку, привязанную к корме, и бросают шхуну на произвол судьбы. На их счастье, берег совсем недалеко. Русских моряков этот вариант вполне устраивал.

«Девятка» подрулила к корме шхуны. Без особого труда летчики перебрались на борт. Гидроплан надежно закрепился за кормой, за тот самый рым, на котором до этого находилась шлюпка.

Моряки осмотрели все помещения шхуны — никого! Тур стал снимать и переносить с гидроплана ценные принадлежности и вещи, а Сергеев обследовал состояние парусов и такелажа. Все оказалось в идеальном порядке.

— Что ж, Иосиф, нет мотора — так паруса спасут!

— Это правильно, только компас следовало бы свой поставить. Турецкий, похоже, показывает, почему фрукты на константинопольском базаре.

И вот удивительная штука! Как только моряки поставили на нактоуз свой трехдюймовый магнитный компас, так шхуна показалась им родной и знакомой. Картушка показывала морякам — норд. Норд — это свои берега, Севастополь, своя гидробаза!

Моряки обследовали шхуну еще раз — есть ли на ней какое-либо продовольствие? Обшарили все уголки. Видно, турки не рассчитывали на долгое путешествие: удалось найти лишь несколько маленьких хлебцев, кофе, табак, спички и бочонок с пресной водой. В общем, на борту было необходимое для плавания. А вот идти-то шхуна не могла: паруса бессильно обвисли, поскольку на море воцарился мертвый штиль.

Настроение моряков было не из лучших — уйти от берега нельзя! А если придут турки за своей шхуной? Что тогда? На всякий случай Сергеев и Тур заняли оборону, приготовившись встретить нежеланных хозяев. В томительном ожидании прошли остаток дня, ночь, наступило утро, но никто не появлялся: ни русские, ни турки. Не появился и ветер.

Гидросамолет за кормой все больше погружался в воду. Она стала подступать к нижним плоскостям.

— Часиков в пять подует бриз, и мы уйдем отсюда. А пока будем ждать. Главное сейчас — это терпение! — успокаивает Сергеев Тура, который немножко нервничает.

— Ждать-то можно, Михаил Михалыч, только бы знать, чего?

Действительно, точно во время, указанное Сергеевым, поднялся ветер, и шхуна ходко пошла на желанный норд. С «девяткой» пришлось расстаться — она набрала столько воды, что буксировать ее не имело смысла.

Ветер оказался милостивым к людям, попавшим в беду, и старался изо всех сил доставить парусник к русским берегам. Хороший ход радовал моряков — они даже стали строить планы о том, как войдут на шхуне в родной Севастополь и как все удивятся, увидев их живыми и невредимыми. Дома наверняка их сочли погибшими, и отец Седифон успел отслужить по этому случаю молебен за упокой души рабов божьих — Михаила и Иосифа, представившихся 12 марта 1917 года.

Но за розовыми мечтаниями моряки упустили из виду, что в марте Черному морю доверять нельзя. На третий день плавания, часа в четыре дня, ветер, все время дувший в корму, вдруг резко сменился и задул с норд-веста. На горизонте в том же направлении невесть откуда появилось небольшое зловещее облако. Сергеев, проплававший до того на кораблях семь лет, сразу понял: быть беде!

С каждой минутой ветер крепчал, а вместе с ним все выше поднимались волны. Одному уже было невозможно совладать с рулем. Чуть позже управление шхуной стало не под силу и двоим. Небольшая задержка в управлении при резких шквалистых порывах ветра могла опрокинуть

судно. Тогда Сергеев решил отдаться на волю волн, за лечь в трюм и тщательно задрать за собой люк. Спускать паруса Сергеев не стал — после бури, ослабевшим, им было бы не под силу их поднять. Так моряки и поступили, и как только они улеглись в трюме, так сразу же и уснули под качку и шум волн.

Наутро ветер заметно приутих. Вокруг, сколько ни смотри, ни дымка, ни паруса — одна бесконечная морская стихия. Тур и Сергеев стали поочередно нести вахту: на руле, не отклоняясь от курса «норд».

Тем временем скромные харчи катастрофически уменьшались. Как ни пытались Сергеев и Тур экономить продукты, на седьмые сутки на борту парусника не осталось ни куска хлеба, ни глотка питьевой воды.

...Утром следующего дня скитальцы были у своих. Начальник пограничной стражи, наряд которой обнаружил шхуну у берегов, сразу дал телеграмму о том, что летчики нашлись. Его исключительное гостеприимство и предупредительность объяснялись тем, что, когда шхуна подходила к берегу, пограничники постреляли по ней из винтовок.

Вечером следующего дня шхуна на буксире эсминца «Громкий» входила на Севастопольский рейд, где стояла вся черноморская эскадра. На мачте шхуны, захваченной моряками, развевался маленький андреевский флаг — подарок командира эсминца. Уже через полчаса морские летчики попали в крепкие объятия своих друзей и сослуживцев.

Через день, на банкете, устроенном в честь лейтенанта Сергеева, впервые в мире осуществившего абордаж с неба, было много друзей. Они прочили Сергееву светлое будущее и необыкновенную карьеру. И не ошиблись! Ровно через четыре года лейтенант М. М. Сергеев стал первым командующим красным воздушным флотом Черного и Азовского морей.

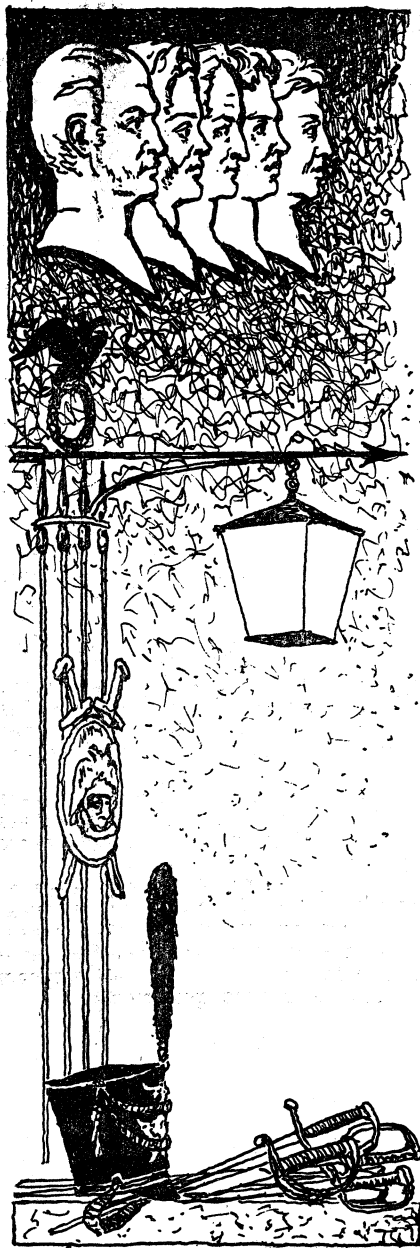
Абордаж с неба — всего лишь один эпизод из интереснейшей биографии М. М. Сергеева, отличного моряка, великолепного летчика, талантливого инженера и ученого, о котором есть что рассказать. Многие ему пришлось пережить и сделать, но везде качества, выработанные им за годы флотской службы, помогали выходить из самых сложных ситуаций. Многократно М. М. Сергеев награждался правительственными наградами, но, пожалуй, самая большая награда для него — то, что один из островов архипелага Известий ЦИК носит его фамилию.

«ЗВЕЗДОЧКА»

Лилия
ДОБРИНСКАЯ

Рисунки
В. Бубенищкова

В Ленинграде, на набережной Макарова стоит прекрасное белоколонное здание с синим куполом на высоком барабане. Это Институт русской литературы. Чаше его именуют Пушкинским домом. Здесь хранятся все рукописи и автографы великого поэта, его библиотека, насчитывающая свыше трех с половиной тысяч томов. Есть в доме и необыкновенная комната — пушкинский кабинет, где на полках разложены прижизненные издания сочинений Пушкина, произведения его современников, газеты и журналы пушкинской поры.

Вот «Литературная газета» 1830—1831 годов. Имя издателя — Антон Дельвиг. «Никто на свете, — говорил Пушкин, — не был мне ближе Дельвига». Когда Пушкин был в ссылке, Дельвиг написал свое знаменитое стихотворение, положенное на музыку: «Соловей, мой соловей, голосистый соловей...» Современники утверждали, что под словом «соловей» он «разумел нашего бессмертного поэта». Пушкин часто печатался в «Литературной газете».

Жители Петербурга гордились тем, что живут в самом северном из крупных городов мира — Северной Пальмире. Журналы и альманахи любили называть: «Северные цветы», «Северная почта». Над невскими берегами на несколько градусов выше, чем в Москве, Париже, Риме, восходит по ночам блестящее светило Малой Медведицы — Полярная звезда. Так назвали свой альманах К. Рылеев и А. Бестужев. Был в этом названии и потаенный смысл. Полярная звезда — путеводная. Тот, кто следит за нею, не собьется с пути и достигнет цели.

Листы альманаха пожелтели, но не потускнели, не забылись прекрасные имена. Какие силы собрались тогда под этой «звездой»!.. Пушкин, Баратынский, Кюхельбекер, Грибоедов, Денис Давыдов, Крылов...

...К концу 1825 года события развивались с нарастающей силой. Восстание следовало готовить немедленно.

«Тактика революций заключается в одном слове: дерзай, и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других», — говорил Рылеев.

Вместо очередного номера «Полярной звезды» Рылеев и Бестужев решили издать маленькое приложение — «Звездочку». «Звездочка» разделила судьбу декабристов. Допечатать ее не успели. После восстания готовые экземпляры вместе с другими бумагами издателей «бунтовщиков» взяли жандармы. Арестованный альманах отправили на долгую «каторгу» — в темные подвалы военной типографии.

Прошло почти полтора столетия. И теперь «Звездочка» — передо мной... Как она спаслась от огня, как прошла невредимой через годы, как оказалась здесь, в пушкинском кабинете?

Небольшая книжечка на седой шершавой бумаге. Открываю первую страницу. Вверху — фамилии издателей: К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев. Ниже оглавление. Друг за другом идут известные имена авторов:

А. Бестужев. «Кровь за кровь», рассказ.

А. Пушкин. Отрывок из III главы «Евгения Онегина».

И. И. Козлов. «Княжне Зинаиде Александровне Волконской», стихотворение.

Я. И. Ростовцев. «Тоска души». Посвящение Е. П. Оболенскому, стихи.

П. Я. Вяземский. «Графине...», стихотворение.

Н. М. Языков. «Зависть гения», стихи.

Читаю и не могу сосредоточиться на них. Что так неотступно напоминает эта первая страница?..

Она вдруг предстает как титульный лист трагедии, которая скоро будет разыграна. Авторы — действующие лица. Время действия — декабрь 1825 года и далее. Место действия — Петербург, Москва, Кавказ, Сибирь...

Одни — герои — проявят себя высоко и сильно, другие не выдержат испытания четырнадцатого декабря. Скоро, уже скоро раздастся грохот

барабанов, и к зданию Сената первым выйдет Московский полк. Его приведут и построят в каре братья Александр и Михаил Бестужевы. Александр Бестужев вынет из ножен саблю и будет точить ее о гранит Медного всадника... В солдатские ряды встанет «Шиллер заговора» — Кондратий Рылеев. Площадь заволнуется, закричит: «Конституцию!» Но Николай I уже предупрежден о о восстании и собирает силы.

...Где Яков Ростовцев, подпоручик, недавно принятый в общество Евгением Оболенским? Он не придет. Ростовцев предаст товарищей, написав донос императору, и тот сможет многое предпринять.

Почему, когда версталась «Звездочка», Рылеев не задумался над стихами «Тоска души»? Сейчас, когда читаешь их, так ясно видится — они пахнут изменой: «Прикованный к земле с заснувшею душой, стоюпоу тяжкою влекусь я за толпой», «без цели, без препон, без мук, без наслаждения...»

Но благородный Рылеев не мог и допустить такой мысли. О нем недаром говорили: «Кондратий все видел в радужные очки своей прекрасной души».

Ростовцев посвятил свое стихотворению тому, кого он называл другом, — Оболенскому. Как действовал он?

Назначенный начальником штаба восстания, ранним утром 14 декабря, еще в темноте, поручик Оболенский несколько раз обедеет Измайловский, Финляндский, Семеновский, Егерский полки — те, на выступление которых надеялись. Но поздно, поздно! Царь приказал закрыть ворота, и солдат не выпускали из казарм. Поручик в бешеной езде загонит лошадь. Торопясь пешком на площадь, у Александровского сада Оболенский увидит Ростовцева и ударит его в лицо...

Ожидая диктатора, начальник штаба выделит для охраны каре патрульную цепь, штыком ранит губернатора Милорадовича, и Николаю I сообщат: «Оболенский предводительствует толпой!» Участники восстания за час до картечи, до разгрома единоголосно изберут его диктатором вместо неявившегося Трубецкого... И он согласится.

Он начнет искать выход и найдет его. Отдаст приказ восставшим полкам: «Идти за шинелями в ка-

зармы!» Еще минута, и полки тронутся с места, в движении по улицам родится новый энтузиазм, пристанут новые участники... Поздно! Грянет картечь...

А потом на Кронверкской куртине Петропавловской крепости будет повешен, сорвется и, вопреки древним обычаям о милосердии, снова повешен издатель «Звездочки» Кондратий Рылеев.

Пушкин в Михайловском склонится над рукописью «Евгения Онегина». Но работа не спасет от тяжелых дум. Рука на полях все будет чертить и чертить профили Пестеля, Рылеева, Пущина, Кюхельбекера...

Лето 1826 года выдалось жарким. Под Петербургом горели леса. Солнце вставало сквозь дым, как обгорелая головня. В душную ночь ворота крепости выпустили черную повозку. Второго издателя — А. Бестужева везли в новую тюрьму. Позже он стал любимым, популярнейшим писателем, известным под псевдонимом Марлинский...

В деревню к Пушкину приехал Николай Языков. С волнением говорили поэты о судьбе декабристов, о будущем России.

Рылеев умер, как злодей!
О, вспомни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей! —
написал тогда Языков.

Но это последние вспышки юношеского вольномыслия. Автор известной песни «Нелюдимо наше море» впоследствии громогласно простится с «заблуждениями» молодости и получит репутацию воинствующего мракобеса.

21 декабря 1826 года Мария Волконская получила от императора пакет. Она сорвала печать и прочла письмо, позволявшее ей следовать в Сибирь за мужем, «государственным преступником» Сергеем Волконским. Вся семья и в особенности отец, генерал Николай Раевский, старались отговорить двадцатилетнюю женщину от этого шага. Однако дочь героя Отечественной войны 1812 года, правнучка Михаила Ло-

моносова получила прекрасные наследственные качества: твердую волю и стойкость в решениях.

Она уехала в ту же ночь. «Перед отъездом я опустила на колени перед колыбелью моего ребенка, — писала она потом в воспоминаниях, — этот вечер он провел близ меня, играя печатью письма, которым мне разрешалось ехать и покинуть его навсегда. Его забавляла эта большая печать из красного сургуча...»

В Москве Мария Николаевна остановилась у своей невестки. Зинаида Волконская, талантливая певица, композитор, устроила прощальный вечер. Пели известные певцы. «Еще, еще, — просила Мария Волконская, — подумайте, что никогда более не услышу музыки!»

В тот вечер там был Пушкин. Он сказал ей: «Я намерен писать труд о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, последую дальше и явлюсь к вам в Черчинские рудники просить пристанища...» Он не приехал, туда пришли его стихи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Пройдет еще несколько лет. 29 января 1837 года Александр Пушкин погибнет от дуэльной раны.

Гроб с телом поэта ночью, чтобы избежать народных проводов, увезут в Михайловское. «С Пушкиным точно то, что с Пугачевым, — с негодованием отметит друг поэта П. Вяземский, — которого память велено было предать забвению.»

А 7 июня 1837 года странно исчезнет Александр Бестужев...

После ссылки его определили рядовым в Абхазию. Тогда этот отрезок Черноморского побережья называли гробовым местом, «отечеством лихорадок». Он принимал участие в военной экспедиции. Утром на фрегате «Анна» перед высадкой десанта на мыс Адлер Бестужев составил духовное завещание. После сражения тело его не нашли. И долго еще держался легендарный слух, что автор романтических повестей жив и сражается на стороне горцев.

В Гарге построили высокую башню стратегического значения, известную под именем «башни Марлинского». В ущелье реки Жюквары и сейчас видны ее развалины...

И снова пройдут годы. Умрет Николай I, «наш приятель», «Никс», как саркастически называли царя участники восстания. Кончится проклятое царство.

В 1856 году вернутся из ссылки декабристы. Те, кто выжил. В Сибири и на Кавказе осталось столько могил!.. В Петербург приедут на время (бывшим ссылным жить в столице запретили) Е. Оболенский, Г. Батеньков, И. Пущин. И общество будет поражено их независимым поведением. Начальник корпуса жандармов сообщал новому императору, что декабристы, «несмотря на столь продолжительное отчуждение от общества, не выказывают никаких странностей, ни унижений, ни застенчивости, свободно вступают в разговор, рассуждают об общих интересах, которые, как видно, никогда не были им чужды...»

Старый Вяземский, давно растерявший свои прежние революционные убеждения, ревностно служивший самодержавию, раздраженно изрек: «Ни в одном из них нет и тени раскаяния... Для них и после тридцати лет не наступило 15 декабря».

Яков Ростовцев, чья карьера после доносов взметнулась, к этому времени стал важной персоной — сенатором. Сохранился портрет, написанный Крамским. Обычный заказной парадный портрет. Грудь еле вмещает орден и регалии. Но художник заметил (а, может, специально усилил) беспокойное выражение набрякших глаз.

Сенатора не любили. Он знал об этом. За спиной называли Иудой. Его не уважали собственные сыновья, всю жизнь тяжело влачившие крест отповской измены. Огненный Герцен громил в «Колоколе» прошлое и настоящее предателя.

Ростовцев предпринял дальнюю поездку в Калугу, где жил Оболенский, чтобы оправдаться, выпросить прощение. И княгиня Оболенская (недавняя сибирская крестьянка) простодушно удивилась, глядя, как увешанный орденами вельможа заискивал перед старым князем, ее мужем.

Оболенский, не согнутый ссылкой, сохранил декабристскую закваску. Он был последним, оставшимся в живых из тех, чьи имена стояли на первом листе маленького альманаха.

А «Звездочка» все еще отбывала свою каторгу. Может быть, о ней забыли, как царь забыл о декабристе Г. Батенькове, который, будучи осужден на пятнадцать лет каторги, просидел в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости двадцать лет. За это время он разучился говорить. Когда об узнике вспомнили, то... отправили в Сибирь, хотя срок наказания давно истек.

Бывшие декабристы стали свидетелями волнующих событий. По ночам на стенах домов кто-то расклеивал листовки: «Декабристы, вставайте, ваше время начинается!»

На 14 декабря 1861 года ожидали студенческих демонстраций. Молодые люди собирались служить торжественные панихиды по декабристам. Но священники, предупрежденные жандармами, отказывались от поминовения имен Кондратия, Павла, Сергея, Михаила и Петра.

И еще один современный пушкинской поры включается в обсуждение происходящего. Голос его слаб, едва слышен, но потомки узнают этот голос!

...Она уже состарилась — знаменитая Анна Керн, пленительная красавица, которая когда-то любила появляться на балах в зеленой изящной коронке, украшенной волшебным цветком папоротника. Анна Керн, которая вдохновила Пушкина на изумительное стихотворение. Она состарилась, но ничего не забыла и не потеряла живого интереса к происходящему. Годы умудрили ее, многое оценивалось иначе, чем прежде.

В 1861 году Анна Петровна писала из Петербурга московским знакомым: «Вчера, 14 декабря, прочитала в газетах, что в 8 часов утра на площади близ Мытнинского рынка будет объявлено решение суда бедному Михайлову...»

М. Л. Михайлова арестовали за распространение прокламации «К молодому поколению». Прокламация призывала вести революционную агитацию в народе и в армии, готовясь к великому делу за демократическое переустройство, а если нужно — и к славной смерти за спасение Отчизны.

«Думала ли я, что доживу до такой безобразной обстановки? — писала Керн. — Я ненавижу его (импе-

ратора Александра II.— Л. Д.)... Горе тому, кто не найдет в себе способность ненавидеть.»

Именно тогда, в 1861 году, и вспомнили о «Звездочке». Но не затем, чтобы помиловать, а затем, чтобы казнить.

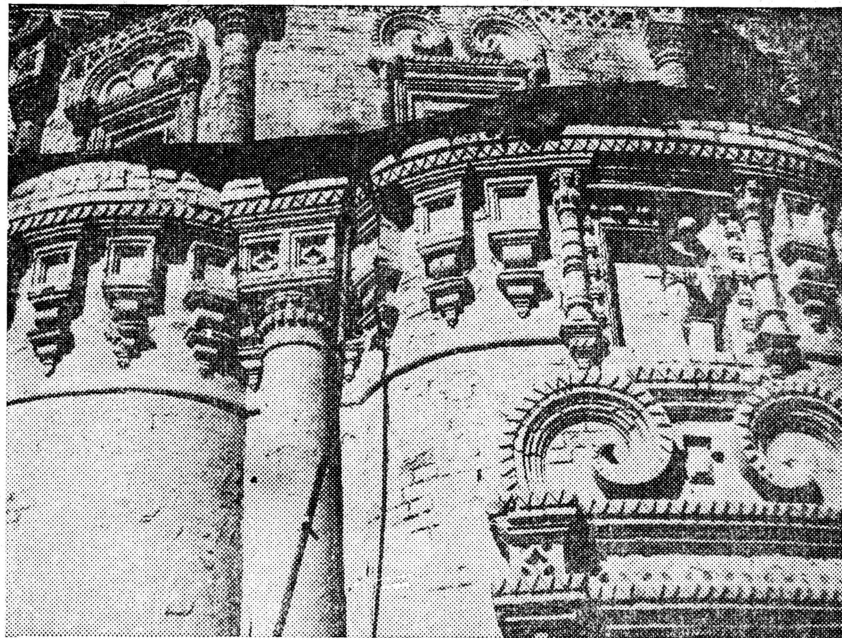
Жандармы, посланные в кладовые военной типографии, выбросили из подвалов тюки с книгами. На дворе разожгли костер. Маленькие книжки горели трудно. Огонь пожирал их сначала изнутри. Отсыревшие обложки выпукло гнулись, резко обозначая заглавие — «Звездочка»...

Однако сгорело не все издание. От книжного аутодафе уцелело два экземпляра. Их разными путями спасли ученый библиофил П. А. Ефремов и поэт А. Н. Креницын. Теперь обе книжки хранятся в Ленинграде. Одна принадлежит публичной библиотеке, другая — Пушкинскому дому.

Судьбы книг похожи на людские судьбы. «Звездочка» прошла много испытаний, она миновала руки палачей и дожила до наших дней, чтобы стать памятью о бескорыстных, благородных людях, боровшихся за свободу Отечества.

Ленинград

ТЕПЛЫЙ КИРПИЧ

**Евгений
ШЕРСТОБИТОВ**

Фото автора

Издавна житель зауральского города Далматово, беря на руки новорожденного крепыша, одобрительно кричал: «Эк-к ты, как монастырский кирпич!» И расцветала в улыбке мамаша, ибо не было в этих краях емче определения.

Никто, конечно, не взвешивал на одной руке младенца, а на другой кирпич. Веками любясь крепостными стенами, башнями, замысловатым узорочьем зданий, люди извлекли из своего города образ, которым определяли самое дорогое — свою кровиночку.

Чуткому сердцу все дорого: и песчинка малая имеет свою историю с триумфами и трагедиями, а уж рукотворный кирпич... О нем и пойдет речь — об обыкновенном, на скупающий взгляд, далматовском кирпиче.

Тобольский служилый человек, дворянин — так его позднее назовут летописцы — Дмитрий Иванович Мокринский, принявший в иночестве имя преподобного Далмата, вынужден был рубить на Белом Городище со своими сподвижниками первые жилые и культовые сооружения из

доброго кондового леса. Все понимали, что стоять им недолго. Калмыки, «хищные степей скитальцы», неоднократно сжигали монастырское поселе.

Но что было делать? В середине XVIII века нелегко было развернуть каменное строительство. В 1643 году, когда сибирская столица Тобольск почти полностью выгорела, там только настраивались на производство кирпича. А тут Белое Городище — по тем временам даль далекая, край активного кочевья.

Переживая пожар за пожаром, вновь и вновь отстраивая деревянный монастырь, Далмат исследует близлежащие земли, чтобы в будущем найти сырье для кирпичного завода. Глины кругом в обилии, известняк нашли на Камышенке, притоке Исети, бутовый камень под фундаменты разыскали вверх по другому притоку, речушке-тихоне Течи. Уже в 1680 году на реке Железенке монахи имели собственное горное дело. (В наши дни на этом месте стоят металлургические предприятия Каменска-Уральского).

Работа шла полным ходом, однако старец Далмат так и не дождался первого кирпича, хоть и ото-

шел в иной мир на 102-м году жизни. Завершил всю подготовку и начал строительство его сын Иван Дмитриевич, в иночестве Исаак, сменивший отца на поприще монастырской главы.

Архимандрит Исаак и наместник иеромонах Василиид заключают договор с подмастерьем Иваном Борисовым «по реклу Сорока... опытным в каменном деле тюменцем».

Стерся в преданиях поколений далматовцев облик первого в здешних местах мастера-строителя. Уже никто никогда не будет знать, каким он был: рыжим или черным, как говорил, пел ли, кого и что любил. Осталось только имя да сухие строки монастырских документов о том, что Ивану Борисову вменялось в обязанность возвести каменный собор.

В те времена стены клали не на 50 или 100 рассчитанных по сопрома-ту лет. Строили навсегда! Мастера держали отчет не только перед заказчиком и все замечающим людом, но и перед загадочным и всемогущим Богом, не позволявшим вилить совестью. Нужно в раствор для крепости яичко? Какой может быть разговор — куры несутся! Нужна для кирпича особая глина? Отыщем! Нужен для доброго фундамента самый сухой участок? Расстелем овчины, терпеливо подождем: какие из них меньше отсыреют — там и забьем первый колышек. А что касалось красоты, то уж тут народ извлекал из своих глубин самое-самое: все, что когда-либо знал, умел, видел.

Иван Борисов был зодчим, как мы сегодня сказали бы, высочайшей квалификации. Мастер был взят полностью на монастырский кошт, и его работа, кроме этого, щедро оплачи-

валась. Однако один в поле не воин. Борисову нужны были помощники и не первые попавшиеся, а единомышленники, до тонкостей знающие дело.

Ранней весной 1706 года по его приглашению из дальних мест, что уже само по себе говорит о серьезности выбора, съезжаются в монастырь посадские люди городов Верхотурья и Соли Камской Никифор Потемин, Алексей да Василий Черкаловы — специалисты по выделке кирпича. 18 марта они заключают с Исааком договор «...в том смысле, чтобы кирпич, в длину 8, в ширину 4, в толщину 2 вершков, обожженный в монастырских сараях, на месте готов был к сдаче не позже 1 октября...»

И вот «при пашенном логу в 3 верстах от места постройки» под руководством Ивана Борисова началось производство первых далматовских кирпичей.

Ученые утверждают, что однажды обожженная при тысячеградусной температуре смесь песка и глины претерпевает необратимые превращения. Это настоящий камень. Даже если кирпич размолоть и поместить в воду, все равно его крошево никогда не вернется в первоначальные глину и песок.

Два года накапливались в аккуратных штабелях новехонькие, зелено-красного цвета звонкие кирпичи.

Созданный в монастыре в 1706—1707 годах кирпич уже больше никто и никогда в этих краях не повторил. И дело не столько в его отменном качестве, сколько в изумительном каменном узорочье. Ведь это узорочье собрано из многих тысяч специально формованных кирпичей самой разной конфигурации и орна-

мента на гранях, каждому из которых по замыслу было уготовано в кладке строго определенное место.

Итак, закладка фундамента Успенского собора и выделка кирпича были закончены к концу 1707 года. В апреле следующего года, по предварительной договоренности, в монастырь из Соликамска приезжает бригада мастеров-каменщиков: Емельян Гульков, Антон Зубов, Миной Полескин, Михаил Цаплин, Сысой Агафонов, Даниил и Роман Громыхаловы.

12 лет продолжалось строительство Успенского собора Далматовского монастыря. Это значит, зодчий успевал за свою жизнь построить три-четыре равных по масштабу и отделке здания. Можно понять поэтому силу его творческого вклада, ибо любое сооружение зрелого мастера могло стать последним. Ничего, кроме славы, не оставлялось «на потом», существовало только самоотверженное «сейчас».

Штабель за штабелем кирпичи укладывались на свое вечное место, и вместе с этим в их бытии происходило интересное превращение. Если до кладки они имели «свое лицо», подразделяясь по форме на основные, сводчатые, орнаментальные, то в самом здании все вместе кирпичи являли собой совершенно новое нерасторжимое единство.

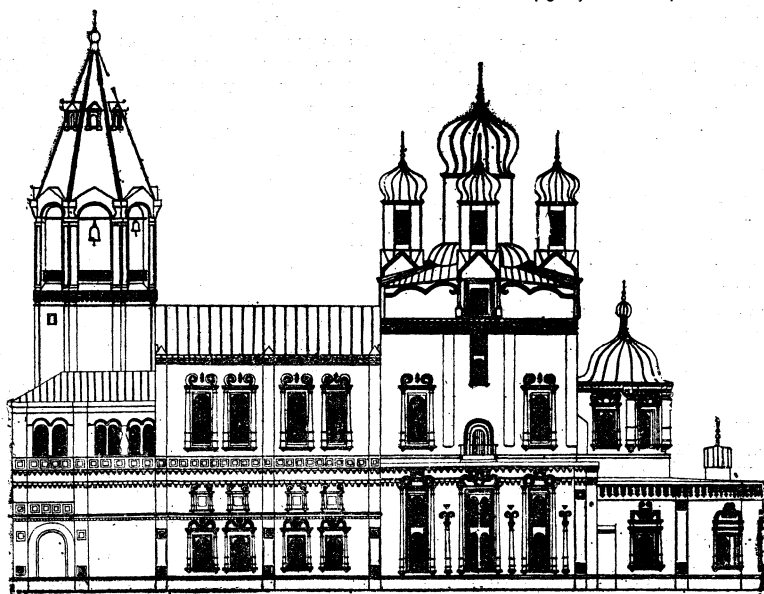
Созерцая архитектурное сооружение, зритель всецело поглощен его образным строем, соотношением форм, конструктивными особенностями, игрой света и фактуры, переходами декоративных элементов. И все это настолько значительнее содержания отдельного кирпича, что его в здании попросту перестают видеть. Он растворяется, превращаясь в некий монолитный материал, из которого будто бы вырезано или вылеплено здание. Кирпич жертвует «собственной персоной» во имя более грандиозного общего великолепия.

Одним кирпичам судьба уготовила скучнейшее место внутри стены, но при этом обеспечила их сохранность: какими положили, такими они и лежат вот уже более четверти тысячелетия. Другим повезло больше: их поверхности касалась кисть монастырского живописца монаха Владимира...

Сколько всего кирпичей уложено на Белом Городище? Никто этого не знает и едва ли кто-нибудь когда-либо отважится узнать эту цифру. Много, очень много! Но есть среди них первый десяток, первая сотня, которые при большом стечении народа, веселым апрельским утром 1708 года с молитвами Исаака, песнопением и водосвятием уложил сам Иван Борисов. Это место — алтарное полукужие Дмитриевского придела Успенского собора.

Южный фасад Успенского собора Далматовского монастыря.

Реконструкция и чертеж автора.

ПЕРЕД МОГУЧИМ ЛЕСОМ КЛЯНУСЬ!..

**Николай
попов**

Сосны расступились. Впереди бескрайнее Таганское болото, которое отняло у тайги более пяти тысяч гектаров... Несколько лет назад лесхоз начал осушать болото. Экскаваторы вырыли глубокие канавы, по ним бурая болотистая вода стекает в речку Черную. На осушенном участке островками гнездятся низкорослые сосенки, ивы, лиственницы, березки.

Сюда, в майский день, после долгих холодов пришла ласковая теплынь. Задорно насвистывали скворцы и малиновки, суетились лесные воробьи. Высоко стояло небо.

— Сади-и-тесы!..— кричит Валентина Давыдовна, сложив ладони трубочкой.— За-втра-каты!..

Валентина Давыдовна Зяблик — учительница биологии. Из взрослых еще — Ольга Михайловна Артыш, техник Тимирязевского опытно-показательного механизированного лесхоза, и несколько рабочих. И тридцать шесть девятиклассников. Они приехали на двух автобусах, оставив за собой речку Черную, Тахтамышево, Головинку. Колесили по бору вправо, влево, осторожно пробирались по узким просекам, с разгона брали крутые склоны ложбин. И приткнулись к болоту — дальше автобусом не пройти. До участка добирались пешком по болоту, километра два. Им надо было посадить два гектара кедра, проверить, как прижились на двадцати гектарах прошлогодние посадки, подсадить новые саженцы взамен подсохших. Ребята здесь не впервой, и одеты по-лесному: в сапогах, в брюках.

Дежурные достают из сумок пироги, яйца, колбасу, бутылки с молоком и термосы с чаем. Завтрак для бригады готовила школьная столовая за счет средств лесничества. Все здесь общее, коллективно заработанное.

Бригада разбита на звенья, в каждом по три человека. Три звена идут сажать кедры, девять звеньев во главе с техником проверяют прошлогодние посадки. Задания напряженные — на каждого ученика по пятьсот саженцев.

Рабочие лесхоза выбрали из канавы с водой двухлетние саженцы кедра, которые были завезены рань-

ше, уложили их в мешки и разнесли на участки. Посадка началась.

В первом звене Вася Литвинов, Аня Лебедева и ее подружка Валя Житушкина. Они идут по бровке канавы. В прошлом году механизаторы лесхоза вскопали ее особым плугом, сконструированным бригадиром А. И. Сальниковым. Плуг Сальникова, как огромный картофельный окучник, выворотил на две стороны мощные пласты торфа. Вася берет меч (тоже изобретение лесхоза — вроде узкой лопаты с ручками на черне) и с силой обрушивает его на бровку. От удара остается глубокая треугольная ямка. Девушки отделяют от кучи мокрый кедровый саженец, бережно расправляют корешки, опускают в ямку и притоптывают возле него землю. Через каждые восемьдесят сантиметров — саженец... Движения у ребят рассчитаны, ни одного лишнего. Они будто кланяются лесу, и от каждого поклона встает в торфяной бровке крошечный росточек будущего дерева.

Аня, приплясывая возле каждого кустика, рассказывает мне:

— В эту весну мы уже третий раз на посадке. Сажали сосны, елочки, кедры. Всего, с сегодняшним днем, будет двадцать гектаров. Больше у лесхоза на Таганском напаханной земли нет. Дальше поедем сажать лес на Обь, в Богородское лесничество.

— Нравится, Аня, работать в лесу?

— Конечно!

— Не тяжело?

— Ничего!.. У нас крепкие ребята. С шестого по десятый... Из младших классов тоже просятся, мы их долго не принимали, а теперь берем. Мальчишки меньше балуются и лучше учатся, если работают. Недавно еще приняли двадцать три человека: Сашу Чистова, Игорька Курганникова из пятого «б», Сережу Бодулина, Вахрушева из шестого «б» и других. Они уже клятву приняли...

— Какую клятву!?

— А как же, есть клятва. «Вступая в ряды школьного лесничества, перед лицом своих товарищей, перед могучим сибирским лесом торжественно обещаю и клянусь: по-ленински относиться к природе, сде-

лать все возможное, чтобы не скудела и цвела наша земля, быть преданным лесу другом...» Ну, и там еще много — беречь птиц, зверей, муравейники. Хорошая клятва, верно?

Аня Лебедева — комиссар школьного лесничества.

Рядом с комиссаром Аней сажает лес лесничий Равиль Альмухаметов. Голый до пояса, он одну за другой вырубает ямки, меч под его руками глубоко уходит в землю, скребет не растаявшую под торфом мерзлоту. Равиль мурлычет себе под нос какую-то песенку, весело подмигивает:

— Ну, как воздух?.. Чувствуете? Не то, что в городе? Я здешний, и то надеяться не могу... О, смотри-ка: лось прошел... Здоровенный, копытца — по тарелке...

— Откуда ты это знаешь?

— А бровка, видите, осыпалась? Он здесь выбирался из канавы.

Равиль любит работать, любит и знает лес, по неприметным признакам читает жизнь его обитателей. «В Ленинград бы махнуть, в лесную академию... Да ведь как примут?..» Его старший брат Николай, который сейчас в Советской Армии, тоже работал в школьном лесничестве. А младший брат, пятиклассник Алик, еще в прошлом году стал ездить на посадки, хотя его не пускали. Приехал и взялся за работу, что поделаешь — не выгонять же мальчишку из леса... Отец Равиля Григорий Рамазанович более двадцати лет работал в леспромхозе, и дед Рамазан был лесным техником. Так что Равиль — потомственный лесник. И — потомок древнего татарского племени эушта, которое кочевало в Притомье еще до основания Томска.

Он в лесу — у себя дома. Нашел родничок, упал на него плашмя и долго, отдуваясь, глотал студеную воду.

— Простудишься, Равиль!..

Черные глаза парня смеются:

— И не подумаю!

Учительница рассказывала, как в прошлый раз, только приехали на участок — хлынул дождь. Ребята утешили: «Ничего, Валентина Давыдовна, по радио обещали дождь кратковременный». Этот кратковременный зарядил чуть не до вечера. Промокли до костей, но всю смену проработали ребята — выгнать из лесу было невозможно. Думали — заболуют... Нет, здоровехоньки явились на другой день в школу.

В шестом часу вечера стали, один за другим, выходить на дорогу. Техник Ольга Михайловна похвалила:

— Все!.. Молодцы, ребята.

Доедали пироги. Кто сидел, кто лежал, задрал кверху усталые ноги. Учительница тоже ела, поглядывала по сторонам и строго выговаривала:

— Это кто бумажки наикадал?

Ты, Алеша? Подобрать все до соринки! До последней яичной скорлупки!.. Кто не понял — поставлю в угол.

— Валентина Давыдовна, где вы в лесу углы нашли?

— Под сосны поставлю. Нечего захламлять бор!.. Подъем!

К автобусам учительница шла, прыгая с кочки на кочку, и мне казалось, что она тоже похожа на ученицу. Такая же неутомимая, задорная, жадная на работу. И глаза блестящие, молодое, лицо и шея загорели, как у ребят. А когда автобусы тронулись, Валентина Давыдовна громко пела вместе с девятиклассниками «Подмосковные вечера» и еще всякое другое — про любовь, свиданья, провозанья.

С песнями дорога короче. Опять совхозные поля, поселки, скотные дворы. Вот и Тимирязево.

...Давно, еще до Великой Отечественной войны, тимирязевские школьники помогали учебно-опытному лесхозу сажать лес, собирать шишки на семена, сухие сучья. С каждым годом заданий лесхоза становилось больше, но работа школьников все еще была неплановой, случайной.

Теперь уж трудно вспомнить, у кого первого родилась мысль организовать школьное лесничество. Оно родилось в 1972 году. Сперва в нем было всего тридцать восемь человек, а сейчас — полтора. Со времени основания лесничества посажено 1 279 гектаров кедра и сосны.

Где сажать — тоже был вопрос. Можно на сухих лесосеках — их немало. Но гораздо важнее засадить болота, занимающие в томских лесах огромные пространства, проверить, будет ли расти лес на болотах. Поднять лес на торфяных болотах — задача трудная. Школьное лесничество справилось с ней. В болотистой почве выживает более 80 процентов саженцев — по нормам лесничества неплохо. Взамен погибших приходится подсаживать 300—400 саженцев на гектар. Сейчас уже засажен значительный массив Таганского болота, участки 41-го квартала и на Оби.

Школа работает в тесном сотрудничестве с лесхозом. Лесхоз устанавливает план посадок, дает саженцы, инструменты, автобусы — возить ребят на участки, оплачивает школьникам сделанную работу. Директор С. А. Козлов и главный лесничий В. А. Тюрин внимательны к школе, оказывают ей большую помощь в опытнической работе.

Школьное лесничество заложило в лесу 27 противопожарных барьеров. По указанию специалистов на определенном расстоянии от кедров и сосен школьники посадили тополя. Тополя плохо горят — в случае пожара заслонят от огня кедры и сосны.

Работа в лесу тяжелая, трудоемкая. Летом жара, комары, мошка. И гадюки водятся в тайге, и клещи. Всем юным лесникам сделаны противознцефалитные прививки, а змея ребятам не боится: змея не нападет, если ее не тронуть.

Ученикам пятых-шестых классов посадка не под силу. Они следят, не ломает ли кто деревья, убирают сухие сучья, охраняют муравейники, зимой подкармливают птиц. Лесхоз отвел школе для охраны лесной участка в 630 гектаров — от школьного двора весь поселок Тимирязева. Школьники разбили участок на делянки, закрепили за ними своих техников. Зеленые патрули постоянно обходят свои делянки. И если замечают, что какая-нибудь автомашинка поломала сосенку, — сообщают ее номер поселковому Совету.

Олегу Овчинникову из шестого «а» совет лесничества поручил подкормку птиц. Парнишка любит их, узнает по голосу любую пичугу. Но в лесничестве принимали его с оглядкой: учился плохо, убежал с уроков, дрался, водилось за ним всякое. Сделал Олежа одну кормушку, вторую, третью. Его, наверное, в первый раз похвалили. Сколько ни делает — все мало. Кому-то пришлось в голову написать на листочках обращение к жителям поселка и опустить в почтовые ящики: «Дорогой товарищ! Наступила зима, трудное время для птиц. Пожалуйста, подкармливайте их. И если вам трудно сделать кормушку, мы сами сделаем и принесем вам домой...»

И взрослые послушались, чуть не во всех дворах подкармливали птиц.

В засуху на одном участке загорелся торф, Олег кинулся заливать огонь водой. Заливал, пока не выбился из сил, вымок и сам чуть не погорел... Лесхоз наградил Олега Овчинникова грамотой и подарком.

Школьники зарабатывают за лето по 150—200 рублей. Их радует первая в жизни зарплата. Родители довольны: можно купить сыну или дочери обновки. Двадцать процентов заработка отчисляется в комсомольский фонд школы. Эти деньги идут на подарки ребятам в новогодний праздник, костюмы для маскарада, премии победителям различных конкурсов. На деньги комсомольского фонда приобретаются лыжи, микроскопы, телевизоры, мебель, учебная литература.

И ученики, и учителя живут делями лесничества. У них есть песня, привезенная со слетов:

Наш лес — огромный хвойный дом,
Мы лес растим и с ним растем.
Мы, школьное лесничество,
Храним его Величество!..

Томская область.

Корич- невое ЗОЛОТО

Кирилл
НОВОСЕЛЬСКИЙ

Сколько же видов золота существует на свете — желтое (настоящее), черное (нефть), голубое (газ), зеленое (лес), белое (хлопок)?..

Нефть занимает первое место в мировой торговле. А вторым в списке стоит кофе. Его регулярно пьет треть населения планеты. Наибольшей популярностью этот напиток пользуется вдали от родины — ближе к Северному полярному кругу. Больше всего кофе любят в Швеции, каждый швед в год потребляет 13 килограммов кофе, в Финляндии на душу населения приходится 12 килограммов кофе в год. Наша страна находится на весьма скромном уровне — 170 граммов.

Известно, что культивировать кофе стали в Южной Арабии около 500 лет назад, дикорастущие деревья впервые были обнаружены задолго до этого в Африке. Само название дерева и напитка произошло, как считают, от эфиопской провинции Кэфа (в старой транскрипции Кафа). Одна из легенд повествует историю пастуха по имени Калди, жившего в середине IX века нашей эры. Озадаченный необычно веселым, буйным поведением своего стада, он попробовал ягоды вечнозеленого кустарника, среди которого паслись козы. Пастух был настолько обрадован тем действием, которое оказали на него эти ягоды, что помчался в деревню рассказывать о своем открытии. Это был кофе арабика.

Другая распространенная сейчас разновидность кофе — робуста — была обнаружена европейцами в лесах нынешнего Заира значительно позднее, в 1898 году.

В Европе кофейные дома появились в середине XVII века. Кофепитие было очень модным, особенно среди женщин. Однако в некоторых странах власти запрещали кофе. Сторонником бодрящего напитка был Иоганн Себастьян Бах, написавший в 1732 году в Лейпциге шуточную «Кофейную кантату».

Кофе делают из ягод. В англоязычной научной литературе плоды кофейного дерева называют даже вишнями. В отличие от настоящих вишен, внутри них имеется по два зерна. Путь от посаженного в землю семени до «вишни», а от нее — до ароматного напитка очень долог.

Вначале семена прорастивают на специальных ложах. По прошествии 4—6 месяцев ростки высаживают в питомники. В возрасте полутора лет растение, достигшее высоты примерно в полметра, пересаживают на плантацию, затем дерево подрезают. Для затенения культуры на плантациях высаживают бананы, эвкалипты или другие деревья.

Белые цветки появляются у робусты в двухлетнем возрасте, у арабики — в трехлетнем. Проходит еще несколько месяцев — и прямо на ветках созревают ярко-красные мясистые ягоды.

Очищенные от мягкой оболочки семена имеют сероватый цвет. Затем зерна ферментируются, промываются и сушатся, освобождаются от тонкой твердой оболочки, полируются, сортируются по размеру и упаковываются в мешки. Дальнейшая переработка — обжарка, размол — ведется уже, обычно, в странах-импортерах.

Латинская Америка, получив культуру лишь в XVIII веке, захватила вскоре первенство в ее производстве. Особенно много кофе растет в Бразилии и Колумбии. Однако коричневое золото возвращается на родину. Сейчас в странах Африки производится около 30 процентов его. В условиях высоких мировых цен, которые сохранятся, вероятно, до восстановления плантаций в Бразилии, правительства африканских стран проводят в жизнь обширные программы по развитию производства кофе.

ПАМЯТЬ ДЕРЕВА

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

Помнит ли дерево о том, что довелось ему видеть на протяжении прожитых им веков? Может ли оно рассказать об этом?

— Может! — уверенно отвечает старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского научного центра Академии наук СССР Степан Григорьевич Шиятов. — Они вовсе не молчаливые свидетели, и ученые уже давно нашли ключ к их немой азбуке.

Кандидат биологических наук С. Г. Шиятов — дендрохронолог. Специалисты этой отрасли экологии изучают изменчивость годовичного прироста древесных растений, выясняют зависимость между этим приростом и климатическими факторами, чтобы на их основе производить реконструкцию прошлых климатических условий. Условий тех эпох, когда стационарных метеорологических наблюдений, естественно, не существовало и в помине, как не существовало и самой научной метеорологии. Дерево с его годовичными кольцами — это своеобразная законсервированная метеосводка. Если учесть, что деревья живут по многу веков, то нетрудно уяснить, как далеко в глубь столетий могут заглядывать дендрохронологи.

...Есть на полуострове Ямал, далеко за Северным полярным кругом, удивительнейший феномен природы — среди окружающей голой тундры протянулся по берегам реки Хадьты-Яхи большой лесной массив. Специалистов, естественно, интересует эта загадка природы. Несколько сезонов проводила здесь исследования и группа С. Г. Шиятова. Ученые нашли ветеранов этого реликтового леса, которым уже перевалило на пятую сотню лет.

Изучив хадьтинский лесной остров, дендрохронологи пришли к выводу, что несколько веков назад леса на севере занимали гораздо большие площади, но с наступлением похолодания отступили на юг. Только в речной долине Хадьты для них сохранились если не благоприятные, то вполне приемлемые условия. А по построенным учеными дендрощкалам можно составить представление о климате ямальской тундры на протяжении последних пяти-четыре-х веков. Это особенно ценно: тундра,

как правило, безлесна, а ведь Арктика всегда считалась кухней погоды.

— Можете ли вы ответить, какова, к примеру, была погода на Ямале в год смерти Пушкина?

— Отчего же, — с готовностью откликается ученый и роется в таблицах своих дендрощкал. — 1837-й... Ага, вот. Холодный был год. Вообще в начале девятнадцатого века на морском побережье нынешней Тюменской области отмечалось одно из самых глубоких и сильных похолоданий.

Данными, которыми располагают дендрохронологи, пользуются не только климатологи и метеорологи, но и археологи, историки, даже писатели, — все те, кому приходится изучать хронос.

Руководитель Мангазейских историко-археологических экспедиций, доктор исторических наук, профессор М. И. Беляев столкнулся с проблемой — когда же точно появились самые первые строения в северном остроге на реке Таз? Архивные материалы были противоречивы, испытанные археологические методы в этом случае давали приблизительные результаты. Тогда-то и вспомнили о свердловском дендрохронологе и попросили его командировать на раскопки городища Мангазеи. С. Г. Шиятов взял необходимое количество срезов с бревен древних построек. Ведь даже срубленное мертвое дерево сохраняет в годовичных кольцах метеорологическую информацию.

Шиятов назвал историкам дату с точностью до сезона — осень 1601 года.

Теперь исследователям Мангазеи, этого «северного Багдада», пушной столицы северной Сибири семнадцатого века, было ясно — именно тобольские казаки, преодолев опасный путь по Иртышу, Оби, морю Мангазейскому — Обской губе и по Тазу, начали рубить береговой лес для крепостных стен и построек, заложили новый государев острог.

Так четкая память дерева, расшифрованная учеными, помогла приоткрыть еще одну тайну.

ДАЙ ПТИЦЕ РЕЧЬ

Иван
ЗАЯЧКОВСКИЙ

Рисунок
Н. Крутикова

Нередко люди содержат в доме различных зверей и птиц. Однако любить животных — вовсе не значит, что нужно ловить их, тащить домой и запереть в клетки. Наблюдать и изучать животных, дружить с ними лучше и интереснее, если они находятся на свободе, в лесу, у себя дома.

Мода содержать птиц в клетках наносит большой урон птичьему населению пригородных лесов, садов и рощ. Не спору, среди любителей певчих птиц немало знатоков. Но все же их любовь к птицам — однобокая, любовь для себя: пусть птичка будет в моей клетке, в моем доме, пусть она поет только для меня. А куда лучше было бы, если бы она радовала своими песнями тысячи людей, оставаясь на свободе. Нередко бывает так: в иной роще осталась всего-то пара соловьев, несколько щеглов, чижей, но и тех вылавливают коммерсанты-птицеловы.

И навсегда умолкает лес. Он смолк уже вокруг многих городов и сел. А ведь о вреде ловли птиц писал еще Н. А. Некрасов, рассказавший устами крестьянки поучительную историю. В роще возле села люди соловьев ловили, а те «испугались сетей, да мимо нас и прокатили». И когда роща без птиц стала как немая, взяла крестьян тоска большая:

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить...

Теперь ловля птиц и торговля ими повсеместно запрещены. И это правильно. А любители певчих и декоративных птиц могут содержать у себя дома канареек, волнистых попугайчиков или красочных тропических ткачиков. Эти птицы давно уже разводятся и содержатся в неволе, они могут жить только возле людей.

Волнистые попугайчики — коренные жители Австралии. Там они гнездятся в дуплах деревьев, откладывая яйца прямо на дно, без всякой подстилки. Особенно часто встречаются попугайчики в рощах каучуковых деревьев, где есть кенгуровая трава. После обильных дождей она быстро растет и зацветает. Когда в ее колосьях появляются семена, ими питаются волнистые попугайчики. А в бескормицу попугайчики большими стаями откочевывают. Очевидцы утверждают, что волнистые попугайчики могут образовывать стаи, насчитывающие десятки, а то и сотни тысяч птиц. В годы сильных засух они погибают тысячами. Стаи попугайчиков собираются у немногих водоемов. А когда и тут вода исчезает, обессилевшие птицы уже не могут перелететь в другое место. У одного такого пересохшего водоема было найдено около 60 тысяч погибших волнистых попугайчиков. Как и многие другие экзотиче-

ские животные, волнистые попугайчики стали известны европейцам после открытия Австралии. Но только в самом конце восемнадцатого века исследователь Шаву дал их подробное описание. И лишь в 1831 году в музее Общества имени Линнея было выставлено первое чучело попугая. Живых волнистых попугайчиков завез в Европу сотрудник музея Лондонского зоологического общества Д. Гульд. Это произошло в 1840 году.

Хвалебные оды крылатым эмигрантам из Австралии в газетах и журналах сделали содержание их модой. Особенно большой спрос на них был в Англии, Франции, Бельгии, Германии. К берегам далекой Австралии поплыли специально снаряженные корабли. Прибрежные равнины Австралии были покрыты огромными сетями-ловушками. Некоторые корабли шли в Европу с трюмами, где в деревянных клетках теснились тысячи птиц. Плавание

длилось около двух месяцев. Скудность, недостаток воздуха и света, невозможность двигаться и расправлять крылья, плохое кормление приводили к тому, что больше половины птиц погибало не достигнув портов назначения. Правительство Австралии вынуждено было запретить вывоз попугайчиков. Но к тому времени европейцы уже научились не только содержать, но и разводить их в неволе.

У себя на родине волнистые попугайчики преимущественно травянисто-зеленого цвета, а лоб и бока головы у них могут быть желтыми, синими, серыми. На шее и щеках — точкообразные темные пятнышки. На затылке, задней части шеи, спине и крыльях четко выражены тонкие поперечные волнистые полоски и штрихи желтого и черного цветов. За эти полоски птичек и прозвали волнистыми. Величиной они с воробья, но из-за длинного хвоста кажутся крупнее. Селекционеры уже вывели более ста разновидностей волнистых попугайчиков. Широко известны одноцветные попугайчики, а также пестряки и датские пегие — арлекины. Случается, что в потомстве у попугайчиков появляются белые птицы — альбиносы и с темно-желтым оперением — лютиносы. Особенность альбиносов и лютиносов: у них глаза красные и отсутствует волнистый рисунок оперения. Окраска не наследуется потомством. Цвет лапок у диких попугайчиков голубовато-зеленый, а у домашних — розоватый.

Знайки утверждают: у каждого попугайчика своя красота. У одних — особенный хохолок, у других — кудрявые горжетки и т. д. Все попугайчики доставляют внешним видом и спокойным, мирным нравом настоящее удовольствие. К тому же привлекают внимание подвижностью. Лазают ловко, да и бегают неплохо. Попугайчики издают звонкие выкрики, которые переходят в щебетание. Голос у них хотя и сильный, но приятный. Правда, тут уже дело вкуса. Иные любители певчих и декоративных птиц покупают волнистых попугайчиков за красоту, а затем продают их из-за нескончаемого щебетания, нарушения тишины в доме.

Волнистые попугайчики поддаются обучению. У любителя птиц А. Куприянова они бегают по лесенкам, кувыркаются на перекладине, катаются с горки, возят друг друга на маленькой коляске.

Долго считалось, что подражать человеческому голосу и разговаривать могут только крупные попугаи (ары, серые жако, амазоны, какаду, лори и другие), а волнистые попугайчики к этому не способны. Одна-

ко можно научить говорить и волнистого попугайчика. И может это сделать любой человек, но, увы, не все этого достигают. Нужны большое терпение, трудолюбие, любовь к своим питомцам и, конечно, знания и умение.

Как-то я зашел к одному знакомому в Уфе. В солнечной комнате в клетке бодро прыгали и весело щебетали волнистые попугайчики.

— Вы что, любитель экзотических птиц?

— Да вот купил недавно, хочу научить их говорить. Я читал в одном журнале, что это удастся сделать...

Через год я вновь с ним встретился и спросил, как поживают попугайчики, научились ли говорить...

— Нет у меня больше попугайчиков. Возился с ними по выходным дням и по вечерам, сидел возле них, как диктор, а они хоть бы слово сказали. Жена меня самого попкой прозвала. Продам я этих бездарных учеников...

Неудача... Видимо, мой знакомый взял на воспитание взрослых попугайчиков, а научить говорить можно только молодых, хотя и это удается не так легко. Три-четыре месяца занятий — лишь тогда ученик произнесет первое слово. К тому же и таланты у волнистых попугайчиков бывают разные. Одни говорливы, другие склонны лишь к навистыванию мелодий, а есть и такие, что щебечут свою лесную песню — и только. Не следует забывать и другое: у волнистых попугайчиков, как и у других говорящих птиц, самки большей частью вообще не способны к разговору...

Немецкому любителю птиц Г. И. Михазлесу, автору книги «Волнистый попугайчик», удалось научить своего воспитанника произносить до ста слов и фраз. Известны случаи, когда к восьми годам волнистые попугайчики произносили более сотни слов. Рекордсменом стал воспитанник жителя Львова С. М. Шнайдера. Он произносил более двухсот слов.

Об одном талантливом попугайчике рассказано в книге «Занимательное из жизни птиц», изданной четыре года назад в Минске. Этого попугайчика принесли в дом с рынка двухнедельным. Степа стал любимцем, но сам больше всего он любил хозяйского сына. Когда мальчик готовил уроки, Степа садился ему на плечо и делал вид, что тоже занят. Однажды мальчик, погладив попугайчика по головке, сказал: «Степа, миленький!» И вдруг в ответ раздались: «Степа, миленький!» Так Степа заговорил. Лексикон его пополнялся с каждым днем. Он запоминал слова и фразы и почти всегда к месту употреблял их. Клетка с попугайчиком была на кухне. Если в

квартире раздавался звонок, то Степа тотчас подавал голос: «Кто пришел? Здравствуйте!» Затем представлялся гостю: «Степа Ковалев!» Вечером, когда семья ужинала, Степа устраивался на плече у хозяина и жаловался: «Птичка кушать хочет» Получив крошку сахара, он чмокал клювом хозяина в щеку и говорил «Степанушка спать хочет».

Однажды утром, собираясь на работу, хозяин попросил жену: «Муся, дай проездной!» Она не слышала. И тогда из кухни донеслось напоминание: «Муся, дай проездной!» Степа знал более семидесяти слов и удивлял всех новыми и новыми словесными сурпризами.

Известный любитель и знаток певчих и декоративных птиц из Ташкента врач Б. А. Симонов рассказывал, как ему удалось научить говорить молодого попугайчика, который очень любил пение канареек. Когда они начинали петь, попугайчик оживлялся и удачно подпевал. Хозяин ему подолгу повторял: «Попочка, попочка, попочка». Долго он никак не реагировал на слова, хотя и прислушивался. Но настойчивость учителя взяла свое. Попугайчик-таки произнес: «Попочка!» И смог затем освоить около шестидесяти слов и даже фразы: «Попочка, попочка», «Я умный», «Я хороший», «Салам, салам», «Раечка, доброе утро».

Интересные наблюдения провела московский зоолог Н. Надьярная. У нее был ярко-желтый с красными глазами попугайчик Кокки, которого она подарила школьнице Танечке. Первое слово он произнес на восьмидесятом дне жизни, а через несколько месяцев в его лексиконе было уже несколько десятков слов. Кокки называл имена всех членов семьи, а девочку постоянно заставлял учить уроки. Сидит и командует: — Танечка, учи уроки!

Н. Надьярная рассказывает, что попугайчик иногда может разговаривать даже при общении с сородичами. Такая история произошла с ее питомцем Яшкой. Его родители были совершенно ручными, и в дуплянке, стоявшей на кухне, вывели потомство. И Яшка стал ручным. Малышом он любил дремать на ладони. Ему нравилось играть с пальцем и, если им двигали, он тихоньку покусывал его клювом. Сначала Яшка жил один, а когда ему исполнилось три месяца, в квартире появилась желтенькая самочка Ларочка. Она часто обижала спокойного и доверчивого Яшу, отгоняла его от кормушки. В шесть месяцев Яша неожиданно заговорил. Первое, что он сказал, было:

— Ларочка! Не обижай Яшу!

Это была фраза, с которой Яшева часто обращались к его приятельнице.

Основа рациона попугайчиков — зерновая смесь: одна часть проса,

полчасти овса, полчасти овсянки и немного семечек подсолнечника. Дают также канареечное семя и семена сорняков. В сутки одному попугайчику нужно столовую ложку корма. Зимой следует добавлять одну-две капли рыбьего жира и столько же экстракта черной смородины или шиповника. Два-три раза в неделю попугайчикам дают какую-нибудь кашу. Из мягких кормов — творог, кусочки круто сваренного яйца, раз в неделю — намоченную в кипяченом молоке и хорошо отжатую булку. А также зелень, овощи, фрукты — словом, годится все, что употребляют и сами хозяева.

Бывает, что волнистые попугайчики вылетают из квартир и оказываются на воле. Воронежский зоолог Л. Л. Семаго обнаружил однажды такого беглеца на крыше многоэтажного здания. Желтый попугайчик привлек внимание птичьего населения: воробьи, галки, голуби, ласточки и стрижи трепетали в воздухе, рассматривая странного собрата. Некоторые из птиц робко присаживались к нему, но тут же взлетали. Никто не проявлял враждебности к попугайчику. На следующий день его уже видели на асфальте в компании воробьев. Потом он с ними перебрался на окраину города, поближе к полю, на котором подкармливалась воробьиная ватага.

Однажды, рассказывает Л. Л. Семаго, два беглеца попугайчика — самец и самка — нашли друг друга на воле. Они отыскивали в бору дупло и вывели шестерых птенцов. Зоолог часто видел эту семью на просеке. Осенью, когда в разгаре уже был перелет птиц, семья попугайчиков исчезла. Полетели на юг или их кто-то поймал? Во всяком случае, перенести воронежскую зиму им бы не удалось. Отсюда и вывод: не выпускайте на волю птиц, привыкших к жизни в клетках, особенно теплолюбивых чужеземцев. Не забывайте и то, с чего мы начали рассказ: любить животных — не значит, что их нужно без разбору ловить и тащить в клетку. Свободолюбивые птицы пусть останутся свободными...

По предложению журнала

В ноябрьском номере «Уральского следопыта» за 1967 год была помещена статья «1000 песен», посвященная композитору Александру Викторовичу Затаевичу.

Книга «1000 песен киргизского народа» стала итогом трехлетней работы Затаевича, который в Оренбурге после окончания гражданской войны записал свыше тысячи песен и мелодий казахской народной музыки. В те годы (1920—1923) Оренбург был столицей Казахстана, и композитор пользовался любой возможностью, чтобы найти «носителей» фольклора. Он записывал всюду — в общежитиях, на рынке, в фойе театра, даже в ночлежках, и сумел за сравнительно короткий срок собрать столько песен, сколько многие музыканты-этнографы не могли записать за десятки лет, утверждая, что «кустанайские киргизы поют исключительно русские песни и забыли произведения своего эпоса».

Появление книги Затаевича вызвало горячий, восторженный отклик не только в советской стране, но и за ее рубежами. Эту книгу оценили как выдающееся событие культурной жизни газета «Правда» (26 июля 1926 года), М. Горький, С. Рахманинов, Р. Роллан.

В упомянутой выше статье «Уральского следопыта» говорилось, что необходимо увековечить память о замечательном советском музыканте: оренбуржцам о подвиге Затаевича должна напоминать мемориальная доска на доме, где он жил в далекие трудные и славные годы.

И вот предложение журнала претворено в жизнь. 30 мая 1979 года, в связи с 110-й годовщиной со дня рождения музыканта, в Оренбурге состоялся митинг, на доме по улице Ленина № 50, где жил в 1920—1923 гг. композитор, была прикреплена мемориальная доска. Она будет напоминать оренбуржцам и гостям города о композиторе Затаевиче, о его замечательном вкладе в музыкальную культуру нашей страны.

М. КЛИПИНИЦЕР

Историческая

ПСИХОЛОГИЯ

**Константин
МЕЛИХАН**

*Рисунок
Е. Крутских*

Изабелла Михайловна поводила карандашом по журналу седьмого «В» и, наконец, произнесла:

— Барсуков.

Все свободно вздохнули и хлопнули учебники. А Барсуков вышел к доске, почесался и вдруг сказал:

— Вы хорошо выглядите сегодня, Изабелла Михайловна. Это, наверное, от мороза... Сегодня такой морозиче!

Изабелла Михайловна повела бровью:

— Ну-ну, Барсуков. Начинай.

Барсуков шмыгнул носом, взбил вихры и начал:

— А я почему-то всегда лохматый. Мама говорит, волосы такие. Не то, что у вас!

Изабелла Михайловна встала и прошла до окна и обратно.

— Ты что, не выучил урок?

— И как вы сразу угадали?! — с жаром воскликнул Барсуков. — Опыт работы колоссальный!

Изабелла Михайловна улыбнулась и сказала:

— Ну что с тобой делать? Покажи хоть на карте, где восстание началось.

Барсуков как-то неопределенно ткнул указкой.

— Ну, садись, — сказала Изабелла Михайловна. — Тройка.

На перемене Барсуков давал товарищам интервью:

— Главное, ей про опыт работы запустить! Она и клюнет!

Изабелла Михайловна застыла с журналом в дверях и, метнув на Барсукова быстрый взгляд, двинулась по коридору.

— А! — успокоил товарищей Барсуков. — Она дальше двух шагов не слышит.

Изабелла Михайловна остановилась, медленно повернулась и глянула на Барсукова так, что Барсуков понял: она слышит дальше двух шагов.

На следующий день Изабелла Михайловна, лишь только вошла в класс, вызвала Барсукова. Барсуков стал белым, как полотно, и прохрипел:

— Вы же меня на том уроке вызывали.

— А я еще хочу, — сказала Изабелла Михайловна и прищурилась.

— Вообще-то я историю люблю... — промямлил Барсуков и затих.

— Еще что? — сухо спросила Изабелла Михайловна.

— Вы всегда так интересно рассказываете... Еще у вас опыт большой, — выдавил Барсуков из себя и покраснел.

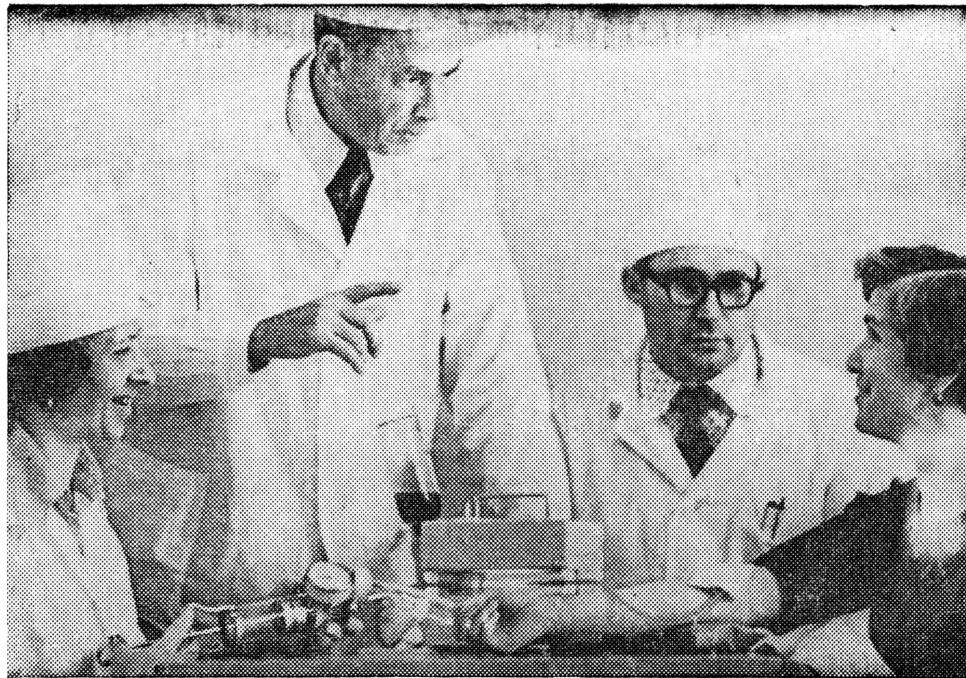
— Так, — сказала Изабелла Михайловна. — Урок ты не выучил.

— Все-то вы видите, все-то знаете, — вяло сказал Барсуков. — А зачем-то в школу пошли. Вам бы в аспирантуру!.. Кандидатскую писать. И стихи тоже...

Изабелла Михайловна, нагнув голову, задумчиво вертела в пальцах карандаш. Потом откинулась на спинку стула, вздохнула и сказала:

— Ну, садись, Барсуков. Тройка.

Солнце в крови

Еще в начале нашего века врач С. Тривус употребил странный для современников термин — «световое голодание». И далее доктора разных стран, объясняя причины рахита, говорили о том, что люди северных стран, а особенно горожане, где дым от заводских труб застит солнце, недополучают солнечного света.

Свердловский медицинский и Уральский политехнический институты заключили договор о сотрудничестве, чтобы разработать метод лечения светом. Заслуженный деятель науки РСФСР профессор Иван Иванович Бенедиктов и физик Иван Иванович Кондратьев рассказали мне и медицинскую, и физическую суть лечения люминесцентной кровью.

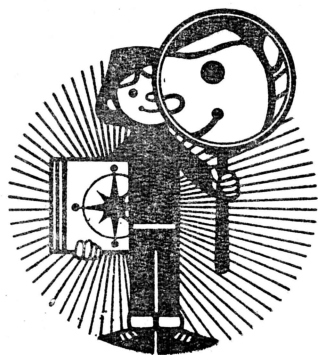
Не станем усложнять объяснение этого метода лечения. Если описывать происходящее в крови на молекулярном уровне, будет сложная и не до конца ясная даже самим исследователям картина. Однако кровь облучают многим тысячам людей и в Америке, и во Франции, и в ФРГ, и в ГДР. Нет, это не лечение крови, а лечение кровью. Польза тут со всех сторон. Помогает снять самые разные воспалительные процессы. Например, женщина погибала от перитонита, и антибиотики не могли помочь, тогда сделали облучение крови ультрафиолетом, и кровь больной как бы встрепенулась, воспрянула, и победила смертельную инфекцию. Ультрафиолет, попав в кровь, нормализует работу главных органов — печени, сердца.

Вспоминаются стихи Сирано де Бержерака: «Мы все под полуденным солнцем и с солнцем в крови рождены...»

На снимке: (слева направо) медсестра Анна Гишта, заслуженный деятель науки РСФСР профессор Свердловского медицинского института Иван Иванович Бенедиктов, доцент Леонид Пироговский с пациенткой.

А. КОПАЙСКИЙ

Фото А. Лыскова

МИР

НА ЛАДОНИ

Поселок у Карского моря

Постоянное население Лаборовой, что на севере Тюменской области, насчитывает всего 13 человек. Возможно, в нашей стране есть поселки и поменьше, но с собственным сельсоветом такой, наверное, самый маленький.

На территории сельсовета живет немало людей — в окрестных тундрах и на берегах Карского моря — около 600 охотников совхоза «Байдарацкий» с семьями. Передвигаясь со своими чумами, они ведут промысел ценного пушного зверя, большей частью белого полевого песца.

Весной шумно в Лаборовой — оленеводы, начиная свой путь к летним пастбищам на побережье, снабжаются на местной фактории всем необходимым для долгого пути. Наведываются в поселок и геологи.

...Шесть домиков однорядной улицей вытянулись по обрывистому берегу порожистой, с хрустальной чистой водой реки Щучей. Вдали, километрах в полуста, — а кажется, совсем рядом, — виднеются синеватые вершины Полярного Урала. Край суровый, но щедрый, работать здесь нелегко, однако все 13 жителей самого маленького в стране поселка трудятся с энтузиазмом.

Маэстро из Глубокой

В сентябре 1899 года в Москве проводился первый Всероссийский шахматный турнир. Участниками его были известные русские шахматисты — Чигорин, Шефферс, Лебедев. На турнире обратил на себя внимание студент московской горной школы С. М. Левитский. Он завоевал третье место, уступив только Чигорину и Шефферсу.

Позже победителям шахматных турниров стали присваивать звание маэстро (мастера). И Левитский завоевывал это звание, он считался выдающимся русским шахматистом.

После окончания горной школы С. М. Левитский приехал на Урал и прожил здесь до конца своей жизни, до 1924 года. Работал он на Исовских платиновых приисках в поселке Глубокой, а как шахматист выступал за Нижний Тагил. Это связано с тем, что тогда турниры устраивались на средства, пожертвованные толстосумами. Вносил деньги и уральский заводчик И. П. Демидов. Кстати, Демидов был избран в правление Всероссийского шахматного общества.

Михаил ПАРАНИН

Жили-были скоморохи...

«Скоморохи» — такой художественный фильм снимается на Свердловской киностудии. Режиссер и автор сценария — Николай Гусаров. Если принять во внимание, что название фильма надо понимать в буквальном смысле слова, то ясно, что фильм уводит нас в XVI—XVII века, когда на Руси жили и творили веселые люди — скоморохи, выразители народной мудрости, балагуры, музыканты и танцоры. В картине это — Никита, Фалалей, Еремка, страстно любящие жизнь люди из народа.

В одной из главных ролей — Разудалого старика —

народный артист Удмуртской АССР М. А. Алешковский (он — на снимке).

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

Железный билет

Когда 100 лет назад по Свердловской железной дороге, а затем и в Сибирь пошли первые пассажирские поезда, едущим в них людям продавались билеты, сделанные из... жести. По

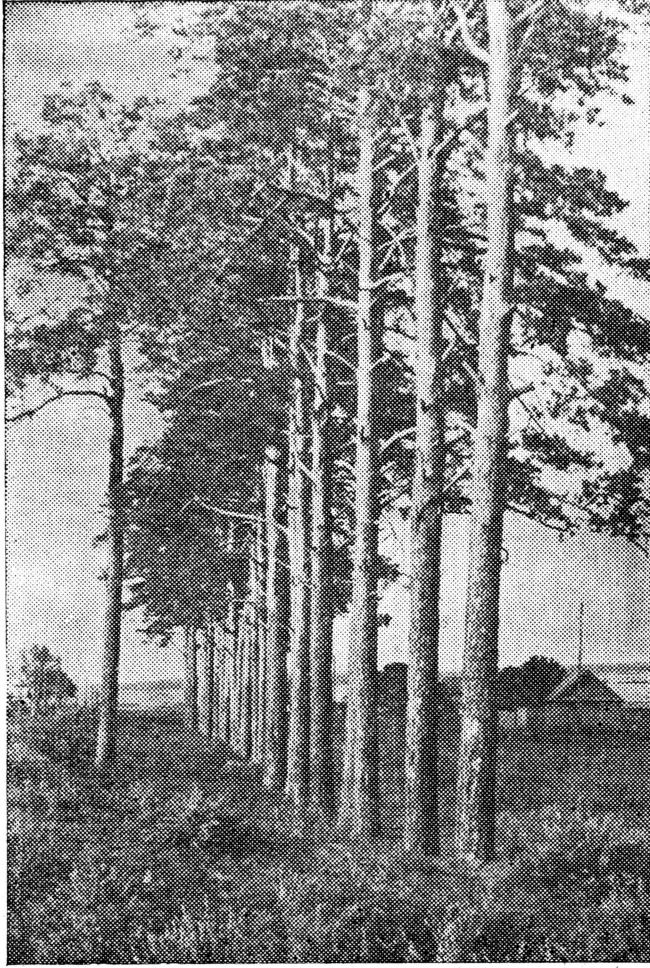
прибытии в конечный пункт пассажир сдавал свою жестянку кондуктору. Такой билет не изнашивался, служил свою службу долго. Железные билеты сохранились лишь у коллекционеров.

Уточняется время

В ночь на 1 января 1978 года в 00 часов дежурные операторы Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений в подмосковном поселке Менделеево добавили к показателям Государственного эталона времени и частоты ровно секунду. Такая коррекция необходима для согласования атомного со всемирным астрономическим временем.

По координации планет на небосклоне ученые определяют так называемое астрономическое время. В 1977 году Земля ускорила вращение вокруг своей оси на тысячные доли секунды. Атомное же время, по которому настраиваются все часы в стране, не подвержено влиянию изменений в поведении нашей планеты. Разница между ним и астрономическим за год и составила секунду.

Сравнительно недавно комплекс эталонных часов дополнен так называемым цезиевым репером частоты. Новшество позволило повысить точность измерения времени и частоты в тридцать раз.

Аллея Льва Толстого

В стороне от больших дорог и оживленных туристских маршрутов, в долине степной речушки Башкирки, что на юго-западе Оренбуржья, расположилось село Назаровка. Главной приметой его служит необычная для этих мест аллея из 34 сосен, посаженных в один ряд. Аллеей Льва Толстого называют ее местные жители. На стене старого дома в центре села висит мемориальная доска из мрамора, свидетельствующая о том, что здесь останавливался великий русский писатель.

Первую поездку в Оренбургский край Лев Толстой совершил летом 1862 года, когда по совету врачей он поехал на кумыс в завожскую степь. Вскоре Л. Н. Толстой совершает поездку в Уральск для встречи со своим сослуживцем по Крымской кампании А. Д. Столыпиным, бывшим в то время наказным атаманом Уральского казачьего войска.

По пути в Уральск Лев Николаевич останавливается на хуторе Назаровском (ныне село Назаровка Первомай-

ского района Оренбургской области) в доме Назаровых. Здесь Лев Николаевич осмотрел аллею молодых сосен.

Аллея была заложена в 1856—1857 годах. Саженцы сосны вместе с комьями земли были привезены на подводах из Бузулукского бора. Аллею создавали и ухаживали за ней дворовые люди Назаровых — садовник Лука Дроздов и Захар Велепов. Большинство сосен хорошо прижились.

В 1876 году Толстой второй раз побывал в Назаровке и вновь осматривал сосновые посадки — заметно подросшие и окрепшие. Так и закрепилось за ними название — аллея Льва Толстого.

Назаровские сосны дожили до наших дней, прекрасно себя чувствуют.

Специальным решением Оренбургского облисполкома аллея объявлена охраняемым памятником природы.

На снимках: аллея сосен в селе Назаровка Оренбургской области.

Александр ЧИБИЛЕВ

Фото автора

Парадоксы острова Танеуни

Жители острова Танеуни, входящего в архипелаг Фиджи, Новый год могут встретить... дважды. Дело в том, что 180-й меридиан, по которому в основном проходит линия перемены дат, пересекает остров на две части — восточную и западную.

Это обстоятельство служит причиной многочисленных курьезов. Так, например, купив свежий номер газеты в одной части острова и перешагнув линию перемены дат, газета мгновенно становится завтрашней или вчерашней. Не удивительно, что местная газета «Фиджи таймс» выходит здесь под девизом «Самая ранняя в мире газета».

Горящие волны

Беспрецедентный по силе тропический циклон обрушился на прибрежные районы штата Андра-Прадеш. Очевидцы утверждают, что огромные волны, которые нес из океана ураганный ветер, были как бы охвачены красным пламенем.

Индийские ученые объясняют это явление так. Энергия циклона была рав-

на энергии, высвобождающейся при взрыве нескольких водородных бомб. И, возможно, при грозе и урагане, когда скорость ветра достигала временами 200 километров в час, происходил распад молекул воды на атомы кислорода и водорода, а электрические разряды воспламенили водород.

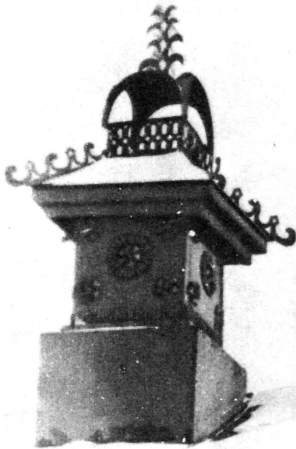
В упряжке... кит

Известный американский китобой прошлого века — Вильямс — изобрел ровно сто лет назад упряжку для кита. Она напоминала ошейник или хомут, от которого шли буксирные концы на корабль и там крепились. Нижняя часть упряжки была устроена так, что, если бы кит глубоко нырнул, он немедленно получил бы сильный укол снизу, который бы и заставил его всплыть. Управлять китом предполагалось при помощи буксирных концов, как вожжами...

Тогда же был построен специальный корабль, на котором Вильямс собирался прибыть из Нью-Йорка в Ливерпуль за трое суток (принимая во внимание скорость, развиваемую китом)... Но даже через сто лет эра китоходства, как мы видим, так и не наступила.

Печные дымники

Город Воткинск — родина П. И. Чайковского — бурно растёт, застраивается. Вид его становится все более современным. И тем удивительнее старина, еще сохраняющаяся кое-где в каменных воротах бывших некогда купеческих особняков, в затейливой деревянной резьбе наличников, железных оградах, колпаках печных труб.

В бывшем заводском поселке жили знаменитые мастера дел — жестянщики и кровельщики.

Нет теперь старых мастеров и потомки их ремесла редко уж возвращаются к прежнему занятию, но ажурная старина, что осталась в городе, радует глаз и поныне.

Этот памятник великому русскому химику Александру Бутлерову установлен недавно в Казани, в городе, где ученый создал свою знаменитую теорию химического строения.

Фото А. Биктимирова

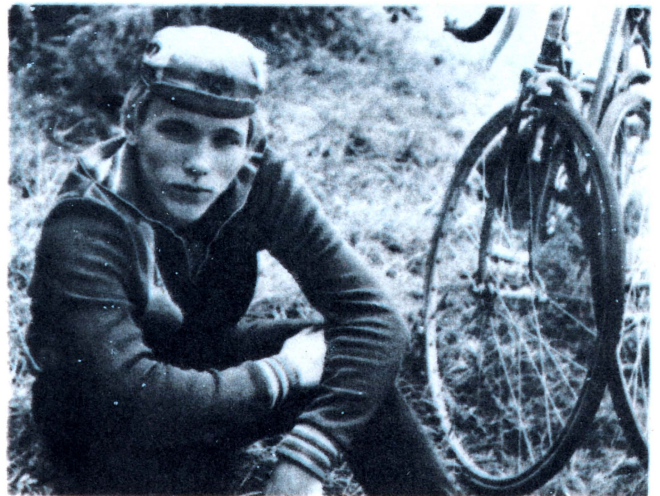

На приз «Уральского следопыта»

Минувшим летом состоялась традиционная многодневная юношеская велогонка на приз нашего журнала, в которой состязались сильнейшие команды велосипедистов Среднего Урала. Победила команда спортклуба «Калининец» (Свердловский машиностроительный завод имени М. И. Калинина). А в личном зачете победителем велогонки стал Сергей Чеснов.

На снимке: победитель велогонки на приз журнала «Уральский следопыт» Сергей Чеснов.

Фото С. Ткачука

КАСЛИНСКОЕ ЛИТЬЕ.

В. И. ЛЕНИН (Нижне-Тагильский краеведческий музей).

Фото А. Нагибина

В нескольких номерах мы рассказывали об истории Олимпийских игр. Гимн Советского Союза за 258 раз торжественно звучал в честь советских представителей разных видов спорта на Олимпиадах в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио, Мехико, Мюнхене, Монреале. О двух

последних Играх и будет рассказано в следующем номере журнала.

А впереди XXII Олимпийские игры. Впервые они будут проведены в столице нашей Родины Москве и соберут двенадцать тысяч лучших спортсменов мира.